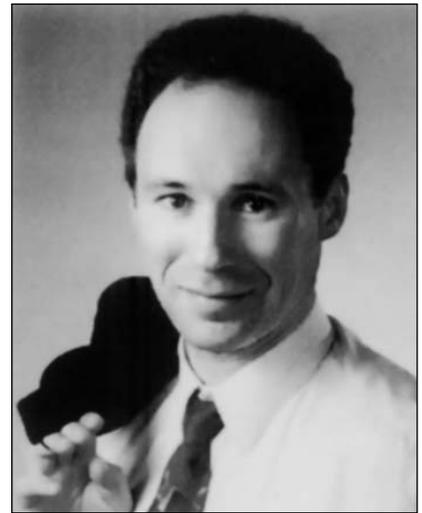

СТРАТЕГИЯ АРКТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Александр ПИЛЯСОВ,
доктор географических наук

1. Роль Арктики в российской экономике

Арктическая зона Российской Федерации имеет площадь более 9 млн. км² (4,9 млн. км² – континентальная часть, 4,0 млн. км² – морская, 0,2 км² – острова). Здесь проживают около 1,5 млн. человек, что составляет 1% населения страны и около 40% населения всей Арктики. При этом в российской Арктике создаётся 12–15% ВВП страны, обеспечивается около четверти экспорта России.

В российской Арктике создан самый мощный индустриальный слой: масштабы хозяйственной деятельности здесь значительно превосходят показатели других полярных стран. Две трети общего богатства Арктики создается в российской Арктической зоне. Здесь беспрецедентно высока доля добавленной стоимости добывающих отраслей и предприятий (составляет 60%; в Гренландии, Норвегии, Швеции, Финляндии, Исландии не более 15%; на Аляске и в арктической Канаде около 30%).

Первое место в структуре хозяйства Арктической зоны занимает газовый комплекс (добывается более 80% российского газа); второе место – горнопромышленный. В его составе доминируют предприятия цветной металлургии (медно-никелевая промышленность Норильского промышленного узла и золотодобыча). В Арктичес-

кой зоне добывается значительная часть российских алмазов, 100% сурьмы, апатита, флогопита, вермикулита, барита, редких металлов; свыше 95% металлов платиновой группы, более 90% никеля и кобальта, 60% меди.

Третье место в хозяйственной структуре Арктики занимает рыбный комплекс. Здесь добывается более трети рыбы и морепродуктов России, производится около 20% рыбных консервов.

В Арктической зоне сосредоточены основные запасы важнейших полезных ископаемых, являющихся определяющими для развития национальной экономики. Общая стоимость минерального сырья арктических недр превышает 30 трлн. долл. Две трети в этой стоимости составляют топливно-энергетические ресурсы. На полуострове Ямал сконцентрированы уникальные Уренгойское, Ямбургское, Бованенковское, Заполярное, Харасавейское, Южно-Тамбейское месторождения газа и крупнейшие Русское, Новопортовское, Суторминское, Северо-Комсомольское, Тарасовское, Харампурское месторождения нефти. Ямальские месторождения с суммарными запасами газа более 15 трлн. куб. м способны удовлетворить перспективный прирост потребности в газе как внутренних потребителей России, так и экспортных.

Месторождения Тимано-Печорской нефтегазовой

провинции, которые находятся в Ненецком автономном округе, обладают ресурсами нефти и газа в несколько миллиардов тонн условного топлива. Здесь создана крупная сырьевая база газовой промышленности. Все разведанные запасы газа сконцентрированы в пяти месторождениях (крупнейшее Лаявожское). Тимано-Печорская провинция вместе с шельфом Баренцева моря формируют единую нефтегазовую суперпровинцию.

Основные прогнозные запасы углеводородов (около 100 млрд. т. в нефтяном эквиваленте) находятся на арктическом шельфе, который представляет собой систему нефтегазовых провинций с многочисленными месторождениями-гигантами. Из 100 млрд. тонн условного топлива извлекаемых ресурсов углеводородов всего российского шельфа 90% сосредоточено в Арктике, в том числе 70% – на шельфе Баренцева и Карского морей¹.

1. Наибольшая доля углеводородных ресурсов (около 70%) приходится на моря Западной Арктики – Баренцево и Карское: потенциальные ресурсы Баренцева моря оцениваются в 22,9 млрд. тонн углеводородов, Карского – в 34 млрд. тонн, извлекаемые ресурсы соответственно в 13,3 и 22,2 млрд. т. Геологи-

¹ Экспертные оценки академика РАН И.С.Грама-берга

МИР СЕВЕРА

№ 4 (72), 2010

Этнополитический и литературно-художественный журнал

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Виктор КАШЛЕВ

Редакционный совет:
Еремей АЙПИН (Ханты-Мансийск),
Михаил АНДРЕЕВ (Томск),
Андрей БОРИСОВ (Якутск),
Галина БУТЫРЕВА (Сыктывкар),
Александр ВАЩЕНКО (Москва),
Людмила ЕФРЕМОВА (Надым),
Николай КУРИЛОВ (Якутск),
Татьяна МОЛДАНОВА (Ханты-Мансийск),
Анатолий ОМЕЛЬЧУК (Тюмень)

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА

Вёрстка
Алексей СЕМУШИН

Корректор
Светлана ШИШАГИНА

На 1-й стр. фото Владимира СНАТЕНКОВА

Подписано в печать 26 августа 2010 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1200 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 694-23-24, 694-03-65,
Факс: 694-50-10

E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано в ОАО «Щербинская типография»
117623, Москва, ул. Типографская, д. 10.

Тел.: 659-23-27
Заказ

СОДЕРЖАНИЕ

- Время, вперёд
- 1 **Александр ПИЛЯСОВ**
Стратегия арктического развития
- Встречь солнцу
- 15 **Яков СОЛОДКИН**
Когда Ермак Тимофеевич
отправился за «Камень»?
- Излом судьбы
- 18 **Валерий ПОВОЛЯЕВ**
Шторм в Белом море
- У истоков
- 21 **Вячеслав ОГРЫЗКО**
Крёстные отцы
нивхской литературы
- Саамский заговор
- 42 **Михаил КУРАЕВ**
Вольноотпущенники
- Непридуманное
- 48 **Марат ВАЛЕЕВ**
Как тунгуса записали в контру
- Культ личности
- 50 **Геннадий КЕЛЬЧИН**
Сказитель эпоса.
Беседу вёл Анатолий ОМЕЛЬЧУК

Драма художника

55

Владимир ХРИСТОФОРОВ
Фельдшер Шаламов

Новая литкарта: Камчатка

59

В свободно
конвертируемом жанре:
допрос
Василия ШИРЯЕВА

Взгляд финского учёного

62

Маркку ИХОНЕН
Арктическая истерия

Отступление от канона

69

Николай ТОБУРОКОВ
Ложка дёгтя в бочке мёда

Проза

73

Александр РЫБИН
Хозяйка тундры

Спорт

79

Илья РЯБЦЕВ
Магаданский бокс

ческие запасы нефти этих морей оцениваются в 16 млрд. т, из которых 4,9 млрд. т извлекаемые ресурсы, природного газа соответственно 40,9 и 30,6 млрд. т. Углеводородные месторождения шельфовых акваторий этих двух морей являются стратегическим резервом нефтегазового комплекса Российской Федерации на перспективу 2020–2030 годов.

В арктических морях Баренцевом, Печорском и Карском открыты 11 месторождений – нефтяные Приразломное, Варандей-море; нефтегазоконденсатное Северо-Гуляевское; газоконденсатные уникальное Штокмановское, крупные Русановское, Ленинградское, также Поморское и Ледовое; газовые Мурманское, Северокельдинское и Лудловское.

Разведанные балансовые запасы шельфа Арктики составляют свыше 3 млрд. т. нефти и конденсата, около 4 трлн. кубометров газа (это 70% общероссийских запасов). Концентрация запасов углеводородного сырья в месторождениях-гигантах (Штокмановском, Русановском, Ленинградском и др.) существенно снижает удельные затраты при их потенциальном освоении.

Месторождения алмазов, запасы которых оцениваются в десятки миллиардов долларов, сконцентрированы в Республике Саха (Якутия) и в Архангельской области.

По запасам и объёмам добычи медно-никелевых руд Россия занимает первые места в мире. Месторождения сосредоточены в Норильском промышленном районе на полуострове Таймыр, их разработку проводит крупнейшее в России предприятие цветной металлургии «Норильский никель». Наряду с высокими содержаниями никеля и меди, руды также содержат металлы платиновой группы, золото, серебро, кобальт. Часть богатых руд и фаянштейна отправляется в Мурманскую область на предприятия «Печенганикель» и «Североникель», производственные мощности которых не обеспечены собственным медно-никелевым сырьём.

Основные запасы редкоземельных металлов России находятся в Арктической зоне на месторождениях Мурманской области. Переработка хибинского апатитового концентрата обеспечивает получение дефицитных стронция и редкоземельных металлов. Значительны запасы алюминиевого сырья в Арктической зоне: это комплексные апатит-нефелиновые руды хибинских месторождений; месторождения кианитов, расположенные в неосвоенных районах Кольского полуострова и др. Фосфатное сырьё представлено комплексными апатитовыми рудами Мурманской области.

Перспективны на коренное и россыпное золото месторождения полуострова Таймыр, архипелага Северная Земля, месторождение «Кючус» полярной Якутии (прогнозные ресурсы 130 тонн золота). В арктической зоне Якутии расположено уникальное магнетитовое месторождение Томтор, руды которого характеризуются исключительно высоким содержанием редких элементов (ниобия и других редкоземельных металлов). Известны крупные месторождения полиметаллов и марганца на архипелаге Новая Земля.

Месторождения железных руд расположены в экономически освоенных районах Мурманской области. Крупные месторождения киновари (руды на ртуть) расположены на Чукотке (57% всех российских запасов). Месторождения алюминиевых, титановых руд и других видов рудного и неметаллорудного сырья известны в Тимано-Печорской провинции. В пределах Полярного Урала выявлены месторождения железных, полиметаллических, свинцово-цинковых руд, руд редких металлов и рассеянных элементов, хромитов, бокситов, пока ещё недостаточной степени геологической изученности.

В Арктической зоне находится система крупных угольных бассейнов – Печорский, Сосьвинско-Салехардский, Таймырский, Тунгусский, Ленский; основные балансовые запасы угля сосредоточены в Таймырском бассейне.

Наиболее богаты рыбными ресурсами Баренцево и Берингово моря. Рыбопромысловый потенциал Баренцева моря формируется запасами трески, пикши, сайды, окуня, зубатки, чёрного палтуса. Основной потенциал Берингова моря формируется тресковыми видами и донными биоресурсами. При сохранении современных тенденций к потеплению арктических морей может существенно возрасти биопродуктивность

Карского моря в результате миграций сюда сайки, мойвы, трески.

2. Специфика Арктической зоны

Выделение Арктики в самостоятельный объект государственной политики обусловлено особыми национальными интересами в этом регионе и его яркой спецификой, которая определяет особенности строительства здесь инновационной экономики.

Экономическое развитие и жизнедеятельность в Арктической зоне теснейшим образом связаны с морем, с морским транспортом, с надёжным функционированием Северного морского пути. Большинство населённых пунктов в этом регионе расположены на побережье арктических морей или в непосредственной близости от него, а также в низовьях рек, впадающих в Северный Ледовитый океан. Нарушение работы морского транспорта, несвоевременная доставка топлива, продовольствия и других товаров в Арктику ввиду коротких сроков арктической навигации приводят к серьёзным социальным и экономическим последствиям, вплоть до угрозы жизни проживающего и работающего здесь населения. Изменения климата, сдвиг хозяйственной деятельности в шельфовую зону арктических морей приведёт в прогнозный период к усилению роли морского фактора в экономическом и социальном развитии Арктической зоны.

Приморский характер Арктической зоны отличает её природно-хозяйственные циклы от «континентального» Севера России и определяет своеобразие формируемых здесь в прогнозный период акваториальных хозяйственных комплексов на шельфе и в береговой зоне. Ввиду значительной изоляции арктические сообщества и сообщества других слабо заселённых островов

имеют множество сходных черт и проблем развития.

Арктическая зона имеет исключительно важное военно-стратегическое значение для России. Здесь в максимальной степени состыкованы вопросы оборонного и хозяйственного развития; хозяйственная деятельность тесно переплетается с интересами военной безопасности. Здесь расположен самый мощный в Российской Федерации Северный флот, который располагает возможностями выхода на стратегические позиции в любом районе планеты; здесь базируются и развёртываются основные морские стратегические ядерные силы России, которые обеспечивают защиту морской государственной границы протяжённостью около 20 тыс. км.

Северный флот обеспечивает безопасность судоходства в прибрежной зоне Белого, Баренцева и Карского морей, охрану рыболовных судов России в районах промысла, законность действий иностранных судов в экономической зоне России, является одним из факторов устойчивости функционирования хозяйственной и транспортной системы Арктической зоны России. В десятках поселений Мурманской области его подразделения имеют градообразующий характер, плотно интегрированы в экономическую ткань арктических городов и посёлков. Плотны состыкованы военная и гражданская деятельность на арктических островах. Здесь одновременно расположены оборонные объекты, пограничные заставы и полярные гидрометеорологические станции и посты, научные станции, заповедники, базируются геологоразведочные экспедиции.

Эффективная экономическая координация в Арктике предполагает постоянное согласование оборонной и хозяйственной деятельности: использование военной инфраструктуры для целей социально-экономического

развития и ресурсного освоения арктической зоны (например, создание единой системы обеспечения и доставки материальных средств и продовольствия для гражданского населения и военных, строительство подводных нефтепромысловых платформ при содействии военных подразделений), учёт оборонных интересов при хозяйственной и муниципальной деятельности и другие меры.

Тесная взаимозависимость военного и гражданского секторов в Арктике характерна и для информационной сферы. Структуры гидрометеорологического и гидрографического наблюдения (полярной гидрографии) предоставляют оперативные данные одновременно и для гражданских, и для военных судов. Практически все данные о природной среде (о гидрологии, ледяном покрове, морском дне и т.д.) имеют «двойное» применение: многие из них имеют оборонное значение – в первую очередь, для действий подводных лодок и противолодочных сил.

Для Арктической зоны характерны экстремальные природные условия: низкие в течение всего года температуры, длительная полярная ночь и длительный полярный день, частые магнитные бури, сильные ветры и метели, плотные туманы, однообразные арктические пустыни и тундры, вечная мерзлота; высокая, значительно опережающая среднемировую, динамика изменений климата в последние десятилетия. Природная экстремальность усиливается негативным действием социально-экономических факторов – транспортной недоступностью, высокими производственными издержками и стоимостью жизни, малыми размерами экономики и тенденциями к её монополизации, изолированности и дисперсностью расселения.

Доля транспортных издержек в стоимости конечного

продукта Арктической зоны доходит до 60% (в среднем по стране 10%). Жизнеобеспечение населения и хозяйственная деятельность определяющим образом зависят от поставок топлива, продовольствия, промышленных товаров по трассе Северного морского пути в ограниченный период полярной навигации. Экстремальность природных условий обязывает повсеместно в арктических городах и посёлках создавать местные системы резервирования и страхования. Системы резервирования включают сеть накопления грузов и товарных ценностей – складское хозяйство нефтебаз, продовольственных грузов, угля в пунктах перевалки; дополнительные источники энергоснабжения, нередко адаптированные к разным энергоносителям для гибкого переключения при необходимости с одного на другой; системы передачи информации, которые одновременно могут работать по кабельным, волоконно-оптическим, спутниковым и радиорелейным линиям.

Обеспечение безопасности и устойчивости существования местных сообществ в экстремальных природных условиях Арктики с наименьшими затратами является важнейшим стимулом для инновационных усилий и разработок в области энергетики, связи, транспорта. Арктику можно назвать исследовательской лабораторией человечества, территорией открытий, инновационного поиска. Арктическая экономика в значительно большей степени, чем другие, ориентирована на экспериментирование в целях понижения затрат и обретения большей устойчивости.

Для преодоления транспортной недоступности арктические территории должны иметь самые современные высокоскоростные средства электронной коммуникации – лучшую в России оснащённость телекоммуникацион-

ными сетями, возможности высокоскоростного Интернет-трафика. Российская Арктика должна быть прочно интегрирована в единое информационное пространство страны и мировое.

Для Арктики в целом характерны предельно низкая плотность населения и высокая дисперсность расселения. Однако Арктическая зона России отличается самой высокой урбанизированностью: более 80% населения проживает здесь в городах и посёлках людностью свыше пяти тысяч человек. В российской Арктике находятся около 30 городов численностью более десяти тысяч человек, в том числе крупнейший для мировой Арктики Мурманск (500 тыс. чел.). Эти факторы являются благоприятными условиями для формирования здесь площадок новой экономики, основанной на знании и инновациях.

Природная и экономическая экстремальность Арктической зоны определяют здесь большую роль государства в лице федерального и регионального бюджетного сектора в местной экономике. Здесь традиционно выше доля занятых в бюджетном секторе, выше доля заработной платы в доходе домохозяйств по сравнению с регионами Севера и центральными районами России. И в формировании новой экономики знания роль государства в

арктических регионах будет выше, чем в целом по стране.

Внутри арктических регионов России четко обособляются рентные, в которых высокоценные природные ресурсы позволяют генерировать значительную экономическую ренту, и трансфертные, в которых основной бюджетный доход формируется за счёт трансфертов федерального бюджета. Контрасты между первыми и вторыми составляют по подушевому валовому региональному продукту десятки раз, по подушевому располагаемому доходу домохозяйств – несколько раз. Государство вынуждено организовывать масштабные финансовые перетоки, чтобы сократить значительный разрыв в уровне жизни в различных регионах обширной Арктической зоны России, определяемый неравномерностью размещения уникальных природных объектов по территории Арктики.

В структуре населения многих арктических территорий (муниципальных районов и городов) значительный по сравнению с другими районами Севера удельный вес имеют коренные малочисленные народы Севера. Для них характерен более высокий уровень бедности и безработицы, чем у неаборигенного населения. Одновременно они являются носителями уникального традици-

Работа на Крайнем Севере вахтовым методом

онного знания о ландшафтах Арктики, традиционных ценностей и культуры. Этот потенциал может быть использован для творческого развития и инновационных градостроительных, инженерных, дизайнерских решений в Арктике.

К российскому сектору относится около трети всей площади Арктики, где обитает около 90% арктических видов растений и животных. Здесь находятся уникальные природные комплексы, не имеющие мировых аналогов, объекты природного наследия ЮНЕСКО (прибрежные районы Баренцева моря, остров Врангеля и др.), отдельные виды редких растений и животных. Вклад российской Арктики в поддержание глобального экосистемного баланса оценивается в 12%.

Арктическая зона России является крупным полигоном развития фундаментальных и прикладных научных исследований в различных областях знаний. Необходимо продолжать международное экологическое сотрудничество для накопления нового знания о глобальных природно-климатических процессах Земли и об особенностях устойчивости арктических экосистем в интересах укрепления экологической безопасности российской Арктики.

По сравнению с плотно населёнными районами Российской Федерации Арктика остаётся относительно экологически чистой. Степень антропогенной трансформации тундровой зоны, зоны северной тайги, арктических морей невысокая. Многие арктические экосистемы могут служить эталонами природных комплексов и процессов.

Однако ввиду крайней уязвимости природной среды арктические экосистемы легко разрушаются под антропогенным воздействием и в условиях резких климатических изменений. В российской Арктике существуют десятки очагов, в которых мас-

штабы деградации окружающей природной среды достигли опасных значений, а уровни загрязнения существенно превышают допустимые нормы.

Экономика российской Арктики имеет самый большой ресурсный сектор по сравнению с другими полярными территориями. Это означает, что ей присущи самые высокие риски нестабильности, значительные по амплитудам ресурсные циклы подъёмов и спадов. В отличие от бизнес-циклов обрабатывающей промышленности умеренной зоны, в ресурсных циклах Арктической зоны нет встроенных механизмов возрождения.

Поэтому здесь значительная нагрузка приходится на инструменты финансовой политики, которая перераспределяет рентный доход от эксплуатации невозобновимых природных ресурсов в пользу других секторов или осуществляет межрегиональные перераспределения бюджетных ресурсов на вышестоящем уровне государственного управления. Финансовая политика в самых удачных формах своего применения, когда часть ресурсных доходов поступает в специальный фонд будущих поколений, способна обеспечить долговременную устойчивость арктической экономики, даже после завершения жизненного цикла эксплуатации природных ресурсов.

Другая особенность российской модели арктического развития – значительное число моноресурсных городов и посёлков, созданных в индустриальный период хозяйственного освоения. Пути их реструктуризации индивидуальны, но подчиняются общим закономерностям инновационной модернизации, укрепления местного слоя экономики знания.

Охарактеризованные специфические черты Арктической зоны России определяют своеобразие создаваемой

здесь в прогнозный период инновационной экономики. «Формирование инновационной экономики означает превращение интеллекта, творческого потенциала человека в ведущий фактор экономического роста и национальной конкурентоспособности, наряду со значительным повышением эффективности использования природных ресурсов и производственного капитала. Источником высоких доходов становится не только возможность получения ренты от использования природных ресурсов и мировой конъюнктуры, но и производство новых идей, технологий и социальных инноваций»². Внедрение технологических, организационных и продуктовых инноваций в арктической экономике имеет в прогнозный период безусловный приоритет и способно нейтрализовать негативное действие объективных здесь высоких производственных издержек.

Накопленный в течение десятилетий уникальный научно-технический потенциал Арктики должен быть сохранён и приумножен. Для этого в арктических сообществах есть многочисленные благоприятные предпосылки. Их отличительными чертами являются открытость на внешний мир, многочисленность добровольческих организаций, отсутствие внутренней жёсткой иерархии, мобильность и толерантность – черты, которые облегчают усвоение нового знания и привлекают сюда творческих людей.

3. Идеиные основы Стратегии

Развитие Арктической зоны в прогнозный период будет проходить в контексте глобальной экономической динамики, которая прежде всего определяется конъюнктурой мировых рынков углево-

² Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М.: Минэкономразвития России. 2008

дородов. Превращение Китая и Индии в основные локомотивы мирового экономического роста, появление новых центров экономического развития в Азии и Латинской Америке неизбежно увеличат давление со стороны спроса на рынках нефти и газа и обеспечат рентабельность освоения арктических шельфовых месторождений.

Альтернативные источники энергии не смогут вплотную до середины века стать реальными заместителями нефти и газа. В условиях истощения месторождений углеводородов в освоенных районах, в связи с технико-экономическими ограничениями, связанными с извлечением тяжёлой нефти, разработкой битуминозных песков, эти обстоятельства объективно предопределяют смещение центра тяжести добычи нефти и газа в Арктическую зону России, прежде всего на шельф. Интерес мирового бизнес-сообщества к топливно-энергетическому потенциалу Арктической зоны России будет возрастать.

С освоением новых месторождений суши и шельфа российской Арктики будет в прогнозный период связано обеспечение российского национального экономического роста и сохранение ведущей позиции России на мировом рынке углеводородов. Арктические месторождения определяют возможность проведения Россией независимой и диверсифицированной экспортной политики на мировых рынках углеводородов.

Важнейший вызов состоит в том, чтобы использовать безальтернативные к разработке арктические мегапроекты для запуска процесса инновационного развития как в самой Арктике, так и в российской экономике в целом. Очевидно, что освоение новых месторождений Арктики должно идти на принципах максимальной ресурсоэффективности, при использовании новых техноло-

гических решений, с подключением многочисленных российских субконтракторов к обустройству новых добычных платформ и площадок, российских транспортных средств для экспорта энергоносителей, с загрузкой российских портов.

Обладая яркими особенностями, Арктическая зона одновременно нерасторжимо связана с остальной Россией, является неотъемлемой частью её национальной идентичности, легендарного прошлого наследия и будущего развития. В прогнозный период Арктическая зона выполняет миссию финансово-экономической поддержки перехода страны на инновационный путь развития. Новые ресурсные мегапроекты освоения Арктической зоны должны создать мощный инновационный импульс во всей российской экономике – в ведущих отраслях российской промышленности: машиностроении, судостроении, ВПК, в отраслевых НИИ, КБ, фирмах, создающих технологии и средства изучения земной коры.

Главными стратегическими рисками и угрозами национальной безопасности в Арктической зоне в прогнозный период являются утрата контроля над ресурсами шельфа, сохранение индустриальной сырьевой модели развития и дезинтеграция единого арктического пространства на слабо связанные блоки.

В прогнозный период российский суверенитет над арктическими морскими пространствами будет подвергаться испытаниям ввиду возрастающей доступности Северного Ледовитого океана в условиях быстрых климатических изменений и развернувшейся борьбы за перспективные источники углеводородов на арктическом шельфе. В последнее десятилетие соседние полярные страны предпринимают активные меры по исследованию участков арктического шельфа, примыкающих к по-

бережью России и находящихся в её сфере интересов, но юридически за ней не закреплённых. В российском секторе Арктики находятся научно-исследовательские суда других государств, которые собирают геолого-геофизическую информацию, проводят разведочное бурение (значительная часть ресурсов на российском шельфе до сих пор практически не разведана). Осуществляются попытки ослабить позиции России в Арктике путём объявления отдельных районов Арктической зоны заповедными и закрытыми для хозяйственной деятельности.

Международные организации активно участвуют в обсуждении арктических проблем и предпринимают попытки их интернационализации: предлагают передавать арктические акватории под международную юрисдикцию по аналогии с Антарктикой, в случае если полярные государства не используют в экономической деятельности свои суверенные права над этими территориями.

В этих условиях должна претерпеть трансформацию сама трактовка российского суверенитета: не как военного присутствия в этой зоне, но как лидерства в знании о ресурсах этих пространств, сильного и постоянного интеллектуального присутствия России в этой зоне. В этой новой ситуации проблемы национальной безопасности в Арктике прямо связаны с активным накоплением нового знания о природно-ресурсном потенциале этой зоны, особенностях протекающих в ней природных процессов, закономерностях её прошлого, современного и будущего социально-экономического и геополитического развития.

Оборонная деятельность выступала гарантом поддержания российского присутствия в Арктике, в том числе в отношении хозяйственной деятельности, в течение десятилетий. Число боевых ко-

раблей тогда означало степень защищённости этих территорий от недружественных действий других полярных стран.

Теперь активное хозяйственное развитие Арктической зоны одновременно является и важным средством обеспечения и защиты национальных интересов в этом макрорегионе. Но ещё важнее становится интеллектуальное, исследовательское присутствие, сохранение и укрепление элементов инновационной (знаниевой) инфраструктуры в Арктической зоне. При этом важны не столько количественные, а качественные параметры российского интеллектуального присутствия: степень наукоёмкости исследовательских судов, качество ледовых прогнозов, разрешающая способность космических снимков в Арктической зоне и др. Приоритет в способности предоставить эти виды наукоёмкого сервиса для потребителей в Арктической зоне означает одновременно и контроль над этими пространствами. Только постоянно создаваемое новое знание гарантирует сохранение суверенитета России над этими пространствами и устойчивое природопользование и развитие этих территорий для России. Поэтому в основу стратегии долгосрочного развития производительных сил Арктики должен быть положен принцип наращива-

ния и концентрации научного знания, а затем и производственного потенциала в наиболее перспективных направлениях и центрах, формирующих «очаги социально-экономической эффективности» в этой зоне.

2. Акцент в международных отношениях на территориальные споры и неурегулированные вопросы не обеспечивает активное продвижение в освоении российского шельфа. Поэтому остро нужны опережающие российские инициативы в выработке взаимоприемлемого для всех полярных стран режима освоения и использования ресурсов Арктики. Необходимо умение перевода потенциальных конфликтов в совместные коллективные действия, но при этом без уступки российских интересов и суверенных прав в Арктике. Любой сценарий развёртывания новых мегапроектов в Арктической зоне должен проходить при активной мобилизации российского научно-технического потенциала и с установлением порядка, защищающего интересы России.

3. Особенностью природных объектов шельфовой зоны является значительная специфика в отработке каждого месторождения. Поэтому плотное научное сопровождение каждой стадии (проектирования, строительства, добычи углеводородов и ремонта оборудования) становится правилом. Неизбеж-

ное возрастание рисков при наложении «морской» и «сухопутной» неопределённости арктической зоны в условиях быстрых изменений климата делает просто безальтернативным активное использование вероятностных технологий принятия решения, гибкого менеджмента, простых, надёжных, дублирующих (страхующих) друг друга технических решений.

4. Национальная безопасность и локальная безопасность отдельных сообществ становятся взаимозависаны в Арктической зоне как никогда ранее. В период холодной войны национальная безопасность означала военную государственную безопасность страны в зоне Арктики (на случай военного вторжения противника). Теперь понятие национальной безопасности в Арктической зоне расширяется и вбирает в себя человеческую безопасность, устойчивость существования местных сообществ Арктической зоны. Это означает укрепление человеческого измерения развития Арктики.

Ядром новой политики России в Арктике становятся знание, инновационная модернизация во имя интересов национальной безопасности, устойчивого природопользования, сбережения уникальных экологических систем Арктики и жизнеспособности местных сообществ.

Модернизация российской экономики, угрозы национальной безопасности, связанные с отставанием России на пути инновационного развития от ведущих мировых держав, новые вызовы глобального изменения климата выдвигают необходимость разработки новых подходов и методов государственного регулирования развития Арктической зоны. Реализовать эти новые подходы призвана данная Стратегия. **Её ключевые слова – знание, присутствие, рост.**

Стратегия развития Арктической зоны Российской Фе-

дерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года представляет собой систему мер государственного управления, опирающуюся на долгосрочные приоритеты, цели и задачи политики федеральных и региональных органов власти на этой российской территории. Период реализации Стратегии должен стать временем создания здесь новой экономики, основанной на знаниях и инновациях. Модернизация экономики и социальной сферы становится стержнем социально-экономического развития Арктической зоны в прогнозный период. Её принципы и ключевые направления были сформулированы в программных выступлениях Президента и Председателя Правительства России, документах стратегического планирования органов федеральной власти. Основным фактором успеха Стратегии является стабильность этих принципов под влиянием политической или экономической конъюнктуры. При этом сами конкретные действия субъектов арктической экономики и акции государственной политики могут корректироваться с учётом новых возникающих проблем и обстоятельств. Однако стратегическое направление развития Арктической зоны к инновационной экономике должно оставаться неизменным.

4. Основные проблемы (экономические и пространственные диспропорции) развития Арктики и обеспечения национальной безопасности

В новейшем развитии Арктической зоны России обнаруживается несколько фундаментальных противоречий, на преодоление которых обращены основные направления Стратегии. Важнейшее среди них чётко обозначается при сравнении ключевых экономических показателей

развития российского и зарубежных секторов Арктической зоны: российское лидерство в объёмных показателях площади пространств, численности населения, совокупного валового продукта, природно-ресурсного потенциала; российское отставание в качественных показателях душевого валового продукта и располагаемого дохода, финансового потенциала, степени интеллектуальности социального и экономического развития. Необходимо интеллектуализация освоения российской Арктики.

Российская арктическая научная школа была мировым лидером на протяжении десятилетий. Российские учёные занимали передовые позиции в решении многих научных и практических проблем Арктической зоны. Однако теперь, в результате резкого свёртывания научной активности в последние два десятилетия, это лидерство утрачено – на фоне многократного усиления научной активности в российской Арктике иностранных государств, фирм и международных организаций. И в этом заключены важнейшие угрозы национальной безопасности России в Арктике.

Обладая самой большой по площади Арктической зоной, Россия имеет скромные достижения в накоплении нового знания, самый низкий уровень геолого-геофизической изученности. Степень изученности бурением шельфа Западной Арктики составляет 0,08 м/кв. км, что на два порядка меньше среднероссийских показателей и в 20 раз меньше, чем в норвежском секторе Северного моря. Самые низкие уровни изученности в мире имеют моря восточного сектора российской Арктики. В прибрежной зоне Аляски, Гренландии ведут активную работу интеллектуальные фирмы, оказывающие услуги сейсмозондировки, с использованием новых технических средств и технологий.

Арктические акватории России абсолютно не изучены сейсмозондировкой. Ослаблены позиции России в области геологического изучения арктического дна, в проведении геологоразведочных работ, картировании территорий, создании объектов инфраструктуры, лицензировании участков недр, перспективных на нефть и газ.

Гидрографический флот Арктики из-за бюджетных ограничений фактически прекратил обследование опасных для судоходства районов, не может полноценно обеспечить контроль за средствами навигационного оборудования (уточнение навигационных карт, техническое обслуживание навигационных знаков и маяков, совершенствование радиотехнических и спутниковых средств навигации).

Ухудшилось гидрометеорологическое обеспечение судоходства и других видов деятельности в Арктике, в том числе качество ледовых и гидрометеорологических прогнозов, которые являются важным условием безопасной эксплуатации трасс Северного морского пути. Это явилось следствием сокращения числа полярных станций, медленным внедрением автоматических гидрометеорологических станций, крайней неравномерности сети наблюдений за состоянием окружающей среды, прекращения авиационных ледовых разведок, упразднения арктических управлений по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды в Диксоне, Тикси и Певеке, отсутствия отечественных космических аппаратов, позволяющих освещать ледовую обстановку в Арктике в условиях облачности и полярной ночи. Произошло значительное уменьшение наблюдательной сети за поведением вечной мерзлоты и гидрологическим режимом рек.

Темпы старения государственных геологических карт превышают темпы прироста

современной геолого-картографической информации; такова же ситуация с созданием государственной сети опорных геолого-геофизических профилей, бурением параметрических и сверхглубоких скважин, мониторингом состояния недр и опасных геологических процессов.

Высокоширотные территории Арктики недоступны для полномасштабного обслуживания с российских спутников связи, вещания и гидрометеорологического наблюдения, потому что размещены над линией экватора. Арктический регион освещается только иностранными специализированными космическими аппаратами. Использование данных, получаемых из зарубежных центров, не соответствует требованиям информационной независимости и безопасности Российской Федерации.

Российский наземный комплекс обеспечивает приём и обработку только небольшой части доступной спутниковой информации по Арктике. Требуется дооснащение имеющихся на Севере центров приёма и обработки информации и создание новых центров. Эта работа потребует меньших затрат времени и средств, чем восстановление работоспособности группировки отечественных спутников.

Морские исследования осуществляются в условиях массового старения научного флота. Не более 10% судов оснащены аппаратурой пространственной съёмки, в США – 100%.

Научные экспедиции являются основой для получения знаний об Арктике, необходимых для решения задач фундаментальной науки о Земле, научного и научно-оперативного обеспечения оборонной и хозяйственной деятельности в этом регионе. Они обеспечивают эффективную концентрацию усилий специалистов разных наук на изучение феноменов организации арктических

природных и социальных систем. В последнее десятилетие проведение исследовательских экспедиций и даже содержание научных коллективов во всё большей степени зависели от помощи со стороны зарубежных стран.

Ежегодно в высокие широты снаряжалось значительное число экспедиций, оснащённых современной научной и аналитической аппаратурой. За счёт усиления научных исследований работ в российской Арктике соседние полярные страны-конкуренты укрепляли свои позиции здесь.

Российские исследования на Шпицбергене в последние годы сократились до минимума и носят фрагментарный характер. Это происходит на фоне увеличения военной активности Норвегии на архипелаге, которая создаёт дополнительные ограничения для экономической и научной деятельности здесь России.

В условиях истощения традиционных месторождений энергоносителей в освоенных районах усиливается борьба за ресурсы арктического шельфа, требования открыть макрорегион для международных нефтегазовых компаний. Поэтому отсутствие международно признанной внешней границы континентального шельфа является угрозой национальной безопасности России. Для получения права на разработку ресурсов на пространствах морского дна общей площадью 1,5 млн. кв. км за пределами нашей исключительной экономической зоны с прогнозируемыми запасами углеводородов 15–20 млрд. т необходимо доказать, что подводные арктические хребты Ломоносова и Менделеева являются естественным продолжением Сибирской платформы, т.е. российского континентального шельфа. Для этого необходимо завершить дорогостоящие морские геолого-геофизические исследования.

Россия имеет в Арктической зоне неурегулированные споры с Норвегией в Баренцевом море и США в Беринговом море. При определении границы с Норвегией в Баренцевом море и с США в Беринговом море Россия придерживается секторного принципа раздела морского пространства, Норвегия предлагает проводить границу по «срединной линии», т.е. на равном расстоянии от Шпицбергена, Новой Земли и Земли Франца-Иосифа. В результате возник «спорный район» площадью 155 тыс. кв. км. Несогласованным остаётся наиболее чувствительный в экономическом и оборонном отношении южный участок района площадью около 40 тыс. кв. км. Самой большой проблемой этого «спорного района» (серой зоны) является свод Федынского, где располагается крупнейшее (до 10 трлн. кубометров газа) газоконденсатное месторождение. Оборонное значение «спорного района» определяется тем, что он «нависает» над Кольским полуостровом. В случае уступки этого района Норвегии НАТО получит возможность расширить наблюдение за деятельностью ВМФ России на значительной акватории Баренцева моря.

В восточной части Арктики разграничение морских пространств с США осуществлено на основе межправительственного соглашения, подписанного 1 июня 1990 года, в соответствии с которым линия разграничения в Арктике морских пространств с США проходит по меридиану, установленному Договором 1867 года об уступке США русской территории в Северной Америке. Ряд российских экспертов считает, что это соглашение ущемляет наши национальные интересы, связанные с морскими биологическими и углеводородными ресурсами в Беринговом море. Государственная дума России не ратифицировала это соглашение.

Другие угрозы национальной безопасности России в Арктике связаны с попытками интернационализации Северного морского пути. Общеизвестно, что международно-правового определения понятия «Северный морской путь» в настоящий момент нет. Северный морской путь проходит в морских пространствах с различным, с точки зрения международного права, режимом плаванья: во внутренних водах действует разрешительный порядок, в территориальном море существует право мирного прохода, а в исключительной экономической зоне и за её пределами – свобода судоходства. Однако Конвенция ООН по морскому праву наделяет прибрежное государство особыми правами в отношении предотвращения и сохранения под контролем загрязнения морской среды в покрытых льдом районах (где и проходит Северный морской путь). Значительное уменьшение площади льда в арктических морях, которое происходит в последние десятилетия, вызвало желание соседних полярных государств зафиксировать новый статус Северного морского пути как международной транзитной магистрали.

Водная, энергетическая, экологическая безопасность и транспортная доступность многих местных сообществ Арктической зоны не обеспечена. Обладая крупными запасами качественной питьевой воды, население российской Арктики сталкивается с её дефицитом. Неудовлетворительное качество питьевой воды отмечается в Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах, в которых концентрация нефтяных углеводородов в питьевом водозаборе периодически превышает 10–30 ПДК, в Мурманской области, для которой характерны высокие уровни загрязнения в водоёмах питьевого водоснабжения за счёт сбросов сточных вод металлургических и добывающих

руды предприятий. Особо опасная ситуация возникает в период весеннего таяния снега, когда накопленные за зиму токсичные формы металлов интенсивно сбрасываются в водоёмы.

Обладая местными ресурсами котельного и печного топлива, десятки поселений Арктической зоны для местного тепло- и энергообеспечения ежегодно завозят тысячи тонн угля за тысячу километров, расходуют на эту кампанию сотни миллионов рублей. Электроэнергетика является слабым звеном производственной инфраструктуры Арктической зоны и во многих районах сдерживает развитие промышленности. Основными диспропорциями в развитии отрасли являются нерациональная структура генерирующих мощностей, низкий технический уровень, недостаточная приспособленность оборудования к экстремальным условиям эксплуатации, низкий уровень надёжности энергоснабжения локальных децентрализованных систем. Ведомственная разобщённость и несогласованность развития энергоснабжения промышленных и коммунально-бытовых потребителей обусловили в прошлом возникновение значительного числа мелких дизельных электростанций. Ещё более раздроблено и слабо развито тепловое хозяйство арктических районов. У субъектов местного энергетического хозяйства нет ресурсов для инвестиционной модернизации, нет и стимулов к повышению эффективности. В результате оборудование местных коммунальных теплоэнергетических систем стремительно стареет, что приводит к расточительному использованию дорогого завозимого топлива.

В результате интенсивной эксплуатации популяций животных, перепромысла рыбы, пушных и копытных животных, слабо контролируемого использования вездеходного транспорта в летнее время,

масштабной трансформации пастбищ домашнего северного оленя в результате хозяйственной деятельности во многих районах Арктики традиционное продовольственное самообеспечение коренных малочисленных народов Севера находится под угрозой. Другую опасность представляют загрязнение традиционной этнической пищи (подкожного жира и жировых тканей белых медведей, китов и тюленей) хлорорганическими соединениями в результате дальнего переноса атмосферными потоками, реками и океанскими течениями из стран Азии, Европы и Северной Америки.

Угрозу для безопасности местных сообществ представляют потенциальные источники радиоактивного загрязнения (места хранения отработанного ядерного топлива), связанные с деятельностью военного и гражданского атомного флота и располагающиеся по всему северному побережью Кольского полуострова, в районе Северодвинска на Белом море. Отдельную проблему представляют использовавшиеся в навигационном оборудовании радиоизотопные термоэлектрические генераторы (РИТЭГи) с истекшим сроком эксплуатации. Инвентаризация и замена РИТЭГов проведена в западном секторе Арктической зоны, необходимо продолжить её на территории Республики Саха (Якутия) и Чукотского автономного округа.

Другая опасность для здоровья местных сообществ связана с загрязнением атмосферного воздуха, водных объектов, почвы вредными веществами от деятельности предприятий металлургической промышленности, от предприятий добычи и транспортировки нефти и газа, скоплением бытовых и промышленных отходов в несанкционированных свалках, железные ёмкости, химические реагенты для бурения скважин.

Более половины поселений Арктической зоны не имеют круглогодичной транспортной связи. Тарифы на местные авиаперевозки в тех поселениях Арктики, где воздушный транспорт является безальтернативным, несоизмеримы с уровнем денежных доходов населения и потому закрывают для жителей возможности свободного перемещения. Изолированность арктических посёлков в сочетании с сокращением числа фельдшерско-акушерских пунктов и сельских участковых больниц, ликвидацией передвижных форм обслуживания приводят к недоступности медицинской помощи для местных жителей.

Накануне развёртывания крупных мегапроектов Арктическая зона сталкивается с возрастающим дефицитом квалифицированных кадров в результате их масштабного оттока в последние два десятилетия в центральные районы России и общего снижения численности населения России в трудоспособном возрасте. Дополнительным фактором, который усугубляет проблему квалифицированных кадров, является мужская сверхсмертность в трудоспособном возрасте от травм, несчастных случаев и отравлений.

Профессиональные кадры арктических регионов стареют, а система образования недостаточно эффективно работает на их воспроизводство: на многих территориях ощущается дефицит учреждений среднего профессионального образования, ресурсные корпорации актив-

но не вовлечены в процесс обучения и переподготовки кадров: не участвуют в создании программ обучения, не лоббируют создание «нужных» им специальностей, не принимают молодёжь на стажировку, не направляют на повышение квалификации своих сотрудников и т.д.

Возможности привлечения работников из числа коренных малочисленных народов Севера на предприятия промышленного сектора и в сектор социальных услуг используются недостаточно. Между тем предпосылки и необходимость в этом, безусловно, есть: около половины трудоспособного населения из числа коренных малочисленных народов не имеют постоянной работы. Значительная их часть живёт за чертой бедности: денежные доходы в два-три раза ниже среднероссийского показателя.

Федеральное законодательство по Арктической зоне несистемно, фрагментарно и архаично, не соответствует тем вызовам, которые возникают в связи с задачами модернизации арктической экономики в прогнозный период. В нём сохраняется значительное количество пробелов (например, нет законодательной базы для деятельности ледокольного флота, для функционирования вахтовых поселений в Арктике, для закрытия поселений, в которых ликвидировано градообразующее предприятие и др.). Нечётко определён сам объект правового регулирования: базовый закон по Арктической зоне до сих пор не

принят. Нет актов Правительства Российской Федерации в отношении этого важнейшего макрорегиона страны. Государственный комитет по делам Севера, Совет по проблемам Севера и Арктики при Правительстве Российской Федерации упразднены, адекватная современным задачам и вызовам структура, координирующая на государственном уровне действия всех уровней власти в Арктике, не создана. Нет уполномоченного федерального органа исполнительной власти, который был бы способен координировать деятельность органов власти всех уровней для обеспечения государственной поддержки крупных промышленных и инфраструктурных проектов межрегионального характера в Арктике, реализуемых на территории нескольких федеральных округов. В результате действия и позиции разных федеральных ведомств по вопросам развития Арктической зоны России не согласованы, взаимодействие федерального, регионального, муниципального уровней власти в решении этих вопросов неэффективно.

Федеральные решения в области экономической, социальной, бюджетной политики ориентированы на среднероссийский стандарт и не учитывают специфику Арктической зоны. Например, проблемы треста «Арктикуголь» как ключевой структуры российского присутствия на Шпицбергене усугубляются несовершенством федеральных таможенных, налоговых правил и документов по со-

циальному обеспечению граждан, которые не учитывают особенности хозяйственной деятельности на Шпицбергене.

Российская модель освоения нефтегазовых ресурсов арктического шельфа формируется при отставании институционального блока, прежде всего технических регламентов, национальных и отраслевых стандартов. Неполнота, нестабильность и изменчивость норм и правил изучения и освоения ресурсов углеводородного сырья провоцируют дополнительные риски для недропользователей и арктических регионов. Не разработан экономический механизм контроля за исполнением лицензионных соглашений. Из-за несовершенства государственного регулирования в области природопользования, являющегося наиболее важным и для многих единственным источником наполнения региональных и местных бюджетов, арктические территории несут значительные потери.

Не используются методы государственного стимулирования для развития различных видов деятельности в Арктике, в частности по развитию прибрежного рыболовства за счёт предоставления специальных стимулирующих квот.

Природопользование в Арктической зоне неустойчиво ввиду низкого технического уровня и высокого износа основных производственных фондов, кризиса в воспроизводстве минерально-сырьевой базы по многим видам добываемых природных ресурсов. Фискальная налоговая система не создает стимулов для инновационной деятельности и осуществления инвестиций в основных ресурсных комплексах Арктической зоны.

В критическом состоянии находятся основные звенья арктической транспортной системы. Объёмы перевозок по Северному морскому пути сократились за последние

два десятилетия в три раза, по восточному сектору – в 30 раз. Экономическое возрождение морских портов Арктики – Мурманска, Архангельска, Нарьян-Мара, Игарки, Дудинки, Диксона, Тикси, Певека, бухты Провидения – сегодня самых слабых звеньев транспортной системы – будет напрямую связано с наращиванием грузопотока по трассе Северного морского пути.

Не осуществляется планомерное воспроизводство выбывающего из эксплуатации атомного и дизельного ледокольного флота. Неудовлетворительное состояние гидротехнических сооружений морских и речных портов Арктики, дноуглубительных работ, организации паромных переправ, русловыправительных сооружений на водных путях затрудняют судоходство, приводят к большим потерям пропускной способности берегового хозяйства и провозной способности флота.

В кризисном состоянии аэропорты арктических городов и посёлков, где авиация является основным или безальтернативным видом транспорта; характерен высокий процент износа взлётно-посадочных полос, светосигнального оборудования, авиационной техники. Критическое положение с парком малой авиации. Имеющиеся отечественные разработки новых самолётов малого размера, соответствующие спросу на перевозки и условиям эксплуатации в арктических районах, не запущены в серийное производство.

В Арктической зоне России слабо защищено природное разнообразие. Общая площадь всех федеральных заповедников и заказников, которые распределены крайне неравномерно, составляет лишь 1,5–5% территории и акватории Арктики (в зарубежной Арктике 20–50%). Практически отсутствует сеть морских заповедников, акваториальной охраной не охвачены ни

типичные, ни уникальные морские экосистемы.

Арктика остаётся пока одним из наименее загрязнённых регионов Земли и играет большую роль в сохранении биологического равновесия на планете, но интенсивно загрязняется за счёт местных источников и трансграничного переноса; в обширных районах промышленного освоения и оборонной деятельности окружающая среда подвергнута необратимым изменениям. Крупные участки фрагментации экосистем (значительные площади отвалов и твёрдых отходов) сформировались в Мурманской области, в низовьях реки Печоры в Ненецком автономном округе, на юге полуострова Ямал в Ямало-Ненецком автономном округе, в Норильском промышленном районе, на севере Республики Саха (Якутия) и вокруг золотодобывающих районов Чукотского автономного округа, в районах восточного побережья архипелага Новая Земля, где проходили испытания ядерного оружия.

В результате масштабного хозяйственного освоения и потепления климата в последние десятилетия удалённые районы Арктики стали более доступными для человека, в связи с чем возросли нагрузки на биоресурсы. В результате сократилась численность и произошла трансформация мест обитания редких видов.

Решение указанных проблем требует согласованных действий федеральной власти, руководителей регионов и муниципальных образований, расположенных в Арктической зоне, институтов гражданского общества, крупных ресурсных корпораций, других организаций и учреждений, работающих в российской Арктике, в интересах обеспечения максимально эффективного использования производственно-технического потенциала, природных и человеческих ресурсов.

О «Сибирском взятии», с которого началось вхождение бескрайней «Закаменской страны» в состав Московского государства, десятилетиями помнили и соратники «храбросердого» атамана Ермака, и выходцы с «Руси», обосновавшиеся в «далечайшей вотчине» российских самодержцев, и представители коренных народов бывшего «Кучумова царства». Например, кодские остяки писали в одной из челобитных, что, находясь под «высокой рукой» новых властителей, несли «всякие государевы службы... и кровь проливали и головы свои складывали исстари, от Сибирского взятъя», под которым единодушно понималось завоевание немногочисленной казачьей «дружиной» татарского юрта. В 1624 году обратившись к местному воеводе боярину князю Ю.Я. Сулешову «тобольские старые служивые литовские люди... сказали, что они служили... в Сибири лет по сороку и болши с Сибирского взятъя». Очевидно, ветераны бессмертной экспедиции, числившиеся по «литовскому списку» (в него включали поляков, литовцев, черкас, как зачастую называли украинцев), помнили, что овладели ханством Кучума четыре, даже с лишним, десятилетия тому назад, но когда именно, вряд ли кто-то из них знал. Недаром в синодике (или поминальном списке) «ермаковым казакам», составленном накануне, вслед за учреждением Tobольской архиепископии, на основании показаний сподвижников «ратоборного» атамана, «взятие» Сибири отнесено к 7089 году по летосчислению от сотворения мира, что соответствует по нынешнему – от Рождества Христова – промежутку времени между 1 сентября 1580-го и 31 августа следующего года.

Эта дата повторена в летописи «Сибирское царство и княжение, и о взятии, и о Tobольске граде», вышедшей из-под пера дьяка Tobольского

архиерейского дома Саввы Есипова примерно через полтора десятилетия. Некоторым сибирским книжникам представлялось, будто Ермак «с товарищи» появился в раскинувшейся за «Камнем» стране в 1579/80 г., столичные же и северорусские летописцы приурочивали ее «взятие» к первым годам царствования «преблаженного» Фёдора Ивановича, указывая, однако, разные сроки – с 1584/85 до 1588/89 г.

Почти одновременно с Есиповым по заказу «именитых людей» Строгановых в их главной резиденции – Соли Вычегодской – анонимный историк сочинил летопись «О взятии Сибирской земли, како благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси подарова Бог Сибирское государство обладати ...», где выступление казаков в поход против кучумлян отнесено к 1 сентября 1581 года. Не прошло и двух месяцев, как 26 октября, в день памяти Димитрия Солунского (об этом читаем и едва ли во всех сибирских летописях) ермаковцы заняли Кашлык, являвшийся главной ханской ставкой. Про день, когда атаманы и казаки двинулись за Урал из строгановских владений на Чусовой, безвестный «историограф» узнал из «опальной» грамоты Ивана Грозно-

го прикамским солепромышленникам и купцам, но почему-то рассудил, что это случилось не в 1582 году, названном в документе, а годом прежде. Грамота, которая угрожала немилостью Максиму Яковлевичу и Никите Григорьевичу Строгановым, принявшим на службу Ермака и других «вожских воров» (ранее грабивших ногайских татар), была составлена в Москве 16 ноября 1582 года по донесению (отписке) воеводы главного центра Пермского края – Чердыни – В.И. Лобанова-Пеллепицына. Тот утверждал, будто накануне, в первый день осени, казаки, приглашённые Строгановыми для обороны своих городков, вместо того, чтобы защищать их, отправились воевать в земли вотяков, вогулов, пельмцев и даже сибирцев, не оказав помощи Чердыни, на которую именно тогда напал пельмский князь Аблегири.

Следуя «опальной» грамоте, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьёв и многие другие учёные считали, что знаменитая экспедиция, повлекшая за собой быстрое крушение ханства Кучума, началась 1 сентября 1581 года. Живший же в XVIII веке «отец сибирской истории» академик Г.Ф. Миллер, не располагавший Строгановской летописью, доверял, хотя и с оговорками, сообщением Ремезовской летописи

(петровской эпохи) и включённой в её текст Кунгурской (запечатлевшей казачьи предания о подвигах Ермака и его «товарства») о том, что первые походы ещё перед тем, как им удалось «сбить с куреня» «сибирского салтана», русские совершили в 1577 и 1578 годах. Г.Ф. Миллеру казалось, что сочинитель «кунгурских листов», упоминающая о грозном «писании» царя Ивана Максиму Строганову (1578/79 г.), имел в виду «опальную» грамоту, но «ошибся... во времени». Получается, что такую же ошибку совершил и выдающийся учёный «Века Просвещения». (Замечательный же сибиревед прошлого века С.В. Бахрушин находил, что «опальной» грамоты автор Кунгурского летописца не видел, а сообщил о ней понаслышке.) Г.Ф. Миллер пренебрёг и известиями челобитной тюменского конного казака Гаврилы Иванова, поданной царю Михаилу Фёдоровичу в конце 1622 года. Добиваясь атаманского чина, сподвижник Ермака уверял, что прослужил в Сибири 42 года, то есть, выходит, с того же 1580/81 г., указанием на который открывается синодик тобольского Софийского собора. Однако едва ли Гаврила Иванов писал о многолетней службе (её наиболее значительными эпизодами он называл разгром Кучума на Оби и пленение десятилетие спустя его наследника Алея, «поставление» Тюмени, Тобольска, Пельма, Тары, Томска, начало «объясачивания» Кузнецкой земли) под влиянием тобольского помянника. Скорее всего, что, по наблюдениям известного современного историка Н.И. Никитина, не было редкостью среди сибирских служилых людей, Гаврилы Иванов завысил свой «стаж». Соратник Ермака мог полагать, что ко времени зачисления в ряды тюменского гарнизона (1586 г.) уже 5 лет бился с кучумлянами, но, видимо, запамятовал, что после гибели своего «наставника»

покинул Кашлык и вернулся в Сибирь приблизительно через год в отряде В.Б. Сукина, «срубившем» первую русскую крепость в этой «восточной стране».

В XIX веке мало кому известный учёный В.В. Голубцов скопировал такую надпись на затинной пищали (небольшой пушке) из строгановской коллекции: «В граде Кергеда не на реце Каме дарю я, Максим Яковлевич Строганов, Ермаку лета 7090», иначе говоря, 1581/82 – в канун сибирского похода, что, на взгляд маститого историка последних десятилетий Р.Г. Скрынникова, повышает доверие к свидетельству «опальной» грамоты. Со временем пищаль куда-то пропала, и современные пермские краеведы Г.П. Головачанский и А.Ф. Мельничук считают её не той, что была подарена Ермаку и потом снова каким-то образом очутилась в руках Строгановых, а новоделом – подделкой XVII века, когда «именитые люди» старались, как видно, не только в заказанной ими летописи, обосновать своё деятельное участие в подготовке казачьей экспедиции в «сибирские земли». (В.И. Сергеев же думал, что М.Я. Строганов, главная резиденция которого находилась в Нижнем Чусовском городке, лишь собирался подарить пищаль Ермаку, но ему она так и не досталась).

Примечательно, что в давно известной учёным царской грамоте конца 1606-го или начала 1607 года об отставке верхотурского атамана Пиная Степанова говорится о его 24-летней службе во всех сибирских городах, то есть с 1582/83 г. (Правда, в 1598 году, когда этого ермаковца перевели «на Верхотурье» из Тобольска, Степанов писал в челобитной о том, что 12 лет, или с 1586 года, служил в городе, вскоре сделавшемся «начальным» в Сибири. Но «Тоболеск» был выстроен год спустя.) Вероятно, будучи уже «слеп и увечен», Пинай смог вспомнить, когда появился за

«Камнем», надо думать, благодаря послужному списку.

К 1582/83 г. – к тому же самому, что в «опальной» грамоте, «Сибирское взятие» отнесено в приписке, впрочем, неизвестного происхождения, на одной из рукописей (конца XVII в.) Безнинского летописца, сохранившейся в богатейшем собрании академика М.П. Погодина. (Этот летописец получил название по фамилии предполагаемого автора – старца Иосифо-Волоколамского монастыря Мисаила Олферьева-Безнина, в недавнем прошлом думного дворянина, «дядьки» или воспитателя будущего царя Фёдора.) О «Сибирском взятии» 1582/83 г. идёт речь и в документе, опубликованном в «Актах Археографической экспедиции» Академии наук ещё в 1836 году, но странным образом ускользнувшем от внимания многочисленных исследователей дерзкого казачьего похода из Пермского края за Урал. Возможно, историков ввело в заблуждение название, которым этот документ снабдили издатели, – об устройстве Соликамского яма. (По определению В.И. Далея, ям – «стан на большой дороге, где едущие меняют почтовых лошадей и где ямщики имеют жительство».) 11 июля 1606 года в ответ на челобитную пермских посадских людей Ивана Могильникова и Михаила Ванкова была составлена государева грамота в Чердынть воеводе князю С.Ю. Вяземскому и подьячему И.Фёдорову. (Её привёз в «Пермию» сам Могильников – местный староста.) Согласно челобитной, воспроизведённой в одной из первых грамот царя Василия «на Чердынть», с 1582/83 г. – при Иване Грозном, потом его «освятованном» преемнике Фёдоре – «сибирские отпуски» – сбор и доставка хлеба в зауральские уезды России, сопровождение туда служилых людей, «ямская гоньба», то есть почтовая связь, – осуществлялись за счёт денежных доходов, которые были пере-

даны в ведение самих пермичей. В 1599/1600 г. же царь Борис распорядился, не отменяя «отпуски» в Сибирь, эти деньги собирать в казну, что ввиду тяжести новой повинности привело к разброду населения по «московским и сибирским городам». Челобитчики, вероятно, ответственные за её выполнение, по крайней мере причастные к организации «сибирских отпусков», обращаясь, наверное, к Лжедмитрию I, просили вернуться к положению, существовавшему до самого конца XVI века, и московское правительство, теперь уже царя Василия, решило устроить ямы силами местных жителей или же из пермских денежных доходов.

Известие о начале практики «сибирских отпусков» (они скоро стали важнейшей из «служб» населения Верхнего Прикамья) с 1582/83 г., скорее всего, имеет документальную основу. Недаром челобитчики из среды пермского посадского люда сослались на «указ» избранного меньше десятилетия тому назад государем Бориса Годунова. Видимо, такая же грамота, но за 1582/83 г., и сохранявшая силу до самого конца XVI века, отложилась в делопроизводстве пермской «приказной избы». (Редкие документы в «чердынском архиве» имелись ещё во времена выдающегося русского учёного второй четверти XVIII века В.Н. Татищева.)

Сообщение царской грамоты 1606 года, выпавшее из поля зрения сибиреведов, подтверждается материалами, изданными уже Г.Ф. Миллером. В грамоте Ивана IV Строгановым от 7 января 1584 года сказано о предстоящем походе князя С.Д. Болховского из Перми за Урал «с запасом». В наказах воеводам П.И. Горчакову и А.В. Елецкому, заложенным в 1593 и 1594 годах Пелым и Тару, упоминается о необходимости сбора муки в Пермском крае. («Пермичи» участвовали и в строительстве этих городов, а также Берёзова и Сургута).

Царская грамота от 11 июля 1606 г. оказывается самым ранним и, кстати, пока единственным прямым свидетельством о времени «Сибирского взятия». Судя по ней, правительство «гордояростного» самодержца сравнительно быстро узнало о завоевании ермаковцами татарского ханства. Не исключено, что об этом сообщил в Москву тот же чердынский воевода В.И. Пеллепицын, который, вспомним, накануне пожаловался на Строгановых, отпустивших «воровских» казаков за Урал и оставивших без помощи главный город Пермского края, когда к нему подступили войска Аблегирима.

Как установлено В.И. Сергеевым, самое раннее документальное свидетельство о действиях Ермака на Волге относится к 8 июля 1581 года. Урмагмет-мирза из Ногайской орды известил тогда московские власти, что у него «наперёд сего» атаман отогнал 60 лошадей. Судя по этому выражению, он мог действовать в Поволжье весной того же года или ещё и в конце предыдущего.

Летом 1581 года атаманы Иван Кольцо и Никита Пан – соратники Ермака во время зауральской эпопеи – разгромили ногаев на волжской переправе у Соснового острова. Вероятно, эти атаманы присоединились к отряду предводителя беспримерной экспедиции в Пермской земле, а не во владениях Кучума, как думалось В.И. Сергееву.

Погодинский летописец конца XVII века сохранил восходящий к сообщениям участников «Сибирского взятия» рассказ о том, что на берегах Волги, куда ермаковцы прибыли по Иргизу с Яика, казаки грабили государеву казну и (о чём идёт речь также в «опальной» грамоте) громили ногаев, а узнав о вторжении ханского сына Алея, «прибежали» на Чусовую и не дали её «повоевать», после чего «учали... мыслить и збираться, как бы им дойти до Сибирские земли до царя

Кучюма». Эти строки, да и жалоба Урмагмета-мирзы на Ермака, заставляют (подобно, в частности, А.А. Введенскому и А.А. Преображенскому) отказаться от гипотезы, будто в середине 1581 – начале 1582 гг. атаман, прослышавший «непобедимым ратоборцем», участвовал в Ливонской войне, покинув якобы театр боевых действий почти за полтора года до её окончания.

Следуя Кунгурскому летописцу, ряд тюменских историков недавно постарался доказать, будто уже в мае 1582 года ермаковцы сражались с вассалами Кучума в низовьях Оби, овладев Самаровским городком и добравшись до Белогорья. Ввиду позднего происхождения этого летописного сочинения и обилия хронологических ошибок, допущенных его автором либо редактором (которым мог быть тобольский сын боярский С.У. Ремезов), такой вывод следует признать заблуждением.

Ранние документы – «опальная» грамота Ивана Грозного Строгановым, грамота царя Василия в Пермь Великую, до сих пор не привлекавшая к рассмотрению самого вопроса в обширной историографии «Сибирского взятия» – о времени его начала, составленная год спустя грамота об отставке верхотурского атамана П. Степанова – позволяют с большей уверенностью, нежели прежде, заключить, что к востоку от Каменного пояса, в «страну солнечного восхода» ермаковцы шагнули осенью 1582 года. Тогда же они вступили в Кашлык (Искер), возле которого позднее поднялись стены и башни Тобольска – будущего «златоразрядного града» «Сибирской страны».

Яков СОЛОДКИН,
доктор исторических наук,
профессор Нижневартговского
государственного
гуманитарного университета

г. НИЖНЕВАРТОВСК

ШТОРМ

В БЕЛОМ
МОРЕ

Валерий ПОВОЛЯЕВ

Этот катер Соловецкому монастырю подарил Александр Исаевич Солженицын – великий наш современник, нобелевский лауреат, писатель. Катер оказался «беготной», как принято тут называть суда, более-менее способные держать скоростёнку, вёрткий, но, видать, монастырь доверил его человеку, плохо знавшему коварный характер северного моря, и катер вскоре затонул. Затонул на мелководье, с работающим двигателем, пугающе высунув из воды радиомачту.

Поскольку среди монашеской братии не оказалось человека, который был бы склонен к судовождению – а моряком тут надо быть превосходным, – то монастырь решил этот катер продать.

Приобрёл, поднял катер со дна и выходил его московский доктор Вадим Трускалов. Ему нравилось море, здешние места, белые ночи июля – самого ласкового и желанного месяца на севере, нравилось приобщать к северу детишек своих – Ваську и Витальку, жену Наталью... Пожалуй, только на севере человек чувствует себя раскрепощённо, вольно, как нигде, считает Трускалов, – только тут можно отвести душу и отдохнуть, прийти в себя, что называется...

Некоторое время Трускалов плавал на катере, которому дал имя «Онега», вокруг Соловецких островов, любовался природой, собирал на «кузо-

вах» – мелких островах – целебный золотой корень, дёргал из заливов треску и навагу, научился довольно сносно коптить рыбу, а потом, перед приходом октябрьских штормов, решил перегнать катер в «порт приписки», в Онегу, и там поставить его на зимовку.

На всякий случай проконсультировался со старыми поморами: как лучше совершить перегон, что надо взять с собой, чтобы не угодить в беду.

Те озадаченно почесали пальцами затылки:

– Пора наступает такая, что погода может меняться каждые двадцать минут. Возьми с собою запас «керосинчика», это никогда не помешает, ещё обязательно возьми лодку... Держи её на поводу, как лошадь. На крепкой привязи. И ещё, если, конечно, есть деньги, купи к лодке мотор. Пригодится.

Денег – ни лишних, ни нелишних – у Трускалова не было, но тем не менее он и лодку, и мотор купил. И взял с собою в переход две большие канистры горючего.

Как потом выяснилось – правильно сделал.

Вначале шли тихо, волны на море были небольшие, ничто не предвещало беды, а потом катер вдруг всадились носом во что-то твёрдое, будто в земляной бугор въехал. Детишки, сидевшие на лавке в кают-компании, мигом очутились на полу. Корпус катера затряс-

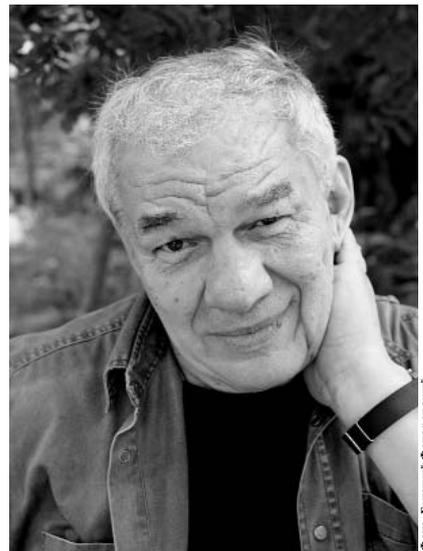

Фото: Евгений Федоровский

ся, словно его пробил электротоком.

Так они вошли в штормовую полосу – не вошли, а влетели – стремительно, словно на крыльях.

На пол следом за Васькой с Виталькой полетела тарелка с остатками копчёной мойвы, следом – два стакана и пластмассовая бутылка с пивом «Бочкарёв».

Из рубки немедленно примчался капитан с мокрым полотенцем – откуда он взял полотенце, да ещё мокрое, было неизвестно, – молча расстелил его на столе.

Когда на столе расстелено мокрое полотенце, посуда не ездит туда-сюда, стоит мёртво, будто приклеенная к полотенцу. Трускалов кинулся к Ваське, отлепил от его мордахи несколько прилипших мойв, почистил Витальку – тот также был испачкан вонючей копчёной рыбой, ощупал – не ушиблись ли?

Затем поспешно наплескал на ребячьих мордахи пива из бутылки, смыл грязь, вытер «портреты» платком. Копчёная мойва – штука хотя и вкусная, но очень уж вонючая, руки, испачканные мойвой, надо отмывать только пивом либо того хуже – керосином, смахнул раздавленную рыбу в совок.

За первым ударом шторма последовал второй – катер вновь будто бы въехал в земляной горб, – потом третий.

– Где мы находимся? – про-

кричал Трускалов в окошечко перегородки – окошко это было вырезано специально, чтобы капитан катера, находящийся в рубке, мог общаться с кают-компанией.

– До Кий-острова остался час хода.

И от Кий-острова до Онеги тоже остался час хода.

Итого не дотянули совсем немного, всего два часа.

А шторм продолжал наращивать свои мускулы. Над морем носился свирепый, ветер, скручивал среди волн хвосты, которые со стоном сшибались друг с другом, валы также сшибались, в воздух поднимались тугие столбы, способные рубить железо, небо сделалось траурным, чёрным.

Капитан Владимир Балашов, опытный мореход, начал лавировать между волнами, избегая столкновения с валами, и это до поры до времени ему удавалось. До того момента, когда неожиданно заглох двигатель.

Судно мигом сделалось неуправляемым – стало обычным железным коробком, с которым взбесившаяся стихия могла теперь делать что угодно.

Ребятишек начало рвать – слишком уж мотало судёнышко, – «Онегу» в воде ставило вертикально, будто городок, подсечённый в старинной русской спортивной игре битой, потом клало на один бок, затем на другой – волны норовили перевернуть катер, но судьба была пока благосклонна к людям. Долго это будет продолжаться или коротко – не знал никто.

Наталья тоже чувствовала себя плохо. Она не жаловалась, держалась мужественно, но по её виду, молящим глазам, неожиданно сделавшимся тёмными, было понятно, как туго ей приходится. Вадима тоже выворачивало наизнанку.

Капитан пробовал починить двигатель, но потом вылез из машинного отделения, мокрый, грязный, с перепачканным мазутом лицом, измученный, и виновато развёл руки в стороны:

– Ничего не могу сделать. Полетел редуктор. Двигатель надо перебирать.

Переборка двигателя – это очень сложная операция, её надо делать только на берегу.

Мотать стало сильнее. На детишек и Наталью было больно смотреть.

В бок «Онеге» ударила крутая, словно бы отлитая из чугуна волна, удар был пушечным. Катерок жалобно зазвенел. Показалось, их сейчас перевернёт – иллюминаторы кают-компании коснулись воды, сквозь брезент полога, которым была прикрыта корма, в катер хлынула вода.

Дико, как-то по-заячьи, будто раненый зверёк, закричал. Васька. Всё, это конец, сейчас они пойдут на дно.

Но нет, не пошли. Катер выпрямился. Трускалов вместе с капитаном схватили вёдра и кинулись на корму вычерпывать воду. Впрочем, занятие это было бесполезным – вода всё равно беспрестанно натекала в катер.

Детей и Наталью Трускалов посадил на пол кают-компании – здесь, на осевой линии, качало меньше.

Самому Трускалову тоже до смерти хотелось усесться на пол, на осевую линию, и замереть в позе рыбы, хватающей воздух ртом... От усталости, от переживаний, от неизвестности ломило тело, мышцы скручивало в жгуты, кости ныли от боли и напряжения, руки от холода перестали ему подчиняться.

В конце концов и он опустился на пол, встал на колени, перекрестился.

– Молитесь! – приказал своим домочадцам. Те послушно начали молиться.

Прошло два часа. Катер нахлебался воды, огруз, но продолжал держаться на плаву, не тонул, и это вселяло надежду – авось шторм закончится прежде, чем они пойдут на дно. Если шторм утихнет, они спасутся. Трускалов верил в спасение.

Они спаслись.

Ветер в последний раз пробежался по пространству моря, словно бы осаживая волны, прогрохотал по крыше рубки и исчез. Через десять минут ничто уже не напоминало о шторме, так быстро всё переменилось. Волны успокоились, а безобидная рябь, испятнанная поверхность воды, вид имела очень незлобивый, мирный.

Надо было прибиваться к суше.

Хорошо, что шторм, каким крутым он ни был – а он был действительно крутым, – не оборвал капроновую верёвку, на которой в «поводу» шла лодка. Лодка была хоть и помята, но жива.

Её подтянули к катеру. Трускалов спрыгнул вниз, обследовал корпус – нигде не течёт? Нет щелей? Лодка не текла. На неё навесили мотор, заправили бензином и привязали прочнее, всеми верёвками, что нашлись у капитана, к борту катера.

Кий-остров, до которого они не дотянули совсем немного, поднялся на горизонте этакой каменной напшлёпкой, горкой, зубом, угрюмо растущим из воды. Надо было во что бы то ни стало дотелепать до него.

Завели мотор и потихоньку, полегоньку, не дыша, тронулись с места. Вначале ползли медленно, со скоростью козавки, буквально по сантиметру одолевая пространство, а потом ничего – убыстрили скорость до метров.

Наверное, никто в мире никогда не наблюдал ещё такой странной сцепки, когда маленькая лодчонка, пыхтя, тянула привязанный к своему борту тяжёлый катер

Трускалов молил Бога – только бы мотор на лодке не заглох! Только бы мотор не заглох!

Мотор не заглох. Через три часа они вплыли в маленькую каменную бухточку, будто бы ножом врезанную в твердь Кий-острова.

Кий-остров был пустынен – ни одного человека. Было холодно, от камней несло стынью, пробивающей тело до хребта, до самой последней-распоследней косточки – зуб на зуб не попадал. Трускалов выгрузил ребятишек с Натальей, развёл им на берегу костёр, а сам прыгнул в лодку и на остатках бензина погнал в Онегу.

Оттуда вернулся с буксиром.

Онемевший катер зацепили тросом и поволокли в город, в портовые мастерские, – там и станки нужные имелись, и инструменты, и таль, чтобы вытянуть двигатель из тёмного судового нутра, была.

Балашов взялся за дело. Хоть и приходил он в мастерские каждое утро под хмельком, хоть и крутил вопросительно головой, пытаясь определить, не пахнет ли откуда пивом, – а всё сделал точно и в срок. Перобрал двигатель по винтику, все детали смазал, почистил, сопревшие и сгоревшие части заменил и запустил движок. Катер ожил.

После этого капитан вволю напился пива. Он имел на это право.

Раньше с пивом в Онеге были проблемы, а сейчас – никаких: великолепное пиво выпускает местный гидролизный завод. Такого ни в Москве, ни в Питере, ни в Архангельске не найдёшь.

Трускалов слушал сытый рокоток ожившего двигателя и, будто маленький, плясал от радости. Деньги за ремонт движка, заработанные Балашовым, отдал его жене – та специально несколько дней подряд приходила на причал, поджидала «светлый» момент в своей жизни. Трускалов это просёк и поступил, как настоящий мужчина, – отдал деньги женщине. Балашову же сказал:

– Угощенье за мой счёт!

В это время в Онеге случилось ЧП: двое поморов ушли на лодке – обыкновенной дюральной, именуемой в народе «казанкой», – на Кий-остров и не вернулись. Все контрольные сроки возврата прошли, а людей всё не было.

В море той порой снова взвездился лютый шторм. Никто из Онежского порта даже выходить не собирался на поиски пропавших поморов – волны запросто могли разнести в щепки любое судно, каким бы прочным то ни было – лю-бо-е, – а значит, погубить и людей, которые отправились на спасение.

Трускалов с Балашовым рискнули и вышли на поиск. Трудно это было, опасно, но они преодолели себя и вышли. Двинулись по маленьким островам – каменным лбам, которых тут было не сосчитать, – на любой из них могло выбросить лодку с людьми.

Проверили один остров, другой, третий – пусто. Нет мужиков!

Даже следов их – и тех нет.

Неужели утонули?

– Поморы не тонут, – мрачно заявил Балашов и, надо заметить, был прав.

Пока они вдвоём с Трускаловым болтались на катере, прочёсывая острова, «казанку» пропавших онежских море-

плавателей выбросило на берег. Поморы – голодные, холодные, но живые – добрались пешком до железной дороги, там сумели запрыгнуть в тамбур одного из пульманов – товарняки на том участке проходят с ужасающе медленной скоростью, – и через пару часов благополучно докатили до Онежского вокзала.

Поиск же у наших героев окончился, естественно, ничем – пропавшие люди нашлись сами, но тем не менее Трускалов с Балашовым были горды: кроме них в штормовое море так никто и не отважился выйти.

Трускалов, который только что сам тонул, пережил ужас некой беспомощности перед стихией, страшнейшего одиночества (ведь каждый из нас умирает в одиночку) в штормовом море, страх за Наталью и детишек, прекрасно понимал, что значит спасение и вообще, что ощущают попавшие в беду люди...

Так же, как отлично знал, что такое умолкнувший на судне двигатель. А на пропавшей «казанке», скорее всего, умолк мотор.

Несмотря на то, что им не удалось спасти пропавших мужиков, совершенно незнакомые люди говорили Трускалову с Балашовым «спасибо» и пожимали руки.

...Некоторое время Трускалов ещё плавал на катере «Онега» – каждое лето приезжал на Соловки вместе с семьёй и отсюда отправлялся в поход по островам, а нынешней осенью пригнал катер к стенам монастыря и пошёл к Соловецкому настоятелю архимандриту Иосифу, а от него к Отцу Зосиме – главному тамошнему хозяйственнику:

– Батюшка, примите катер в дар Соловецкому монастырю!

Так всё вернулось на круги своя – катер Солженицына вновь стал монастырским катером.

Фото автора

Архангельская обл.
Соловецкие острова

Вячеслав ОГРЫЗКО

КРЁСТНЫЕ ОТЦЫ НИВХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пачурлянд – красивый лицом

Я не знаю ни одного североведа, в чью честь аборигены сложили бы десятки песен и сказаний. Исключение – поляк Бронислав Пилсудский. Когда в феврале 1899 года сахалинские власти разрешили ему переезд во Владивосток, нивхи сразу трёх селений – Арково, Кезириво и Танги – поспешили к нему в Рыковское, чтобы устроить прощальный обряд. Жена старого сказителя Чубука на расставание пропела:

*Ты, если уедешь,
ты о ком думать будешь?
Ты далеко когда поедешь,
о нас думать перестанешь.
В Рыковское пойду,
Пачурлянда нет,
не к кому ходить.
Когда мы голодны будем,
про тебя вспоминать будем.
Ещё не о ком думать.
Рыковский город как будто пустой;
если в русское селение пойдём,
чаю негде даже попить.*

Уточню: Пачурлянд – это нивхское имя Пилсудского. В переводе оно означало «красивый лицом».

Правда, в советское время на фамилию Пилсудских было наложено табу. У наших политиков она ассоциировалась в основном с младшим братом Бронислава – Юзефом, который много лет враждовал с Россией и коммунистами. Только три или четыре североведа смогли в 1960–1980-е годы обойти рогатки цензуры и хоть как-то сослаться в своих исследованиях на нивхские материалы Б.Пилсудского. Айнские же тексты учёного вообще в России всячески в течение семидесяти с лишним лет замалчивались. Но не потому, что в них содержалась какая-либо крамола. Такова была послевоенная политика всех советских лидеров.

Наши вожди считали, что айны, издавна населявшие как Сахалин, так и ряд северных японских островов, могли стать ещё одной причи-

ной раздора в отношениях между Советским Союзом и Японией. Они опасались, как зарубежные политики не превратили бы айнский вопрос в проблему разделённого народа и не потребовали бы передачи Сахалина Японии. Не случайно 7 февраля 1953 года Главлит выпустил циркуляр с запретом помещать в открытой печати какие-либо сведения об айнах.

Кое-какие подвижки в айнском вопросе начались лишь в начале 1970-х годов. Пример показали японцы, которые первыми обратились к богатейшему наследию расстрелянного при Сталине выдающегося востоковеда Невского. Однако и они не очень-то спешили заняться Пилсудским. Может, потому, что не располагали полной информацией о деятельности учёного. В их распоряжении находилась, кажется, только одна книга Пилсудского об айнах, изданная в 1912 году в Кракове. Основной же массив материалов Пилсудского об айнах достаточно долго был исследователям недоступен, он хранился в закрытом архиве Ленинградского отделения Института востоковедения. Кстати, первым доступ к этим уникальным фондам потом получил польский профессор из Познани Альфред Маевич.

В лихие же девяностые годы случился новый казус. В какой-то момент айнские материалы Пилсудского заслонили всё то, что учёный до этого сделал для нивхов. Мы ведь по-другому не можем, вечно из одной крайности бросаемся в другую. Между тем Бронислава Пилсудского можно по праву считать крёстным отцом или повивальной бабкой нивхской литературы.

Он родился 21 октября (по новому стилю 2 ноября) 1866 года в местечке Зулово Виленской губернии и принадлежал к знатной польской семье. Достаточно сказать, что по отцовской линии его предки упоминались ещё в шляхетских хрониках тринадцатого столетия. Свои преимущества имела и родня Бронислава по материнской линии. Одно их родовое имение в Свенцяном уезде чего стоило.

Вообще семья Юзефа Винцента и Марии Пилсудских имела двенадцать детей. Брони-

слав был третьим ребёнком, но первым сыном. Отец видел в нём не просто наследника всех помещичьих угодий. Он мечтал, чтобы сын когда-нибудь соединил земледелие с индустриализацией и вывел их родовые хозяйства на новый уровень. Мать этому не перечила. Но прежде она хотела дать своим детям прекрасное классическое образование.

Во многом благодаря матери в семье Пилсудских довольно-таки рано сложился культ героя польского восстания Костюшко. Позже именно мать настояла на том, чтобы её старший сын попал в первую виленскую гимназию, из которой до этого вышли главные польские вольнодумцы Адам Мицкевич и Юлиуш Словацкий. Она надеялась, что впоследствии Бронислав продолжит образование или в Варшаве, или в Кракове. Но власти в Польшу дорого ему закрыли, и за неимением другого выбора он в 1886 году вынужден был поступить на юридический факультет Петербургского университета.

В Петербурге у Пилсудского вдруг проявились лидерские качества. За несколько месяцев вокруг него объединились практически все сверстники, приехавшие учиться в столицу из Литвы. Он быстро нашёл общий язык и с поляками, и с литовцами, и даже с белорусами. Позже Пилсудский вспоминал: «Наша деятельность заключалась в издании легальных народных брошюр, в согласовании и общении со студенческими кружками Коронны, в заботе о литовском движении (я даже ездил в Тылжу, в Пруссию, чтобы через одно из наших поместий, расположенное на границе с Пруссией, наладить связь, доставку заказанных литовских изданий в Россию); организации учёбы среди простого люда и ремесленников в городах силами, доселе не использованными в крае; создании специальной библиотеки по истории Литвы, кстати, в которой я стал библиотекарем; использовании отношений с Петербургом для облегчения познания края (через вступление в Вольно-экономическое общество, а также общество географическое, которое даёт огромные привилегии в поездках по провинции России и тщательному её изучению), в личном воздействии, влиянии на молодых россиян, которые могли бы в дальнейшем стать русскими сановниками. Чтобы подготовиться к этой деятельности,

мы начали издавать гектографический журналчик, и я стал его редактором».

Несмотря на очень критичное отношение к национальной политике царских властей, Пилсудский всегда старался за рамки закона не выходить. Он готов был участвовать в любых дискуссиях, но категорически выступал против какого-либо насилия и тем более террора. Это знали все его земляки. В том числе и Юзеф Лукашевич, который был очень близок ко многим бомбометателям из партии «Народная воля». Поэтому на открытый бунт никто Пилсудского не звал. Подставили Пилсудского по-другому. С подачи Лукашевича 28 февраля 1887 года к нему на съёмную квартиру на Первую (Кадетскую) линию Васильевского острова пришёл Александр Ульянов, которому срочно понадобилось набрать какую-то прокламацию. А на следующий день весь мир узнал о покушении на Александра III.

Следствие показало, что непосредственно в подготовке теракта Пилсудский не участвовал. Тем не менее 8 апреля его осудили на смертную казнь. От виселицы несостоявшегося юриста спасло заступничество будущего председателя Совета министров Российской империи Владимира Коковцова. Во многом благодаря ему Пилсудскому 4 мая высшую меру наказания заменили на пятнадцать лет каторги. Коковцов всё

сделал и для того, чтобы молодого поляка вместо Забайкалья сослали на Сахалин, где политические заключённые могли рассчитывать на относительно человеческие условия содержания.

Сразу по прибытии на Сахалин Пилсудского бросили на обустройство дорог. Потом, когда грянули холода, его посадили за столярный станок. Некоторое послабление ему вышло после того, как новый начальник острова генерал Кононович узнал, что молодой каторжанин до университета помогал отцу управлять сразу тремя поместьями. Тюремная администрация тоже имела на Сахалине большое сельское хозяйство, но долго не могла подыскать знающих людей, способных поддерживать порядок и в поле, и на скотном дворе, и в амбаре. Так что Пилсудский подвернулся Кононовичу как нельзя вовремя. Кстати, позже начальник острова отдал Пилсудскому на откуп ещё и весь отдел статистики.

Примерно в 1888 году судьба впервые столкнула Пилсудского с нивхами, которых тогда именовали гиляками. По одной из версий, он уже тогда проявил интерес к языку и фольклору этого народа. Его товарищ по сахалинской каторге Иван Ювачев уже в 1927 году вспоминал, как Пилсудский начинал свою работу с таёжными племенами. «Вздумал он изучить гиляцкий язык. За хорошее вознаграждение гиляки охотно продиктовали ему сперва весь лексикон своих слов, а потом стали рассказывать свои фантастические сказания... Летом 1889 года привезли на Сахалин новую партию политических ссыльных, в числе которых был Л.Я. Штернберг. Ему определили местом его жительства Александровский пост. Вскоре он приехал в Рыковское селение знакомиться с нами. Пилсудский показал ему свою работу по гиляцкому языку. Любознательный, на всё отзывчивый, он не мог пройти мимо такого большого дела. Он вошёл во все детали работы Пилсудского и сам поспешил лично ознакомиться с тымовскими гиляками» («Красная панорама», 1927, 9 сентября).

По другой версии, всё обстояло иначе. К 1890-м годам на Сахалине сложились как бы две колонии политссыльных. Одна тяготела к Александровскому посту, другая сосредоточилась в селе Рыковское. Связь между ними осуществлялась в основном через посредство почты. Однако в январе 1891 года бывший народволец Штернберг добился исключения. Он получил разрешение на несколько дней покинуть удалённый кордон Виахту, чтобы посетить Александровское и Рыковское. Увы, везде царил уныние. Чтобы как-то встряхнуться, Штернберг предложил друзьям по несчастью заняться изучением быта сахалинских аборигенов. Но его уговорам поддадался лишь один Пилсудский.

Правда, у Пилсудского сразу возникла проблема: где собирать материалы. Он ведь в своих передвижениях по Сахалину поначалу был очень ограничен. Сработало сарафанное радио. Как только нивхи из близлежащей деревни Арково прознали, что какой-то ссыльный платит деньги за песни и сказки, они сами поспешили в Рыковское. Уже в ноябре 1893 года Пилсудский информировал Штернберга: «Чурка давно уже не был, зато был Плетун и записал много слов – по преимуществу глаголы. Чубук приходил и тоже предлагает мне говорить сказки и песни. Переводить он только не умеет. Записал одну песню, но в его передаче это ужасная похабщина. Он уверяет, что все песни гиляк таковы. Увижу, как переведёт мне Чурка».

Спустя три недели Пилсудский сообщил новые известия. «Мои занятия с гиляками подвинулись: сказок гораздо больше и слов много новых. Глаголов и прилаг[ательных] немало, есть и наречия, местоим[ения], числит[ельные]. Какие отделы надо бы поскорее других пополнить? Чурка и его брат ходят учиться по-русски и счёту. Я хочу завести правильные занятия, если наберётся их 5 человек».

Как я понимаю, поначалу Пилсудский относился к занятиям нивхским языком и фольклором постольку-поскольку. Он не строил каких-либо серьёзных научных планов. Его, похоже, вполне устраивала роль всего лишь собирателя материалов. Иначе Пилсудский вряд ли практически все нивхские тексты тут же переправлял бы Штернбергу, не сохраняя у себя даже копий. Другими словами, право на анализ собранных у нивхов материалов и выводы сын польских помещиков оставил за Штернбергом.

Почему Пилсудский так поступил? Что он – не верил в себя как в учёного?

Я думаю, всё обстояло намного проще. Скорее всего, Пилсудский рассчитывал после отбытия каторги заняться совсем другими делами. Может быть, у него были планы вернуться к проблемам юриспруденции. Или после ссылки ему хотелось продолжить отстаивать интересы поляков. Не исключено, что именно поэтому он изначально отнёсся к нивховедению как к вынужденному времяпровождению.

Судя по переписке двух политкаторжан, Пилсудский в 1897 году к собирательской работе поостыл. Он писал Штернбергу: «Из гиляцких работ собрал некоторый материал о болезнях, лекарствах их, что передал для обработки и дополнения Лобасу... Сказок и главным образом песен набрал изрядное количество и собираюсь по переписке их и проверке ещё раз послать Вам. Но теперь зимою и гиляки ко мне не ходят, и у меня нет рвения: всё лежит нетронутое. Вообще, как Вы меня знаете, не умею долго и одинаково ровно работать. М.б. весною, когда всё уже слишком надоест, опять уйду к гилякам. Буду жить у них так же, как и осенью, и там подвину и работу».

Что это? Неужели Пилсудского охватила апатия? Вряд ли. Скорее всего, рвение у него пропало совсем по другой причине. Просто он влюбился в сестру своего главного информанта Чурки – Вунит. Кстати, нивхская девушка потом как бы в ответ подарила ему несколько песен.

Позже Пилсудский вспоминал: «Вунит, сестра Чурки, поэтесса, зная, что я очень люблю песни, решила составить песню, обращённую ко мне. Когда я ездил (в 1897 г.) по гиляцким селениям, обучая гиляков солить рыбу, она жила в с. Кезириво, лежащем на острове по р. Тыми близ Мозьб'во. Приходила она и ко мне, но не застала дома, потом как и все айны отправилась (очевидно, весною 1898 г.) в Арково».

Правда, тогда весной 1898 года Вунит на людях старалась не сильно афишировать свои чувства. Не случайно она в первой песне, сочинённой в его честь, обращалась к нему как к старинному брату. Я приведу подстрочный перевод этой песни:

*Когда я жила в Кезириво,
внизу по реке и вверху
про тебя только разговоры слыхала,*

когда спустилась к месту, где лодки
причаливают,
вдаль поглядела, вода одна видна,
как зайи, среди острова живу,
твоей лошади шум по этой земле гремит,
колокольчика звон только слышала,
по вершушкам осины звенит.
По дороге, что ты ехал, где ты
находишься, ищю.
Пошла, зашла в (дом), пусто только,
и повсюду пусто во всех комнатах.
Ох, моё горе.
Когда глаз много, ты меня не вспоминаешь,
когда со многими говоришь, ты забываешь
меня,
твою карточку только вместо тебя держу,
к своей шее прикладываю, вместо тебя
держу;
ты не думаешь, что я так сделаю;
Когда засну, тебя вижу (во сне),
про тебя только спрашиваю
вечером и утром,
что ты за Арковской горой, про тебя
слыхала,
завтра придёт, послезавтра придёт,
про тебя слыхала, издали хотя бы
тебя увидеть хотела бы.
Когда проезжал вверх и вниз, меня
миновал, про тебя разговоры слушаю.
Моя левая слеза течёт и падает,
правое подколено слабеет и не действует.
Сухую сделаюсь, ночи не движутся.
Через Мозьбовскую тундру, где
находишься, искать пойду;
до середины тундры дошла,
правое подколено сгибается, не действует,
отдохнула, поскорее идти думаю,
зачем, что всего пути день один,
по дороге много дней иду так;
неприятно, правая рука палку для
подпиранья держать не могла,
до тебя дойти не могла;
через большие горы идти нельзя.
По дороге, по которой ты ехал,
экипажи лошадиные
навстречу мне едут,
вот, вот, он, думаю. Поравнялись,
посмотрела, другие (люди) только.
Ах, как тяжело.
Сегодня домой спускаюсь,
на место, по которому ты ехал, поглядела;
правая слеза, где ты сидел, упала,
как дождевая вода.
Ох, моё горе. Тебя жалко, думаю.
Отсюда стаскаюсь*. На ту сторону
моста** перешла. Напротив
Половинки*** лошадиные телеги
коваль приближаются,
погладив волосы с одной стороны,
смотрела, виднеется.
Против белого мыса увидела,
Мысль приятная, как мать родную,
выглядываю,
ты и не думаешь, что я тебя жду.

Если видишь многих, и меня забыл,
а я только, когда засну, забываю,
о тебе одном вспоминаю,
ты этого и не знаешь.
Когда в глаза увидишь, тогда помнишь;
как только отошёл от меня, так и забыл,
когда увидел, только тогда меня вспомнил.
Голодная когда была я, тебя
просила, всё это забыл,
когда глаз много, не помнишь обо мне.
Мою карточку вместо меня держи.
Хоть далеко пойдёшь, всё-таки
вместо меня держи.
Когда вспоминая подумаешь, на
мою карточку смотри,
мыслюю удовлетворившись сиди.

Впрочем, и в Арково, и в Рыковском уже ни для кого не было секретом, что Вунит была беременна и собиралась подарить молодому поляку ребёнка. Однако Пилсудский так и не дождался рождения дочери.

В 1899 году он уехал во Владивосток, куда вскоре вызвал младшего брата Вунит – Индына. Возможно, бывший каторжанин действительно хотел устроить нивхского парнишку в классическую гимназию. А может, ему просто нужен был помощник для дальнейшего изучения нивхского языка и фольклора, и лучше Индына он найти не мог.

Уже в январе 1902 года Пилсудский сообщал Штернбергу: «Индын живёт во Владив[остоке], учится довольно сносно в городском училище. Несколько только нездоров, лечится часто. Хороших врачей имею знакомых, да за лекарства теперь не плачу, а заплатил за него больничный сбор. Но в общем он мне стоит здесь не менее 20–25 р. в месяц. Будет ли с него та польза, о которой я мечтал, т.е. сделается ли он пионером лучших сторон культуры среди своих; сделается ли учителем, ходатаем, помощником во всех делах для своих сородичей? Я с ним, насколько возможно, занимаюсь просмотром переводов песен и вот посылаю Вам опять тетрадь II и IV, а также I-ю старинных песен».

Но во Владивостоке Индын пробыл недолго. У парня обострился туберкулёз лёгких, и врачи посоветовали ему вернуться на родину. Он умер 28 февраля 1903 года от скоротечной чахотки.

Летом 1902 года Пилсудскому пришло письмо из Санкт-Петербурга. Руководство Академии наук предложило ему вернуться на Сахалин и более глубоко заняться уже айнами, в частности, собрать для Кунсткамеры этнографическую коллекцию.

«Завершив то, за чем был послан, – писал Пилсудский в своей книге об айнах уже в 1912 году, – я решил остаться на Южном Сахалине подольше, чтобы полнее ознакомиться с ним и

* Дошла до Арково

** Мост, что у айнск[ого] Арковского селения через реку Арково

*** Речка Половинка между Арково и [постом] Александровским

Женщина народности айнов за плетением циновок

с жизнью айнов. В исполнении этого намерения мне любезно посодействовал Русский комитет Международного общества по изучению Центральной и Восточной Азии; его президенту (В.Радлову, члену Академии) и секретарю (доктору Л.Штернбергу) я хочу выразить здесь мою глубочайшую благодарность. В течение трёх лет я получил благодаря этим господам сумму порядка 225 фунтов стерлингов, которая материально помогла моему предприятию. Моё пребывание среди айнов продолжалось вплоть до весны 1905 года. Кроме того, летом 1903 года я посетил айнов Хоккайдо (или Йезо), получив необходимое разрешение (при любезном содействии г-на П.Семёнова, вице-президента Русского Географического общества в Санкт-Петербурге) выехать за границу и присоединиться к г-ну Серошевскому, известному исследователю якутов, который в то время занимался там научными изысканиями. Оказалось, что время нашего визита выбрано неудачно: это было как раз перед войной, и среди населения царил большое возбуждение; в силу этого мы были вынуждены прервать нашу работу преждевременно, оставив цель визита недостигнутой. У меня никогда не было столь хорошей возможности для сравнения одной отрасли айнской расы с другой. Кроме того, я получил возможность не только увеличить свой запас общих знаний об этом племени через беседы с г-ном Серошевским – а поскольку я отправился на Сахалин, запасшись самым малым научным оснащением, то запас этот был, конечно, достаточно ограничен, – но и получить ободряющую поддержку соотечественника, только что прибывшего из цивилизованной Европы. Но вернёмся к моей сахалинской экс-

педиции. Будучи во Владивостоке, мне удалось разыскать в библиотеке Географического общества лишь одну книгу – айнский словарь Давыдова, которая, однако, мало помогла мне; и по приезде на Сахалин я должен был потратить первые месяцы почти исключительно на изучение языка. Мой опыт с гиляками научил меня, что нет лучшего способа для этого, чем записывать предания под диктовку, стараясь уяснить их смысл. Кроме того, в интеллектуальный контакт с туземцем выходишь быстрее при беседах с ним о вещах, которые его интересуют, нежели при помощи искусственных и утомительных методов Берлицца или Оллендорфа».

Но Пилсудский, когда готовил в 1912 году книгу об айнах, умолчал о другом. По возвращении на Сахалин он вновь влюбился. Теперь его избранницей стала айнская девушка Чусанма из села Ат. Уже через год у молодых родился сын Сукэдзо. Чусанма надеялась, что ребёнок навсегда привяжет польского пришельца к её дому. Однако молодая айнка слишком плохо знала характер Пилсудского. Под каблуком женщины он мог выдержать одну или две недели. Пилсудский уже не мог обходиться без новых приключений. Стоило ему, к примеру, узнать, что айны из села Такое надумали проводить медвежий праздник, всё – он тут же срывался в дорогу. И никакая Чусанма удержать его была не в силах.

Кроме того, в зиму 1902/03 года Пилсудский взвалил на свои плечи ещё одну обузу: он организовал в селе Найбучи первую айнскую школу, за несколько месяцев выучив читать и писать десять айнских мальчиков и девочек.

А потом грянула русско-японская война. В письме Штернбергу Пилсудский сообщал: «Февраль и значительная часть марта были прямо потеряны благодаря той всеобщей суеде, а подчас и панике, которые имели место сейчас после известия о нагрянувших военных событиях. Очень многие были уверены, что вот-вот война будет перенесена и на Сахалин. Ежедневно почти бывали слухи нелепые, что здесь или там уже высадились японцы, видны были суда и т.п. Не меньше боялись и каторги, и возможных разбоев. Я жил в месте проезжем, и ежедневно приходилось видеть то спешивших в дружину обывателей, то возвращавшихся на побывку домой, то айнов, перевозивших грузы, то японцев, съезжающих со всего побережья западного, даже и восточного, в п. Корсаковский или разных видов властей, мчавшихся то обезоруживать японцев, то со всякими другими поручениями. Лично я не считал, чтобы опасность была так близка, но общая тревога невольно волновала и мешала спокойным занятиям. Мне было предложено занять место Смотрителя организованного временного Полевого Госпиталя, но, не чувствуя себя способным для такой ответственной должности, требующей знания хозяйства, умения держать в дисциплине 80

чел[овек] прислуги, я отказался, решив поступить в отряд Красного Креста, если бы встретилась в том настоятельная надобность. Пока же надо было исполнять намеченный ещё с осени план ехать на север по восточному берегу Сахалина для ознакомления с интересными айнами, живущими по соседству с гиляками и ороками. Кстати, надо было что-либо предпринять относительно коллекции орокской, которая в некоторой степени была уже мною заказана через знакомых айнов. Перед отъездом надо было собрать в одно место все свои вещи, часть которых была у знакомых в п. Корсаковском, которые теперь отказывались хранить их ввиду предстоявшей перекочёвки в глубь округа в мелкие поселения. Следовало сообразить, что брать с собою, имея в виду возможную комбинацию, при которой вернуться на юг уже не пришлось бы. Приготовление к пути, расчёт со многими айнами, ликвидация устроенной мною айнской школки добавляли суеты к беспорядочной и без того жизни».

Позже Пилсудский посчитал, что в 1902–1905 годах он на Сахалине «сделал 2475 вёрст лошаадьми в тарангасе, телеге и санях, 90 вёрст на лошадах верхом, 460 вёрст лодкою морем, 530 вёрст лодкою по рекам и озерам, 750 вёрст на собаках и оленях по зимнему пути», собрав «этнографических записей об айнах – 1880, гиляках – 320, ороках – 180, на Амуре – 400 страниц; текстов айнских – 70 стр., текстов гиляцких – 285 стр., орокских – 13 стр., слов айнских более 10 000, гиляцких немного меньше...».

Помимо этого, Пилсудский разработал правила устройства управления айнов на Сахалине. Он придумал 28 пунктов. Первые десять касались вопросов создания инородческой управы и институтов старшин и старост. Далее поднимались проблемы податей и повинностей. В отдельные пункты были выделены темы рыбо-запасных и хлебозапасных магазинов. Кроме того, четыре параграфа Пилсудский посвятил антиалкогольной политике, медицинской помощи и образованию.

Как считал советский этнограф Юрий Сем, «по сравнению с Уставом об управлении инородцами 1822 года проект Б.О. Пилсудского сделал значительный шаг вперёд, в учёте современного ему уровня развития как народностей, так и современной обстановки развития страны. За основу общественного устройства народов был принят не родовой принцип организации общества, а административно-территориальный. Он учитывал переход малочисленных народов Сахалина от родоплеменного устройства к сельской, промысловой, территориальной общине». Однако власти проект бывшего каторжанина посчитали нереальным.

В конце ноября 1905 года Пилсудский выехал из Владивостока в Японию. Там он потом узнал, что Чусанма родила ему второго ребёнка – дочь Кийо. Добавлю, что после Второй мировой войны айнская семья Пилсудского с Саха-

лина была депортирована на остров Хоккайдо. Но в Японии у польского подвижника никаких перспектив не было. И уже 5 августа 1906 года он отплыл на судне «Дакота» в Америку. Однако и в Штатах к нему отнеслись без должного пиетета. Оставалось одно: вернуться в Европу.

Наивный Штернберг надеялся, что его друг по сахалинской каторге полностью отдастся науке, займётся обработкой нивхских и айнских материалов. Но он одного не учёл: никакая каторга так и не вытравила из Пилсудского романтические порывы. Стоило ему случайно столкнуться с подружкой юности Марией Беневич, и сразу вся фольклористика Сахалина была задвинута в дальний угол. Чувства взяли верх.

Да, Беневич уже давно была несвободна. У неё появилась другая фамилия – Жарновска. Дома подрастали двое сыновей. Но разве сердцу прикажешь?! В общем, друзья юности, презрев общественное мнение, прямо на виду у всей честной публики со всей страстью возобновили старый роман.

О тогдашнем настроении Пилсудского можно судить хотя бы по его переписке со Штернбергом. Будучи на лечении в Карлсбаде, Пилсудский, на скрывая своих эмоций, сообщил Штернбергу: «Я счастлив. Меня любит чудная, славная женщина, моя подруга дней детства и молодости, а я люблю горячо и крепко всем сердцем, всегда мечтавшим и рвавшимся к этому высокому духовному взаимоудовлетворению. Мне так хорошо».

В ноябре 1906 года Бронислав и Мария объявили себя мужем и женой. Они поселились в Кракове. Но вскоре выяснилось, что Мария тяжело больна. Врачи поставили ей диагноз рак груди. И тут Пилсудский, увы, дрогнул. Он испугался и фактически бросил любимую женщину на произвол судьбы. Мария всё это страшно переживала, однако рвать все отношения с бывшим возлюбленным не захотела. Она продолжала тянуться к нему до последних дней. Её не стало 12 мая 1911 года в Петербурге.

В какой-то момент Пилсудский обнаружил, что у него не осталось никаких денег. Его сахалинские исследования оказались невостребованными. В апреле 1909 года он от безысходности обратился к академику Карлу Залеману. «Я знаю, – писал ему Пилсудский, – что Вы руководили работами по изданию фольклорных и филологических материалов, собранных исследователями Богоразом, Иохельсоном и Штернбергом. Я решил поэтому беспокоить Вас просьбой заинтересоваться моими материалами, которые я собрал главным образом среди айнов, отчасти же гиляков, ольчей и гольдов. Впрочем, материалы трёх последних племён я передал В.Л. Котвичу, а гиляцкие тексты и словарь отдал бы Л.Я. Штернбергу, если бы имел средства для приведения их в такой вид, который позволил бы ими пользоваться другому лицу. Что касается материалов айнских, то их мог бы обработать я сам под чьим-либо руководством. Обращаюсь именно за этим к Вам, прося дать мне

указания, может ли этот материал (240 №№ фольклора до 10 000 слов и грамматические замечания) быть издан в одном из научных изданий России, какой системы держаться в приготовлении к печати и могут ли рассчитывать, что мне будет оказано денежное пособие, без которого я не мог бы приступить к прерванному продолжению обработки материалов, так как за поглощением сил и времени на добывание куска хлеба я должен был отложить их в сторону. Это меня крайне печалит, ибо боюсь, что весь мой труд и усилия целого ряда лет могут пройти бесследно».

Но Залеман уже никакого влияния на издательские дела не имел. Реальную помощь Пилсудскому оказал лишь его старинный приятель польский языковед Ян Розвадовский. Он договорился с коллегами из Кракова, и те в 1912 году выпустили на английском языке целый том бывшего сахалинского политкаторжанина. В этот том, получивший название «Материалы для изучения айнского языка и фольклора», вошло 27 рассказов и сказок (у нас его переиздали лишь в 2004 году в переводе журналиста из Кишинёва Валерия Косарева). Для сравнения: всего Пилсудский в 1902–1905 годах записал на Сахалине и Хоккайдо 452 айнских текста.

Позже у Пилсудского появилось желание взяться за мемуары. Он даже название придумал: «С Дальнего Востока. Сахалин – Сибирь – Япония. Воспоминания ссыльного». Но осуществить этот замысел ему помешала апатия.

Уже в самом разгаре Первой мировой войны Пилсудский зажёгся идеей нового проекта. Он чуть ли не в одиночку собрался составить Польскую энциклопедию. Ему казалось, что идеальным местом для работы могут стать Женева или Париж. Но он заблуждался. Польская община сходу погрузила его в свои склоки. И бывший политкаторжанин растерялся. Он не знал, как избавиться себя от всех этих дрязг.

В мае 1918 года здоровье Пилсудского сильно ухудшилось. Он стал заметно нервничать, у него появилась мания преследования, доктора считали, что их пациент впал в опасную депрессию. Эти тревожные тенденции потом зафиксировал и Розвадовский. Вот выдержки из его записей.

«12 мая [Пилсудский] предлагает, чтобы сходил вместе с ним в костёл, потому что хочет мне что-то сказать. По дороге говорит мне, что у него появилось желание, что должен он жениться».

«14 мая [Пилсудский] написал открытку графу Маврикию Замойскому с просьбой «облегчить ему знакомство с Россиянками из порядочных семей», «решил я жениться на русской, которая согласилась бы бороться вместе со мной о согласии Польши с Россией».

«15 мая. Посетил меня вновь после 9 утра и сообщил, что нашёл причины своего беспокойства, которое его не покидало последние дни и было источником разных решений. Это чисто физическая причина, видимо, какое-то

отравление всего организма из-за недостатка воздуха в его комнате. Это очень маленькая комнатка, воздух быстро исчерпывается, и даже открытие окон не помогает, потому что тяжёлая штора сдерживает прилив свежего воздуха».

«16/5. Между 9 и 10-тью утра зашёл ко мне снова и сидел у меня до половины 11-го. Этот раз был совсем спокойный, сказал, что хорошо спал и чувствует себя лучше. Мы обсуждали детали его поездки до Пульда или Пуи, в соответствии с разговором с врачом. Начал мне говорить о своей болезни и о том фоне, на котором она развивалась. Говорил, что он тяготится одиночеством и невозможностью высказаться, что его мучает городское движение, что ему необходим тот простор и то движение, к которому он так привык. Ответил я ему очень сердечно, выражая радость, что он чувствует себя лучше и что тишина и деревья поставят его на ноги, просил его, чтобы верил в искренность и доброжелательность, которые его окружают. Мы поцеловались, и он вышел погожий и спокойный. Может, где-то через час вернулся снова очень возбуждённый. Говорил, что желал бы сильнее приблизиться к нашей политической деятельности, твердил, что у него были подозрения, что к нему проявляют недоверие, предлагал мне, чтобы я с ним пошёл к Владиславу Мицкевичу, наконец, признался мне, что когда остаётся сам с собою, ему кажется, что кто-то хочет его отравить или убить. Когда я его успокаивал и советовал, чтобы ждал спокойно посещения к врачу, он ответил с большой печалью в голосе: «Вот видите, я еле-еле только успокоился, а теперь снова», – и сделал такой жест, словно хотел об меня опереться, после чего вышел очень подавленный».

В тот же день Пилсудский побывал на приёме у врача Юзефа Бабинского. Доктор позже сделал следующую запись: «Я обнаружил у него [у Пилсудского] очень высокое артериальное давление и меланхолическую депрессию, болезненное состояние, которое часто проявляется в непреодолимой тяге к самоубийству».

В окружении Пилсудского наконец поняли, что всё очень и очень серьёзно. Однако срочных мер никто предпринимать не стал. Соратники продолжали надеяться на чудо.

Утром 17 января Розвадовский по обыкновению направился сначала к Пилсудскому. Он потом писал: «Застал комнату пустой, кровать была расстелена, видно, пользовался постелью, а на столе несъеденный завтрак. Пошёл в его учреждение, где от пани Мерцер узнал, что вышел из дома, не позавтракав. Я надеялся, что снова пошёл к г(рафу) Влад(иславу) З(амойскому) – тот последний зашёл около часа, возвращаясь от врача Бабинского, и сказал мне, что его сегодня не видел. Д-р Б(абинский) подтвердил очень опасное состояние склероза – столь высокое давление, что смерть могла в любую минуту наступить. В связи с этим, по его мнению, психическое состояние отодвигалось на вто-

рой план, то есть мания преследования, которую в себе осознаёт больной, казалась врачу менее опасной. Советовал обязательный покой, а также выезд в места, где больной был бы под присмотром. Д-р Дубоис на предложение, сделанное графом Замойским касательно Пуйя, где есть несколько поляков, тоже выразил своё согласие. В связи с тем, что пополудни не вернулся, телефонизировал п(ану) Возницкому, просил его, чтобы узнал у гр. Замойского, знает ли что-либо о Б.Пилсудском. Получил от графа Замойского ответ, что ничего о нём не слышал и что позвонит нескольким его знакомым, и в случае отсутствия новостей в этом плане пан Возницкий сообщит в полицию. Так и случилось. В префектуре ответили, что ничего не знают и раньше завтрашнего утра ничего сообщить не могут. П(ан) Мотз, уведомлённый через п(ана) В(озницкого) по телефону, сообщил, что ничего не знает. Предполагая, что бедный больной хотел выехать из Парижа, я по телефону интересовался им у живущего под Парижем его знакомого п(ана) Гершинского. Ни вечером, ни ночью не появилось никаких известий. Я уже чувствовал, что случилось какое-то несчастье».

Впоследствии выяснилось, что рано утром 17 мая Пилсудский отправился к одному из своих друзей, который жил на бульваре Сент Мишель. Не застав хозяина дома, он оставил записку: «Я заходил к Вам просить об инъекции, чтобы покончить с жизнью. Я не виновен в обступивших меня подозрениях...».

В четверть двенадцатого охранник, дежуривший около моста Понт дес Артс, увидел человека, который сначала швырнул в воду сюртук, а потом и сам прыгнул вниз. Тут же на воду немедленно спустились лодку, но спасатели обнаружили только палыго.

Тело Бронислава Пилсудского нашли лишь через несколько дней. В архиве французской полиции позже под порядковым номером 598 нашли запись: «Гинет-Пилсудский, пол – М; возраст – 51 год, положение – гражданское, свободное; место рождения – Зулово, Вильно, Польша, Россия; профессия – библиотекарь; место пребывания улица: бис авеню Клебер; район – 16, одежда – белая рубашка с воротничком, свитер, жилетка, кальсоны, брюки на подтяжках, носки, ботинки со шнуровками».

Похоронная служба должна была пройти 28 мая в главном кафедральном соборе Франции – в соборе Нотр-Дам. Но в последний момент кто-то эту церемонию без объяснения причин отменил. Похороны прошли на день позже уже на кладбище в Монтморенси.

Историки до сих пор спорят, что же произошло 17 мая 1918 года: самоубийство или несчастный случай. Если верить мемуарам Л.Крживицкого, Пилсудский ещё на Сахалине заразился венерической болезнью. Другие историки не раз писали о сложной наследственности в семье учёного. Во-первых, его родители были близкими родственниками: мать была кузиной

своему мужу. Одна из сестёр учёного скончалась сумасшедшей. Младший брат был закоренелым клептоманом. Так что не исключено, что 17 мая 1918 года Пилсудский потерял сознание и случайно упал в воду.

Позже многие материалы польского подвижника попали в Институт Востока в Варшаве. Но в первые дни войны в 1939 году этот Институт дотла сгорел. И что научный мир потерял, так и осталось неизвестно, поскольку в своё время никто не озаботился даже тем, чтобы создать опись наследия Пилсудского. Вот так трагически завершилась судьба Пачурлянда.

2. Ытык – по-нивхски отец

В 1926 году в небольшом нивхском селении Арково случился переполох. Двадцатилетний студент из Ленинграда Юрий (Ерухим) Крейнович привёз двум рыбакам Чурке и Плетунке письмо от выдающегося российского этнографа Льва Штернберга. Старый профессор на нивхском языке выражал свою радость своим бывшим информантам. Он писал: «Чурке. Меня любящему хорошо говорящему Чурке послание твоё отправленное письмо получил спасибо. Ты жив здоров спасибо. Ты сейчас хорошим человеком стал. Детей много имеешь, собак много имеешь, спасибо. Я сейчас стал стариком и всё равно счастлив. Болезни не имею, имею хорошую жену. Мой ребёнок большой человек морской доктор имею. Хорошо живу.

Тебя, Плетунку, буду слушать. К тебе хочу приехать, увидеть очень хочу. Крейнович мне как мой ребёнок, ты его услышишь очень обрадуешься, как мне. Всякие-всякие старинные обычаи, всякие-всякие легенды, сказания, песни, разговорную речь ему хорошо говори. Ещё много-много вспоминай. Напишу Плетунке. Я тебе молодого человека отправлю.

Хорошо живи. Твой отец, Штернберг.

Всем нивхам напишу послание.

Старинные обычаи не забывайте! Так говорю я, отец.

Мои слова не забывайте!» (Это письмо я привожу в переводе нивхской исследовательницы Галины Лок).

Уточню, в оригинале письма стояла другая подпись: Ытык, которое переводилось как «отец». Штернберг действительно и Чурке, и Плетунке, и многим другим нивхам был словно родной отец.

Настоящее имя Штернберга – Хаим Лейба. Он родился 21 апреля (по новому стилю 4 мая) 1861 года в Житомире. Родители очень хотели, чтобы их сын в будущем стал раввином. Не случайно по достижении пяти лет его отдали в хедер изучать талмуд и библию. В классическую же гимназию он попал лишь в 1872 году.

В 1881 году Штернберг поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. Но примерного студента из него не получилось. Ровно через год он за участие в беспорядках загремел в тюрьму. Впрочем, тогда Штернберг отделался лёгким испугом: его

всего-то выслали из Петербурга на родину. Однако он, естественно, в Житомире не усидел. Уже в 1883 году его приняли на юридический факультет Новороссийского университета в Одессе. А надо ли здесь напоминать, какой рассадник заразных идей в ту пору представляла из себя Одесса?! Поэтому неудивительно, что очень скоро несостоявшийся равнин оказался в рядах южной группы «Народной воли».

Кстати, тогда же у Штернберга обнаружился незаурядный дар публициста. Доказательство – выпущенная им в 1884 году брошюра «Политический террор в России».

Но власти недолго терпели этот разгул демократии. Во второй раз за Штернбергом жандармы пришли 27 апреля 1886 года. На этот раз никакого снижения уже не было. Штернберга объявили пособником террористов и три года продержали в одиночной камере. В окончательном приговоре ему объявили десять лет сахалинской каторги.

Дорога на Сахалин для одесских народовольцев лежала через Индийский океан и Японское море. «29 марта [1889 года. – В.О.] нас привезли на борт парохода, – сообщил потом Штернберг своим родителям. – Без лишних формальностей нас повели в одно из арестантских отделений, где нам была отведена отдельная нара. Нас окружили типы арестантов, с интересом рассматривавших нас и вступавших в беседу. Немедленно нам был подан чай. Через часа два присоединили к нам четверо политкаторжан, сахалинцев. Понятно, что увеличение нашего общества очень оживило меня, и день прошёл незаметно. На следующий день, часа в четыре, после молебствия и пр. пароход вышел с одесского рейда. Погода была хороша, дул тихий ветерок, и море было совершенно спокойно. С выходом в море открыли иллюминаторы, воздух в нашем помещении освежился, и мы при том имели возможность любоваться величественными видами спокойного моря.

После долгого заключения, когда единственным горизонтом была ограда тюрьмы, необъятный простор моря доставлял истинное наслаждение. За всё время нашего плаванья море было совершенно спокойно, качки никакой не было, и совсем не чувствуешь, что едешь по морю, которое называют Чёрным (бурным). Что касается обстановки, то я говорю вам без преувеличения, что она оказалась вполне удовлетворительной, я даже не ожидал. Каждый из арестантов получает целый белый хлеб, казённый чай и сахар, табак (махорку), бумагу, письменные принадлежности и марки. Обед и ужин. Раз в день – мясо. Вдобавок все наши имеют деньги и запасы. Спим великолепно, а днём читаем или беседуем, так что время проходит отлично. Вчера к нам перевели восьмого политического, который прибыл из Москвы и сидел в другом отделении (Карпенко). Все наши вещи при нас, и, несмотря на то что в нашем отделении 130 человек, вещи безопаснее, чем на городской квартире под замком. Уголовные арестанты относятся к нам с большой предупредительностью и всячески стараются услужить. Один из них помогает нам в хозяйстве и делит наш хлеб-соль с нами. Это молодой и скромный крестьянин, несчастным образом попавший на каторгу. Люди в кандалах далеко не так страшны, как это кажется издали. Даже в худших из них не потухла искра божья. Я кончаю письмо. Повторяю: я чувствую себя вполне бодрым и весёлым. Из Порт-Саида опять напишу. Будьте здоровы и счастливы».

На Сахалинском рейде пароход с арестантами встал 19 мая 1889 года. Штернберг был готов к самому худшему. Каторжан тогда особо никто не щадил. Как правило, их бросали на самые тяжёлые физические работы.

Особенно угнетающее впечатление на Штернберга произвела случайная встреча в Александровске с нивхским шаманом. «Я видел на улице старого шамана-гиляка, – записал он в своём дневнике 12 августа. – В

лохмотьях, с растрёпанными сединами, с глуховатой добродушно-лукавой улыбкой на лице. Его окружали мельчишки, которые кричали мне: «Посмотрите старого шамана, он Вам погадает!» Я подошёл. Невысокого роста старик в почтенных сединах, с высоким могучим лбом и добродушной физиономией стоял беспомощно и смотрел с лукаво-добродушной улыбкой на меня. «Он Вам погадает, дядя, погадает!» А старик всё стоял в недоумевающей позе... Я отошёл с грустью от этого зрелища». Заканчивалась эта запись о встрече с шаманом следующим предложением: «Я ещё когда-нибудь займусь их изучением». Оно оказалось пророческим.

В Александровске неутомный Штернберг быстро достал власти своими бесконечными выступлениями в защиту каторжан. Не зная, как от него отделаться, тюремная администрация уже через полгода предпочла недовольного бунтаря выслать за сто с лишним километров на север, на уединённый кордон Виахту. Как потом Штернберг вспоминал, кордон производил впечатление «одиноким заброшенной могилы, стоящей среди пустынной тайги на берегу Татарского пролива». «Заброшенная могила» состояла из казармы, где обитали три стражника из числа отбывших срок уголовников да солдат-надзиратель. Другое ближайшее селение находилось в двух километрах от кордона, в котором жили в основном одни гиляки (нивхи).

Поразительно, но Штернберг по привычке поначалу взялся поучать, как жить, даже аборигенов. Заметив, что у нивхов общество также успело сильно расслоиться, он стал навязывать им свои порядки. В частности, каторжанин предложил изменить систему отбора для таёжским племен судей. «Судья, – указывал он нивхским рыбакам, – должен быть беспристрастным к богатому и к бедному, другу и врагу, судить по совести». Однако аборигены так и не поняли, к чему Штернберг их призывал. Может, потому, что они изъяснялись на разных языках (в прямом и переносном смысле).

Впоследствии Штернберг вспоминал: «В селении Виахту на пустынном берегу Татарского пролива не было ни одного гиляка, хоть сколько-нибудь знающего по-русски. Мои попытки к изучению языка по слуху, разговорным путём, не имели успеха. Фонетика и грамматический строй оказались до такой степени чуждыми и трудно преодолемыми, что от практического метода изучения пришлось раз и навсегда отказаться. Я решил поэтому подойти к своей задаче более долгим путём теоретического изучения. Окружив себя, при первой представившейся возможности, несколькими молодыми гиляками, я стал записывать краткие тексты, добываясь в то же время анализа фраз, дословного перевода и осмысления грамматических особенностей. На первых порах работала шла крайне трудно, ибо мои учителя с трудом отдавали себе отчёт в том, что фразы состоят из отдельных слов, и с лёгким сердцем огорошивали

меня длиннейшими периодами, которые я едва успевал записывать в самом несовершенном виде. Вдобавок кропотливые расспросы быстро надоедали им, и наши сеансы шли с большими перерывами».

Заметив интерес политкаторжанина к быту нивхов, тюремная администрация Сахалина вскоре поручила ему провести перепись всех аборигенов на западном побережье острова от селения Арково вплоть до мыса Марии. Штернберг охотно взялся за новое дело, рассчитывая, что в ходе путешествия ему быстрее удастся освоить нивхский язык хотя бы на разговорном уровне. Но действительность превзошла все ожидания. Недоучившийся юрист обнаружил существование у нивхов группового брака. «Я открыл у них, – писал он 19 мая 1891 года своему соратнику М.А. Кролю, – родственную терминологию и семейно-родовые права, тождественные с таковыми же у ирокезов и в знаменитой *punaluafamily* (на Сандвичевых островах), словом, остатки той формы брака, на которой Морган основал свою теорию и которая служила исходным пунктом брошюры Маркса и Энгельса «*Der Ursprung der Familie, des Staates U.S.W.*». Но в этой системе покоится интересное родовое устройство гиляков. Сначала я сам опасался верить своему открытию, но когда я во время переписи не пропустил ни одной семьи, ни одной юрты без подробных расспросов, как зовут друг друга разные члены рода семьи и какие кто имеет права, я убедился наконец. В литературе, мне известно, никто этой стороной вопроса не интересовался, хотя имеются довольно обширные исследования о гиляках».

Всего за зиму 1891 года Штернберг переписал 1040 нивхов. По свежим следам он тут же набросал статью «Сахалинские гиляки», которая потом какими-то неведомыми путями попала в Москву. А дальше пошли чудеса.

10 октября 1892 года Н.Янчук доклад Штернберга целиком зачитал на заседании Общества изучения естествознания, антропологии и этнографии. Спустя четыре дня отчёт об этом собрании поместила влиятельная газета «Русские ведомости». Более того, редакция не пожалела места, чтобы подробно пересказать первую и вторую часть штернбергской статьи. Ну а последнюю точку в этот триумф поставил Фридрих Энгельс. Отгалкиваясь от газетного отчёта, Энгельс подготовил собственный развёрнутый комментарий «Вновь открытый случай группового брака». «Весь рассказ интересен ещё тем, – подчёркивал Энгельс, – что он снова показывает, как сходны, даже тождественны в своих основных чертах, общественные учреждения таких первобытных народов, находящихся на почти одинаковой ступени развития. Большая часть того, что рассказывается в этом отчёте о Сахалине, вполне применима к дравидийским племенам Индии, к жителям тихоокеанских островов, в эпоху их открытия, к краснокожим».

Добавлю, что на русском языке эти комментарии Энгельса впервые были напечатаны лишь в 1922 году в качестве приложения к его знаменитой книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

После обследования нивхов западного побережья Сахалина Штернберг совершил по острову ещё четыре путешествия. В частности, лето 1891 года он провёл на реке Тымь. Спустя год его маршрут пролёт уже по реке Поронай. В 1893 году ему позволили добраться до селения Сортунай. И потом была ещё одна поездка по северной части западного побережья.

В этих путешествиях Штернбергу постепенно открылись многие таинства нивхской мифологии. Он узнал, что свой родной остров рыбаки называли «мифом», то есть землёй. Нивхи воспринимали землю как живое божественное существо, которое имело, точно человек, свою голову (её олицетворял северная оконечность западного побережья Сахалина – мыс Марии), подбородок (упиравшийся в Охотское море район Пытыкры) и ноги (два полуострова в Корсаковом округе, выходящие в пролив Лаперуза). Так вот, в представлениях рыбаков восхождение на Голову приравнивалось к страшному греху.

Тем не менее Штернберг в августе 1891 года не захотел учесть это обстоятельство и чуть не поплатился за это своей жизнью. Позже он в своей работе «Гиляки» подробно рассказал о пережитом.

«Дело было в августе 1891 года. С большими затруднениями, почти без провизии и припасов, с одним куском кирпичного чая и сухарями, добрался я до Головы земли. Когда я неожиданно сообщил моим спутникам, что я решил взобраться на вершину «Головы», чтобы собрать там растения и отбивать камни, моими спутниками овладела паника. Они заклинали меня отказаться от моего «безумного» намерения, которое должно было повести за собою нашу общую гибель, приводя в доказательство, что двое русских моряков, попытавшихся взобраться на вершину маленького бога Лазарева мыса, тут же погибли и похоронены. Особенно волновался капитан моей лодки, умный, преданный и очень привязавшийся ко мне гиляк с. Танги, Гибелька.

– Тебе чего бояться? – сказал я ему. – Ты останешься здесь, жив будешь, домой придёшь, всё хорошо будет, а обо мне не заботься. – «Нет, друг, – возразил с живостью Гибель, – это худой закон: мы вместе ходили, вместе работали, вместе писали, вместе каменный топор искали, вместе людей смотрели, вместе суд делали, и теперь я один домой пойду, и ты тут помирать будешь? Такой ли закон? А самый большой начальник что скажет? Ты почему, скажет, не смотрел, чтобы «тяньги» (господин) хорошо ходил? Скажет, что я убил тебя. Это большой грех будет. Нет, уже лучше бога земли не трогай, шибко большой он, сильный, шибко сердиться мастер».

Видя, что я непреклонен, Гибелька после некоторого раздумья сказал: «И дать тебе нечего Голове земли, такой большой «тяньги», а не имеет, чего давать. Если дать ему гостинец и слово хорошее сказать, может быть, и сердиться не будет». Тогда я вспомнил, что у меня в кармане осталось несколько леденцов, которые я употребляю для утоления жажды при восхождении на гору, и, показав их обрадовавшимся спутникам, сказал, что я их преподнесу сердитому богу и слово хорошее скажу. Спутники несколько успокоились, и я пустился в путь. Когда я к вечеру вернулся, нагруженный коллекцией растений и минералов, спутники с радостью меня обступили и стали допытывать, какое слово сказал я богу Головы земли. Я вынужден был прочесть им экспромт молитвы в их национальном стиле: «Владыка Земли, ты очень большой и сильный, и шибко большой мастер сердиться. Все люди тебя знают. Я из далёкой земли пришёл, из самой далёкой земли, чтобы посмотреть на тебя пришёл; пожалуйста, сделай так, чтобы я и мои спутники были здоровы, и домой пришли, и чтоб мы по пути голодом не помирали! Хорошенько, пожалуйста, меня накорми». Когда мы в тот же день, истомлённые, проголодавшиеся, вернулись в ближайшее селение Ньур и Гибелька, пока варили чай, рассказал изумлённым слушателям про моё жертвоприношение и про красноречивую молитву, произошло нечто необыкновенное. Все лица смотрели с умилением, а женщины бросились в амбар доставать драгоценную буду, хранившуюся для жертвоприношений, чтобы накормить меня и моих спутников и таким образом исполнить волю Головы земли. Таким образом, благодаря леденцу, я, по мнению гиляков, не только спас свою жизнь, но и неожиданно доставил себе и моим спутникам давно невиданное блюдо».

Другой раз Штернберг чуть не поплатился за легкомысленное отношение к шаманам. Это случилось уже в селе Ныйво в устье реки Тымь. Несостоявшийся юрист вдруг решил продемонстрировать свои медицинские познания. Да кому! – пациентке главного на Тыми шамана. Надо ли объяснять, какую реакцию эта весть вызвала у нивхов. «Узнав про моё вмешательство, – вспоминал потом Штернберг, – шаман не только запретил [большой. – **В.О.**] принимать мои лекарства, но решил строго наказать меня за мою дерзость. Немедленно после моего отъезда он в полной одежде вошёл в воды залива и стал заклинать бога воды обрушиться на меня всевозможными карами. Через день пришлось мне заночевать в покинутом орокском шалаше, на низком берегу залива Набилъ. Ночью поднялся сильный ветер, сопровождаемый страшнейшим ливнем; вода выступила из берегов и стала затапливать низкую окрестность. Мы проснулись на рассвете, буквально плавая на наших подстилках. Пришлось строить помост и ёжиться на нём в течение многих часов до спада воды. Для гиляков всего побережья было

вне всякого сомнения, что я понёс наказание, ниспосланное шаманом, который, впрочем, мог оказаться ещё строже, но на сей раз пощадил русского «тяньги» (господина). Замечательно, что смерть моей пациентки, хотя она и отказалась принять оставленное мною лекарство, была вменена в вину не шаману, а её святотатственному обращению за помощью ко мне».

По мере углубления Штернберга в нивхскую проблематику перед ним со всей остротой встал вопрос о происхождении нивхов. Но тут одних сахалинских материалов оказалось недостаточно. По-хорошему требовалась полевая экспедиция на Нижний Амур. Оставалась самая малость: получить на краткосрочный выезд с Сахалина разрешение тюремной администрации. Однако начальство неожиданно заупрямилось. В общем, во Владивосток Штернберг попал только ближе к осени 1895 года, когда рваться на Нижний Амур уже не имело никакого смысла.

Чтобы понапрасну не терять ещё один год, Штернберг затеял новое путешествие: из Хабаровска в Благовещенск, решив параллельно заняться изучением гольдов (нанайцев). Ну а первая его встреча с амурскими нивхами состоялась лишь в конце июня 1896 года. Позже он, сопоставив свои сахалинские наблюдения с амурскими, пришёл к однозначному выводу, что прародину нивхов надо искать на арктическом побережье, и даже не России, а скорее Америки. Косвенно эту гипотезу подтверждало родство нивхской речи с говорами американских индейцев. Но в Арктике предки нивхов не задержались. Их путь потом пролёг на Нижний Амур. А затем часть племён переселилась на Сахалин.

Осенью 1896 года Штернберг вернулся на Сахалин. Следующая зима оказалась для него на редкость удачной. В селе Ады-Тымь ему повстречался сын знаменитого шамана Чамх из рода Пльыфвонн – Койныта. Позже он вспоминал: «Бедный, как Иов, одинокий, бесприютный, богатый только духами-помощниками для этой жизни и большими надеждами в загробной (он имел целых две души в наследие от отца, который, в свою очередь, имел их целых четыре), он отдался весь своему призванию, получал видения, истерические припадки, импровизировал поэмы, пел песни, и гиялки, страстные любители поэзии, целыми ночами слушали его, даря его потом юкалой, ремнями и т.п. мелочами. Вот этот юноша, готовившийся стать со временем шаманом, согласился, благодаря посредничеству наших друзей-гиялек, переехать на время в сел. Рыковское, чтобы за тёплый угол и соблазнительные прелести русского стола делиться со мною богатствами своей фантазии и знаниями своего племени. Из эпизодов нашего сожителства особенно памятным остался для меня тот момент, когда при мне снизошла на него, если можно так выразиться, шаманская благодать... Однажды он заспался дольше обыкновенного. Мы сидели с другим гиялцким под-

ростком, хорошим рассказчиком Индыном, и беседовали. Внезапно Койныт, спавший в той же комнате, вскочил со своего ложа с нечеловеческим криком и, подняв руки кверху, с безумным взором, искажённым лицом стал импровизировать... И я, и мой собеседник оцепенели от этого бурного потока воплей, завываний, рычаний, выкриков, беснований, за шумом которых только время от времени долетали до нас обрывки фраз и слов, и не успели мы прийти в себя от этой неожиданности, как крики внезапно оборвались, и Койныт с полузакрытыми глазами, бледный, бессильный, опустился на своё ложе. «Ну, – сказал Индын, – теперь уж Койныт человеком не будет, кехн хочет заставить его свой закон держать»... Так тесно связана поэзия в представлении гиялек с религией».

От Койныта Штернберг в январе 1897 года записал на тымовском наречии уникальную эпическую поэму нивхов. Лингвистический разбор текста позволил ему потом лучше понять строй, фонетику и грамматические особенности нивхского языка. Кстати, поэма Койныта дала политкаторжанину ещё один дополнительный аргумент в пользу теории об арктическом происхождении нивхов, которая решительно расходилась с гипотезой другого учёного – Леопольда Шренка.

В мае 1897 года Штернберг попал под амнистию и получил возможность вернуться под трёхлетний полицейский надзор в Житомир. Там он вскоре познакомился со своей будущей женой – Саррой Ратнер. Идеи революции его больше уже не будоражили. Теперь ему хотелось другого – довести до ума свои материалы о нивхах. Дельные советы бывший политкаторжанин надеялся получить в первую очередь от

друга юности – Владимира Богораза. И тот своего товарища не подвёл.

Уже в феврале 1899 года Богораз сообщил Штернбергу: «Я говорил с академиком Залеманом по поводу Ваших текстов, и он сказал, что нужно увидеть самые тексты, а потом можно будет судить. Международного гиялцкого алфавита не существует. В 1892 году вышла работа Грубэ, которую посылаю Вам. Посылаю также работу Иохельсона и одну из своих корректур, для образца. Никакого учебника сравни-

тельной филологии Залеман не мог мне посоветовать, да и не нужно это для Вас. А сделайте вот что: перепишите пару гиляцких текстов и подвергните их грамматическому разбору подробнее. Чем подробнее будет фонетический, грамматический и синтаксический разбор, тем лучше... Как видите, благодаря некоторой доле нахальства я добрался до Петербурга. Приехал сюда прямо «на ура» и после нескольких переговоров временно остался... Но так как в России временные порядки наиболее прочны, то я не чувствую себя обескураженным... Виски у меня совсем побелели, и на лбу мех попорчен. Но в общем, кажется, я не совсем составил... Старая закуска бродит и толкает на писательскую дорогу. Что будет из столкновения сил двух моторов – неизвестно».

Звёздный час Штернберга наступил, кажется, 24 мая 1900 года. В тот день он представил свой доклад «Образцы материалов по изучению гиляцкого языка и фольклора, собранных на острове Сахалине и в низовьях Амура» в историко-филологическом отделении Императорской академии наук. Учёные мужи были просто в восторге. Великий тюрколог Василий Радлов даже предложил Штернбергу занять в Музее антропологии и этнографии место ушедшего в Русский музей Дмитрия Клеменца.

Наверное, в области нивховедения вершиной Штернберга следует признать изданную в 1908 году книгу «Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора». В неё вошли четырнадцать героических поэм на восточно-сахалинском диалекте и двадцать семь сказаний на западно-сахалинском диалекте, то есть ровно половина из общего объёма записанных учёным текстов. Штернберг очень надеялся, что в ближайшей перспективе у него представится возможность напечатать ещё один том по нивхскому фольклору. Особенно ему хотелось обнародовать лирику нивхов. «Это самая оригинальная и сильная отрасль гиляцкой поэзии, – подчёркивал он. – В её мотивах нет ничего заимствованного, всё дышит непосредственностью, оригинальностью, силой и свежестью образов, глубоким чувством природы. Песни и лирические поэмы гиляков создаются каждым отдельным лицом по тому или другому случаю. Творчество вдохновения здесь оплодотворяется силою непосредственно пережитого».

Штернберг успел сделать классификацию гиляцкой лирики. Он, в частности, особо отметил четыре жанра: «лунд – песни; алахтунд – лирические поэмы эротического содержания, самая совершенная форма гиляцкой лирики как по образности, так и по драматизму; чам-лунд – посмертные заплачки, которые поются у костров, пред началом сожжения покойников». Однако в Российской академии наук денег на второй том не дали.

В последующем Штернберг зарекомендовал себя не только как блестящий исследователь народов Сахалина и Нижнего Амура. Он проявил себя и как отменный организатор. Ему

удалось сформировать собственную школу, из которой вышли Василий Анучин, Виктор Васильев и Сергей Широкогоров. Опираясь на свой богатейший опыт, учёный в 1912 году разработал подробнейшую инструкцию для собирания этнографических материалов у народов Сибири. Кроме того, во многом именно с его подачи в 1917 году в Петрограде открылись Высшие географические курсы, преобразованные потом в Географический институт.

Как уже в 1975 году писал Д.А. Ольдерогге, «для всей научной деятельности Штернберга характерно одно: требование, чтобы этнографы, изучающие какой-либо народ, входили в его быт, а не наблюдали его со стороны. Поэтому стало правилом, чтобы все молодые исследователи отправлялись в экспедиции на срок не менее одного этнографического года, который соответствовал примерно пятнадцати месяцам, считая, что первые три этнограф находился в районе, привыкая к окружающей обстановке, а затем проводил свои наблюдения в течение всех сезонов и таким образом изучал трудовую деятельность народа в разные времена года. Другим требованием было знание языка, чтобы иметь возможность общаться с населением без помощи переводчиков». Именно в таком ключе Штернберг воспитывал своих студентов.

Насколько я понял, октябрьский переворот 1917 года Штернберг встретил без энтузиазма. Новая власть ответила ему тем же. В феврале 1921 года он был арестован. По слухам, безграмотным сотрудникам ВЧК не понравилось, как учёный читал в Институте истории искусств курс по первобытному обществу. Освободили Штернберга только после личного поручительства Максима Горького. Но окончательно чекисты отвязались от учёного лишь после избрания его в 1924 году член-корреспондентом Российской академии наук.

Осталась ли у Штернберга обида на власти? Точно не знаю. Но уверен в другом: даже если обида не прошла, учёный продолжал своё будущее связывать только с Россией. Напомню, у него и до 1917 года, и потом было сколько угодно возможностей остаться за рубежом. Скажем, в 1925 году он три с половиной месяца провёл в Западной Европе на 21-м конгрессе американистов (где, кстати, сделал на английском языке замечательный доклад «Избранничество в религии»). И при его-то связях ему не стоило никакого труда попросить приюта в Швеции, Дании, Голландии или Франции. Однако он предпочёл вернуться в Ленинград.

В 1926 году Штернберг участвовал в III Международном Тихоокеанском конгрессе. По окончании симпозиума он изъявил желание отправиться на север Японии, чтобы проверить свои гипотезы по айнскому вопросу. Учёный в противовес другим этнографам полагал, что первоначальную родину айнов надо искать в южной или юго-западной части Тихого океана, где-то в Австронезии. Однако из-за болезни

ему масштабные исследования пришлось раньше времени свернуть.

Ольдерогге считал, что наиболее значительные научные открытия Штернберг сделал в последние годы жизни. Он не случайно особо в наследии учёного отмечал статьи «Кульг орла у сибирских народов», «Кульг близнецов в Китае и индийское влияние», «Избранничество в религии» и «Проблему айнов». «Все эти работы, – писал Ольдерогге, – отличает одна общая черта – применение сравнительно-исторического метода. Этот метод возник в языкознании в первой четверти XIX века. Успехи его были настолько очевидны, что он получил позднее признание в других областях гуманитарных знаний – в юриспруденции, точнее, в сравнительном правоведении, в истории права и юридических обычаях, а также в этнографии, где завоевал всеобщее признание и безраздельно господствовал вплоть до первых десятилетий XX века».

Умер Штернберг 14 августа 1927 года в Дудергофе под Ленинградом. Впоследствии его архивом много занималась вдова учёного – Сарра Аркадьевна Ратнер-Штернберг. Ей, в частности, удалось в 1933 году пробить издание в Хабаровске внушительного тома избранных работ мужа «Гиляки, орочи, голды, негидальцы, айны». Но сколько проектов оказалось потом заморожено только потому, что Сарра Аркадьевна начала всех без каких-либо оснований подозревать в попытках присвоения наследия Штернберга. Склоки продолжались вплоть до войны. А там уже возникли другие проблемы.

Добавлю, когда началась война, Ратнер-Штернберг осталась в Ленинграде. Блокада очень сильно подорвала её здоровье. На почве дистрофии у пожилой женщины случилось острое психическое расстройство. Умерла Сарра Аркадьевна 28 февраля 1942 года.

3. Нет в любви сопутствия

В 1982 году, готовя материалы о просветительской деятельности Владимира Санги, я заинтересовался у писателя, кто до него пытался создать нивхские учебники. Перечисляя имена лингвистов, Санги мельком упомянул и имя Крейновича. Но от каких-либо подробностей, касающихся жизненного пути Крейновича, писатель почему-то уклонился. Я даже не мог понять, жив учёный или нет. Санги тогда уклончиво сказал: считайте, что нет. Я так и написал в журнале «Дошкольное воспитание». Но после публикации статьи выяснилось, что учёный жив-здоров и его надо искать в Ленинграде.

Первая наша встреча состоялась в марте 1984 года. Крейнович к тому времени мало кому верил. Он долго выяснял, не подослали ли меня к нему В.Санги или Ч.Таксами. Это уже потом я узнал, какие у учёного были основания не доверять этим людям. Убедившись, что за моим посещением не стоят недоброжелательные для него фигуры, Крейнович посадил меня в гости-

ной комнате, затем принёс из кладовки часть папок из домашнего архива, но прежде чем разрешить с ними познакомиться, он сразу оговорил, что работать с бумагами я могу только у него на квартире. Кроме того, учёный тут же взял с меня подписку, что если что-то я буду писать о нём, то перед публикацией пришлю ему для сверки все материалы. При этом Крейнович предупредил, что принципиально не будет касаться кетской проблематики (все свои материалы по кетам он тогда для всех исследователей закрыл на ближайшие десять лет). Непростыми у нас получились и беседы. Чуть ли не в каждом слове Крейновича проскальзывала обида. Он недоволен был властью, очень сердился на своих коллег из Института языкознания и крайне настороженно относился даже к северянам. Объяснения такому поведению я потом нашёл в судьбе этнографа.

Ерухим Абрамович Крейнович родился 12 апреля 1906 года в белорусском городе Невеле. Он рано остался без матери. Главным кормильцем семьи очень долго был его отец, занимавшийся торговлей пушниной.

До Гражданской войны Крейновичи жили в Витебске. Там маленький Ерухим исправно посещал начальную религиозную школу и прилежно учил основы иудаизма. Когда ему исполнилось двенадцать лет, он записался в литературный кружок имени В.Г. Короленко к И.И. Соллертинскому и всерьёз задумался об артистической карьере. Но это не понравилось старшим сёстрам Крейновича. Они всё сделали, чтобы брат сразу после окончания Гражданской войны перебрался к ним в Петроград.

В 1923 году Крейнович поступил в университет на общественно-педагогическое отделение. Красная профессура хотели вылепить из него страстного агитатора за новую жизнь. И он в общем-то сильно этому не сопротивлялся. Более того, следуя веяниям времени, сын витебского торговца пушниной согласился даже на то, чтобы его стали звать не Ерухим, а по-другому – Юрием.

Всё изменило случайное посещение лекции бывшего народовольца Льва Яковлевича Штернберга. Уже в 1968 году Крейнович вспоминал: «В аудиторию вошёл старый, бородатый и мрачный на вид человек. Его мрачность усиливалась подёргивающейся щекой. Он снял своё тёмное пальто и остался в тёмном кителе. Сев за стол, он стал вытаскивать из-за пазухи (точнее, из внутреннего кармана кителя) какие-то конверты, чего ни один профессор на своих лекциях не делал. Потом он достал портсигар с табаком, завернул сигарку и закурил. Раскрыв один конверт и вынув из него бумажные карточки, он переложил их и начал свою лекцию <...> Всё, о чём рассказывал Л.Я. Штернберг, для меня, 17-летнего юноши, было ново и интересно».

Дальше оставаться на факультете общественных наук, как считал Крейнович, было бессмысленно, и он стал всеми правдами и не-

правдами добиваться перевода на этнографическое отделение. Правда, вскоре выяснилось, что там бал правил не столько Штернберг, а другой северовед и тоже бывший народоволец – Владимир Германович Тан-Богораз. Так вот Богораз, читавший в университете курс этногеографии, очень хотел, чтобы новый студент занялся удэгейцами. Но Крейнович проявил упорство, заявив, что хочет продолжить дело именно Штернберга, и демонстративно взялся за изучение нивхского языка.

Богораз, надо отметить, отдал должное благородству Крейновича. Он потом даже вручил ему небольшой экспромт:

*Юре малахольному, шкетному, аскетному,
Камню самоцветному,
Нет ему сочувствия, нет в любви
сопутствия,
Лишь одна тематика – нивхская
грамматика.*

Богораз, как всегда, был точен во всём. На любовном фронте у Крейновича действительно случилась осечка. На географическом факультете все знали, что он был влюблён в свою курсницу Ноэми Шпринцин, которая считалась лучшей ученицей Богоразы. Но та в последний момент почему-то предпочла Морева. В этой ситуации Крейнович не видел другого выхода, как сразу после получения диплома рвануть из Ленинграда куда-нибудь подальше, хотя бы на тот же Сахалин, и с головой погрузиться в изучение нивхской грамматики.

На Сахалин Крейнович попал в июне 1926 года. По наивности он думал, что будет заниматься только чистой наукой. Первым делом молодой учёный отправился на поиски бывших информантов народовольцев. Ему повезло: близ Арково он застал старых рыбаков Чурку и Плетунку, которые хорошо помнили Штернберга и прекрасно знали древние обычаи своего народа. Крейнович тут же об этих радостных новостях сообщил в Ленинград своему учителю. Ответ долго ждать себя не заставил. Уже 14 июля 1926 года Штернберг писал Крейновичу: «Очень обрадовало меня письмо Чурки и то, что и Вам он симпатичен. Передайте ему от меня рубля три деньгами или купите что-нибудь на них. Я бы послал сейчас эти деньги, но не знаю, где Вы будете в то время. Делаете ли Вы уже записи? Вы ничего не пишете об этом... Когда будете записывать слова и тексты, непременно отмечайте, кто его мать, говорила ли она, как гиляки Танги, или Ады-тымы, или Тро. Это очень важно, ибо дети говорят языком матери. Очень прошу записывать обыденную речь. Заставляйте рассказывать по-гиляцки обыкновенные вещи из обыденной жизни. Эпос и прочее, само собою. Для здоровья советую есть побольше свежей рыбы и приучите себя пить тюлений жир или пейте аптечный рыбий жир».

В конце письма Штернберг дал Крейновичу ещё несколько рекомендаций. Он напоминал: «Попросите Чурку сделать все инау, которые

употребляются на Медвежьем празднике, далее, дощечку с изображением солнца и луны (у нас такое изображение есть из Агнево) и на каждой вещи ставьте № и составьте объяснение и название каждой вещи. Вообще религиозные изображения заставляйте делать, а также заставляйте Чурку рисовать карандашом мифологические рассказы... Развейдите, кто из мужчин и женщин лучшие певцы и сказочники, и вступите с ними в общение. Телеграфируйте, останетесь ли на зиму. Тогда я пришлю Вам тексты, которые необходимо проверить. Если нельзя будет остаться, то налегайте на фонетику и побольше слов запишите! Не забывайте собирать каменные орудия!».

Штернберг не случайно в письме поинтересовался у своего ученика планами на зиму. Дело в том, что у Крейновича врачи ещё в Ленинграде выявили склонность к туберкулёзу. И никто не знал, как Сахалин повлияет на здоровье молодого парня. Кроме того, у Крейновича сразу же сложились непростые отношения с Сахалинским ревкомом. Он, напомним, хотел заниматься чистой наукой. А власти считали, что наука может и подождать; главное – борьба с засильем приезжих торговцев и ликбез. «Ваша работа, – писал Крейновичу 18 ноября 1926 года секретарь Сахалинского ревкома А.Ильин, – в основном должна сводиться к следующему: не допускать кабальных сделок. Выяснять все случаи закабаления. Главной задачей является то, чтобы по возможности больше добытой пушнины было сдано в факторию, а не ушло в другие руки (Николаевск на А., из частников – Калевский, китайцы, японцы). Необходимые с Вашей точки зрения мероприятия по организации и защите интересов туземцев представляйте в ревком. Как задание ставится составление наиболее полных туземных словарей, которые бы своим построением и содержанием могли дать возможность средне владеть разговорным языком туземцев».

Спорить с ревкомом было бесполезно. Но и возвращаться в Ленинград без каких-либо серьёзных материалов Крейнович тоже не хотел. В итоге он согласился поехать в село Хандуза и стать воспитателем в первой на Охотском побережье Сахалина национальной школе.

Первое, что потрясло Крейновича на новом месте: отсутствие на уроках нивхов. В школе учились в основном эвенки, ороки и якуты. Причина оказалась банальна: если в самой Хандузе все уже давно хоть как-то освоили русский язык, то нивхи, жившие на берегу залива Чайво по соседству, русскую речь по-прежнему понимали очень плохо и поэтому своих детей в интернат отдавать не хотели. Пришлось молодому воспитателю вспомнить свою первую университетскую специальность агитатора.

С новыми учениками Крейнович общался поначалу на языке жестов. Потом в ход пошли картинки. Учитель показывал рисунки и спрашивал, что на них изображено. Услышанные слова он записывал в блокнот. Именно так

Крейнович проверял полученные в Ленинграде теоретические знания нивхского языка.

Однако занятия продолжались недолго. Через несколько месяцев Хандузу охватила эпидемия кори. Почти все дети тяжело заболели. Крейнович взвалил на себя ночные дежурства. Но перед эпидемией он оказался бессилён. Несколько ребятишек умерли. Сильно сдал и сам Крейнович. Он с трудом дождался приезда в село отряда Красного Креста и только потом сам выехал в Александровск.

Уже в больнице до Крейновича дошла весть о том, что на Тыми готовится Медвежий праздник. Он, естественно, тут же загорелся мечтой вновь отправиться к нивхам и своими глазами увидеть весь древний ритуал от начала и до конца. Но у него возникла проблема с деньгами. Пришлось продать большую часть полученных из Ленинграда фотопластинок.

Когда к отъезду уже всё было готово, Крейновича вдруг вновь вызвали в ревком. Теперь ему вменили в обязанность организацию на Тыми ликбеза.

Весной 1984 года Крейнович, вспоминая сахалинский период своей жизни, мне надиктовал следующий рассказ. «На Тыми я поселился у нивха Форуна, жившего с сыном Навгуном в маленькой избушке на сваях. Избушку насквозь продували ветра. Но имелось у неё и преимущество перед землянками – в избушке было небольшое оконце. Пристроившись у оконца, я мог вести записи и готовиться к урокам. Мне выделили боковую нару, которую я застелил оленьей шкурой. Чтобы не замёрзнуть, вечерами я наготавливал стружки, а ночью часа в четыре вскакивал и быстро затапливал печурку. Это чуточку согревало. Для ликбеза согласился предоставить свою землянку нивх Пларгин. Я купил лампочку, керосин, тетради. Сделал фанерные дощечки для каждого ученика и картонные квадратные карточки. На первом занятии я сообщил нивхам о том, что научу их прежде всего расписываться. Каждому ученику положил на колени дощечки, раздал карандаши и тетради. На каждой карточке начертил по букве, а потом из этих карточек сложил имена нивхов. Всем нивхам показал начертания их имён. Затем дал им задание перечертить буквы в тетради. Проверив задание, я перемешал все карточки и предложил ученикам восстановить буквы по памяти, после чего сверить полученный результат с записями в тетради. Так нивхи убедились в практической пользе грамоты. Уже на следующее занятие часть нивхов явилась с небольшими сумками, сшитыми из нерпичьей кожи. В эти сумки они складывали фанерные дощечки, тетради и карандаши.

Обучение Крейнович старался вести методом целых слов. Правда, случались и курьёзы. Некоторые русские слова нивхи произносили на свой лад. А как-то в букваре им попало предложение: «У бар была наука, у мужика – кабала и мука». Нивхи, во-первых, звонкие согласные прочитали как глухие, во-вторых, непра-

вильно поставили ударения. Получился совсем иной смысл, особенно второй части предложения: будто у мужика имелись кобыла и мука. Пришлось тогда Крейновичу объяснять значения слов. Слово «кобыла» по-нивхски означает «мурн», а «кабала» – «син'руд» (буквальный перевод – мучить). Мука же переводится как «офан», а «мука» по своему значению близко к понятию «син'руд».

На Сахалине Крейнович пробыл до лета 1928 года. Перед отъездом в Ленинград ему пришло письмо от старого большевика Карла Яновича Лукса. Начальник Дальневосточного комитета Севера сообщил: «Процесс нашей советской туземной работы я представляю как отуземливание нас, брошенных партией на эту работу и постепенное вовлечение в советский обиход сперва единиц из туземцев, потом десятков, а там уже недолго будет до сотен и тысяч. Объекты изучения должны стать субъектами. Избитая истина, что всякое начало трудно. Надо гордиться, что на вашу долю выпал этот первый и трудный шаг. Но довольно восклицаний. Не хочу я вам мораль, хотя и нашу «советско-туземную», проповедать... Но на случай, если не увидимся, хочу вам сказать, что ожидаю от вас ни больше ни меньше как советский гиляцкий букварь».

В Ленинграде Крейнович сразу попал в аспирантуру к Богоразу (Штернберга не стало ещё в 1927 году). И первая же его монография – «Гиляцкие числительные» – вызвала в отечественном языкознании целый фурор. Позже академик Д.А. Ольдерогге утверждал, что молодой учёный «показал огромное значение языка для изучения истории развития мышления. В те времена под влиянием идей французского философа Леви Брюля многие лингвисты утверждали, что нашему логическому мышлению предшествовало первобытное мышление – диффузное, хаотическое и дологическое. Е.А. Крейнович показал, что характер мышления человека, жившего много тысячелетий назад и пользовавшегося ещё каменными орудиями, было логическим, а представления его имели точный, конкретный, предметный характер; познание им природы начиналось не с созерцания неба, а с процессов труда».

Покончив с гиляцкими числительными, Крейнович взялся за нивхский букварь. Но тут он столкнулся с новым препятствием – с проблемой произношения. Однако без полевых исследований её решить было невозможно. Поэтому летом 1931 года учёный отправился на Нижний Амур.

Спустя полвека Крейнович мне рассказывал, какая большая удача постигла его уже в первом нивхском селении Чарбах. «Я встретил старого нивха Козина, который внимательно отнёсся к моим расспросам. Пытаясь понять секреты чередования согласных звуков, я просил его по-нивхски произнести более ста разных слов. Неожиданно при произношении слов «копъё» и «собака» я уловил различие в чередованиях

придыхательных и непридыхательных согласных. За этой парой слов последовали другие пары с начальными согласными звуками, противопоставляющиеся по признаку придыхательности и непридыхательности. Дальше работать было уже намного легче. Я набирал словарный материал и составлял тексты для букваря. Многие вопросы обсуждал с нивхом Мыткок из селения Пуир. На Сахалине и на Амуре я часто сталкивался с фактами бесправного положения нивхской женщины. Ломать сложившиеся веками традиции было не так-то просто. Поэтому мне хотелось обязательно включить в букварь статью, которая давала бы женщинам понять их равные с мужчинами права. Кстати, рассказ для букваря «Жизнь нивхской женщины» я составлял вместе с нивхом Мыткой. Кроме того, в мой букварь вошли также фотографии и короткие рассказы о первых нивхах, учившихся в Институте народов Севера: Воксине, Неньгуне, Пеньгукке и Сарате. А заканчивался букварь прощальным словом о Карле Яновиче Луксе, мечтавшем увидеть нивхскую книгу. Иллюстрации для букваря сделали художники Е.Эвенбах и А.Борматов. Эвенбах специально изучала по фондам ленинградских музеев нивхский быт, а затем совершила на Амур экспедицию».

Но понятно, что один букварь, какой бы хороший он ни был, погоды сделать не в состоянии. Для формирования литературного языка нужны были десятки, сотни книг и своя газета. Один Крейнович потянуть этот воз не мог. Вот почему в 1932 году на Дальнем Востоке при президиуме Нижне-Амурского облисполкома власти специально создали Нивхский межрайонный Комитет нового алфавита, которому помимо всего прочего в обязанности вменили издание нивхской газеты и выпуск нивхских книг.

В доме Крейновича весной 1984 года мне довелось увидеть первые одиннадцать номеров этой газеты. Называлась она «Нивхская правда». Выходила эта газета, как правило, раз в месяц. Её тираж составлял тысячу экземпляров. Ответственным редактором издания числился Козмин. В редколлегии же значились имена Дюкова, Воксина, Кандо и Магдийчука.

В выходных данных каждого номера чётко подчёркивались задачи издания: «Нивхская

правда» – учебно-политическая газета для малограмотных нивхов». В соответствии с этими целями строилось и содержание полос. Газета рассказывала о том, что такое Советы, колхозы, кооперация, школы, больницы. В №3 от 21 января 1934 года появилась и первая сводка о ликвидации неграмотности среди коренного населения. В ней назывались сёла, фамилии учителей, сколько человек им удалось охватить обучением, отдельно мужчин, женщин и детей. Такие сводки помещались поначалу через номер.

Среди первых изданий Николаевского Комитета нового алфавита – отдельная листовка с нивхским алфавитом и «Памяткой к овладению нивхским алфавитом». Её тираж – полторы тысячи экземпляров. В листовке перечислялись буквы алфавита, указывались звуки, близкие по своему произношению к звукам русского языка. Особо обращалось внимание на пять нивхских звуков, отсутствующих в русском языке. Для овладения ими авторы листовки давали ряд практических советов. Составители писали: «Рекомендуем привлечь нивха, с которым, прорабатывая букварь, необходимо соблюдать следующее:

- а) внимательно слушать читку нивха;
- б) внимательно повторять трудноосвояемые звуки в словах и фразах до полного освоения их произношения;
- в) не начинать проработку нового, пока хорошо не освоены звуки предшествующих занятий, ибо только при соблюдении этого обучающийся приучится различать эти звуки в быстро произносимой нивхами речи, а также овладеет речевым процессом».

С 1934 года в качестве приложения к «Нивхской правде» Комитет нового алфавита стал выпускать на нивхском языке ещё и брошюры по актуальным темам. Автор пергой – доктор В.С. Свердлов. Называлась его работа «Как лечить больного человека». Перевод сделал Воксин. Объём – 13 страниц, тираж 750 экз. Затем в Николаевске-на-Амуре отдельной брошюрой в переводе Кандо вышла работа Н.К. Крупской «Всем крестьянкам». Были также изданы на нивхском языке лозунги.

Организаторами обучения нивхов родному языку и издательского дела стали ученики Крейновича по Институту народов Севера – Дюков, Воксин, а также активисты Комитета нового алфавита. О трудностях работы этого Комитета, об отношении нивхов к первым книгам на родном языке сегодня можно судить по письмам тех лет, сохранившимся в архиве учёного.

Прежде всего большое внимание уделялось кадровым вопросам. Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера направила в Николаевск-на-Амуре для создания Комитета Г.Дюкова. На месте он привлёк к работе Комитета нивхов, имевших уже опыт общественной деятельности и в какой-то степени владевших грамотой. В их числе и Кандо. Кандо сообщал Крейновичу в Ленинград 18 августа

1932 года: «Я теперь приехал в город Николаевск на рыботехническую комсомольскую конференцию. В связи с этим я попал и на учительскую конференцию. В городе познакомился с товарищами Дюковым и Бекером (Пейкером). Они уже согласовали с туземным риком (райисполкомом) вопрос об использовании меня в Комитете нового алфавита. Я на это согласился и в настоящее время работаю в Комитете».

О первых шагах Комитета подробно информировал Крейновича в своём письме от 10 сентября 1932 года Дюков. «Итак, я нахожусь на работе зам. председателя Нивхского межрайонного Комитета нового алфавита. Комитет облуживает нивхов Сахалина и Амура, а его местонахождение в Николаевске... Сейчас ещё не окончился организационный период, и о конкретных мероприятиях в полном развёрнутом виде со сроками исполнения говорить рано. Пока что организовано оргбюро и развёртывается разъяснительная работа по перспективным наметкам работы Комитета в области ликвидации неграмотности из самих националов, переподготовке учителей 1-й ст., по организации курсов подготовки учителей к будущему году, созданию шк. малограмотности, межрайонной нивхской газеты, о необходимости создания переводческих бригад и работы над созданием литературного языка. С января-месяца будем вводить по школам родной язык, а Комитет до января-месяца руководит заочно, рассылая поурочные разработки букваря и пр. необходимые материалы... В моём распоряжении все учителя нивхских школ и два инструктора комитета».

И действительно, уже в начале 1933 года в национальных школах стало широко вводиться обучение на родном языке. В стойбище Хузи учителем назначили молодого нивха Н.Промуна. 16 марта 1933 года он писал в Ленинград своему товарищу Сергею Сарату, обучавшемуся в Институте народов Севера: «Я живу в своей деревне, провожу уроки по родному языку в помещении красного уголка. Часы занятия – с 7 до 9 часов вечера. Ездил на четыре месяца в Николаевск на курсы нивхского языка».

Когда из Института народов Севера вернулся на Амур нивх Воксин, то Дюков и его привлёк к работе в Комитете нового алфавита. Ему поручили переводить для газеты общественно-политические статьи и популярные брошюры. О своей работе Воксин рассказывал 9 февраля 1934 года в письме преподавателю рисования Института народов Севера Михайловой: «Я в настоящее время работаю в городе Николаевске-на-Амуре в Комитете нового алфавита, ежедневно делаю переводы. Для меня это очень трудно. Хотя трудно, я всё-таки стараюсь до последних сил делать эти переводы, так как заинтересован поднять свой тёмный народ. Многие нивхи ещё не знают родной грамоты, поэтому мы здесь трудимся очень много. Мы в настоящее время охватили в округе 316 учеников, взрослых мужчин и женщин 300 человек, всего

616 человек. На газету «Нивхская правда» подписались 737 человек. Выпустили уже третий номер газеты».

Летом 1934 года Дюков из Николаевска уехал. Практически в местном Комитете нового алфавита остались работать два человека со знанием языка нивхов – Кандо и Воксин. Естественно, нагрузка у переводчиков возросла. Трудностей не уменьшалось, а ещё больше прибавлялось. Но уже никакие неурядицы не могли затормозить начавшееся просветительское движение. Кандо в конце 1934 года в письме Крейновичу сообщал: «После Дюкова напечатали несколько номеров газеты. Всего у нас 15 номеров. Октябрьский номер – шестистраничный. Юбилейный – 8 страниц. А остальные номера объёмом по 4 страницы. По ликбезам программы напечатали. Вот вся наша работа.

Все курсы и ликбезы передали облоно, а сами занимаемся издательской и научно-исследовательской работой...

Вы находитесь в центре, где много издаётся детских и взрослых книг для начинающих читателей. Наверное, у вас имеются такие издания. Нам они необходимы для переводов. В нашем ОГИЗе их нет».

Интересно и то, что Кандо в этом письме отмечает встречающиеся в «Нивхской правде» ошибки. Он просит Крейновича обращать на них внимание, чтобы в дальнейшем избежать неточностей. В то же время Кандо указывает и на некоторые неточные фразы в учебниках самого учёного. Он писал Крейновичу: «Постепенно дадим вам материалы о росте грамотности и культуры северян».

В другом письме, помеченном уже 1936 годом, Кандо сообщал: «Двинулась наша работа. Выпустили 6 номеров газеты, две пьесы и брошюру «Как нужно ухаживать за детьми». И тут же он поднимал тревогу о кадрах, просил подготовить в Ленинграде новых переводчиков, так как Комитет нового алфавита наметил большие издательские планы».

Крейнович тоже не сидел в Ленинграде без дела. Он к середине 1930-х годов подготовил новую редакцию нивхского букваря и монографию по фонетике нивхского языка, а также отредактировал переводы пушкинских сказок, выполненные нивхом по имени Тыхта. При этом учёный параллельно занялся изучением юкагирского языка.

Не случайно в 1935 году Крейнович стал одним из героев последнего романа Владимира Богораза «Воскресшее племя». Правда, писатель дал ему другую фамилию – Престович. Богораз с пафосом сообщал, как его персонаж создавал первый нивхский букварь: «Guz Dif» – «Новое слово». Работа Юрия Престовича. Написана на языке нивхов, то есть в прошлом гиляков. Престович, как и многие другие работники, родился в Ленинграде и выехал впервые прямо со студенческой скамьи на далёкий и суровый Сахалин. Здесь он попал в условия, не лучшие, чем на знаменитой сахалинской ка-

торге. Публика подобралась матёрая, аховая. Так как Престович не мог и не хотел «выгнать с волками по-волчьи», против него началось гонение, и очень скоро он угодил в настоящую ссылку, на далёкий восточный край острова Сахалин. По таким же причинам лет сорок назад его покойный учитель, Лев Яковлевич Штернберг, бывший политический ссыльный, попал на окраину острова. В ближайшую зиму Престович устраивал школу. Посёлок и школу посетила цинга, и школа превратилась в больницу. Престович тоже заболел. Он вынужден был, однако, переносить свою болезнь на ногах и лечить население.

В школе у него было тридцать девять пациентов, а температура его тела доходила до тридцати девяти градусов! Ему приходилось не только лечить, но также заботиться о пропитании населения, ездить к начальству за продуктами и даже – хоронить.

Всё же он справился, выжил, потом с Сахалина вернулся а Хабаровск и там при содействии Карла Яновича Лукса повёл борьбу с подпольными хищниками.

Белогвардейская публика на острове попала под суд, а Престович, напротив того, в санаторий на озере Ханка. Оттуда он вернулся в Ленинград. Годы через два отправился опять на устье Амура, но уже специально для обработки букваря и совсем в других условиях.

Книга Престовича составлена позднее книги Григорьева [имеется в виду букварь Прокофьева. – **В.О.**], и по содержанию она сложнее. Рядом с призывами к гигиене встречаем призывы социальные.

«Мы, в Ленинграде обучающиеся нивхи, вам, на Амуре и на Сахалине своим трудом живущим нивхам, говорим:

Трудящиеся нивхи, шаманский закон бросив, по советскому закону только живите.

Кулака и шамана в совет не избирайте.

Из колхозов кулака и шамана изгоните.

Советы и колхозы укрепляйте.

Мальчики и девочки, в пионеры и комсомол записывайтесь.

Эту свою нивхскую книгу хорошо читайте...».

Сам Крейнович в это время планировал завершить собственную монографию по языку, фольклору и быту нивхов. Естественно, он хотел в этой работе максимально учесть все наблюдения и выводы своего учителя Штернберга. И в этом молодой северовед рассчитывал на содействие вдовы учёного – Сарры Ратнер-Штернберг. Но у вдовы имелись свои планы.

Сарра Аркадьевна считала, что в первую очередь следовало бы опубликовать второй том материалов Штернберга по нивхскому языку и фольклору (первый вышел в 1908 году). Потом она хотела обнародовать дневниковые записи своего мужа, касающиеся Сахалина 1890-х годов. Но все эти проекты были, во-первых, чересчур масштабны и, во-вторых, дорогостоящи. Многие североведы считали, что начинать надо с малого. Директор Института народов

Севера Ян Алькор (Кошкин), к примеру, полагал, что в качестве первого шага стоило бы по записям Бронислава Пилсудского подготовить томик нивхской лирики. Алькор (Кошкин) лично провёл переговоры с руководством Гослитиздата и с Ратнер-Штернберг, хранившей у себя не только штернбергский архив, но и многие материалы Пилсудского. И все сошлись во мнении, что лучше Крейновича книгу нивхской лирики к печати никто не подготовит.

Позже Крейнович вспоминал: «Необходимо указать, что записи нивхских текстов, произведённые Б.О. Пилсудским, весьма несовершенны в фонетическом отношении. Если записи Л.Я. Штернберга фонетически несовершенны, то записи Б.О. Пилсудского стоят значительно ниже их. К счастью, значительное число песен, записанных Б.О. Пилсудским, имеет переводы на русский язык, которые он сделал на месте с нивхами, знавшими русский язык. Другая же часть материалов, присланных Б.О. Пилсудским, не имеет переводов и так плохо записана, что её, вероятно, уже не удастся восстановить. Передо мной стояла большая работа: восстановление точного глияцкого текста тех песен, которые записал Б.О. Пилсудский. Без точного национального текста невозможно и помышлять о точном переводе песен. Почти целый год я работал со студентом-нивхом Сарратом, обучавшимся в Институте народов Севера в Ленинграде. Очень многое мне удалось с ним восстановить, но работа, к сожалению, по не зависящим от меня причинам оборвалась, и издание лирических песен, записанных Б.О. Пилсудским, не осуществилось.

Должен сообщить, что во время моего почти трёхлетнего пребывания среди нивхов Сахалина старики нивхи нередко спрашивали меня, знаю ли я Пачурлянда, буквально – лицом красивого. Так нивхи называли Пилсудского. Нивх Кавкан из селения Арково говорил мне, что у него есть письма Пилсудского, и я до сих пор не могу простить себе, что я не прочитал этих писем и не скопировал их. В деревне Арково жил старик Чурка, у которого была сестра Вунит. Б.О. Пилсудский говорит о ней в своих записях как о поэтессе. Когда я дошёл до песни, которую она сложила Б.О. Пилсудскому, то Саррат, с которым я восстанавливал точный нивхский текст этой песни, сказал: «Так ведь это моя мать; вот как дошло до меня слово моей матери». (Эти воспоминания Крейновича впервые были опубликованы в 1998 году в «Известиях» Института наследия Бронислава Пилсудского).

Но что же помешало издать книгу нивхской лирики в середине 1930-х годов? Сначала грандиозный скандал устроила Ратнер-Штернберг. В какой-то момент ей показалось, что новое поколение североведов стало отодвигать её мужа куда-то в тень. Хотя это было не так. Она потом и вовсе обвинила Крейновича в воровстве каких-то рукописей Штернберга и плагиате.

На эту историю наложилась ещё и личная драма. Дело в том, что, вернувшись с Сахалина,

Крейнович всё-таки отбил у Морева свою первую любовь – Ноэми Шпринцин. Но счастливого брака уже не получилось. Если я не ошибаюсь, в 1936 году они вновь расстались.

Крейнович всё это сильно переживал: и вздорные обвинения вдовы Штернберга, и разлад в отношениях со Шпринцин. Но он даже не догадывался, что самые страшные удары будут впереди.

Арестовали Крейновича в ночь на 21 мая 1937 года. Против него были использованы показания первого юкагирского писателя Тэки Одулока (Николая Спиридонова). Когда-то Крейнович помог Тэки Одулоку оформить кандидатскую диссертацию. Но вот в благодарность получил обвинения в связях с японской разведкой. Тэки Одулок настаивал на том, что Крейновича в контрреволюционную организацию завербовал лично Алькор (Кошкин). Следователи хотели, чтобы учёный подтвердил факты участия в шпионской деятельности также своих друзей-североведов Нестора Каргера и Захара Чернякова и писателя Николая Чуковского.

Спустя год, уже 5 августа 1938 года, Крейнович в жалобе Генеральному прокурору сообщил: «Меня взяли на допрос и держали на нём 190 часов. Восемь суток я пробыл на допросе без сна и отдыха. Лишение сна и пищи, быть может, не было бы столь тяжёлым, если бы оно не сопровождалось унижением и потрясениями психики, которые были ужаснее всего. На третий день допроса у меня стала кружиться голова. Я стал засыпать. Меня по нескольку раз в сутки стали водить в уборную и там под краном поливать мою голову водой. Голова стала тяжёлой, мысли стали путаться. Крики следователей продолжались беспрерывно, в особенности ночью. На седьмые сутки допроса со мной стало твориться что-то ужасное. Моментами я переставал владеть речью и мыслью. Я начинал говорить, а затем моя речь переходила в бред, в нечленораздельное мычание. Потом в глазах стали проваливаться части стен и на меня из провалов набегала тьма. Это было самое ужасное, что мне пришлось испытать».

Но никакие жалобы помочь уже не могли. Судьба Крейновича была предрешена: ему дали десять лет лагерей с последующим поражением в правах на пять лет.

Родные, когда узнали о приговоре, испытали шок. Испугавшись возможных преследований, старшая сестра учёного – Эсфирь Карасик – собрала весь архив брата сжечь. Но тут в последний момент успела вмешаться Шпринцин. Она все бумаги Крейновича забрала к себе (до этого дав ложные показания на другую ученицу Штернберга – этнографа Нину Гаген-Торн).

После оглашения приговора Крейновича по этапу отправили на Колыму. Он, конечно же, долготяжёлых физических работ не вынес бы. От неминуемой гибели учёного спас один заключённый-венгр. Ну а потом лагерная администрация пристроила его на шестимесячные

фельдшерские курсы, одновременно разрешив ему продолжить изучение языков народов Севера. В общем, днём был лазарет, а вечером после отбоя – занятия с заключёнными аборигенами.

Уже в 1979 году Крейнович вспоминал: «В зиму 1943–1944 года нам пришлось быть на Охотском побережье, в селении Армани [туда Крейновича отправило лагерное начальство. – **В.О.**] Там мы занялись изучением арманского диалекта эвенского языка. Осуществить широкое исследование этого диалекта, описание которого предполагалось отправить академику И.И. Мещанинову, нам в ту зиму не удалось. На основании собранных нами материалов был написан краткий очерк «Арманский (камчатдальский) диалект эвенского языка». В нём был представлен состав фонем, описаны диалектологические соответствия с ороочским диалектом (к которым впоследствии ничего нового добавить не удалось), в очень кратких чертах изложены особенности частей речи, приведены парадигмы склонения и спряжения, в том числе и спряжение вспомогательных глаголов «быть» и «не быть», приложены два текста с переводом и словарик в 500 с лишним слов с лексическими параллелями из ороочского диалекта» («Страны и народы Востока. – Вып. XX. – М., 1978).

Там же, на Колыме, Крейнович в нечеловеческих условиях продолжил свои занятия юкагирским языком и, кроме того, приступил к изучению языка коряков. Позже Александр Солженицын посвятил подвигу учёного несколько строк в своей главной книге «Архипелаг ГУЛАГ». Он подчёркивал: «Если раньше народовольцы становились знаменитыми языковедами благодаря вольной ссылке, то Крейнович сохранился им, несмотря на сталинский лагерь: даже на Колыме он пытался заниматься юкагирским языком».

Отсидев на Колыме почти десять лет, Крейнович летом 1947 года вернулся на Большую землю. Однако в Ленинград его не пустили. Он с огромным трудом смог устроиться лишь в Луге и буквально за несколько месяцев оформил кандидатскую диссертацию об алазейском диалекте юкагирского языка.

На защиту диссертации Крейнович вышел 6 февраля 1948 года. Все североведы были в восторге. И учёному изменила осторожность. Он решил, что самое страшное позади и что пришло время добиваться своей полной реабилитации. Первым, к кому Крейнович обратился за поддержкой, был влиятельный академик Мещанинов. Тот без колебаний сразу же написал обращение в Верховный суд СССР. «Поскольку работы Е.А. Крейновича дважды поступали ко мне на отзыв из МВД, – писал Мещанинов, – я прошу Вас обратить особое внимание на его ходатайство. Он не прерывал работу и в трудовом лагере, где его занятия над языками встретили полную поддержку со стороны администрации лагерей, что дало ему возможность там

же написать серьёзную научную работу. Эта его работа с разрешения Высшей аттестационной комиссии (осведомленной о всех деталях дела) была допущена к защите на учёную степень кандидата филологических наук. Решение о присуждении искомой степени было единогласным. Е.А. Крейнович, как редкий специалист по северным языкам СССР, принадлежит к числу лиц исключительно полезных в области изучения этих языков».

Мещанинов одного не учёл: наступления новых заморозков.

Второй арест последовал 25 декабря 1948 года. Для Крейновича он стал полной неожиданностью. Учёный понял, что новой серии допросов не выдержит, и поэтому в тюрьме попытка вскрыть себе вены. От гибели его спас сокамерник.

После неудачного самоубийства Крайновича сослали на Енисей. Лагерная администрация предложила ему пересдать экзамены на акушера. И учёный-лингвист, не видя для себя другого выхода, вынужден был на это согласиться.

К экзаменам Крейнович готовился вместе со вчерашними выпускниками школ, которые о лагерях знали лишь по чужим рассказам. Он уже прожил 45 лет и такое испытал, что не дай Бог. Его соседям по классу – только восемнадцать, и они ещё, собственно говоря, ничего не видели. В сопоставлении своего и чужого опыта Крейнович пришёл к грустному выводу: «Что она – моя жизнь? Мука и нелепое, наивное подвижничество».

В какой-то момент Крейнович увлёкся литературой. Он всерьёз хотел взяться за роман. Его увлекла тема рождения человека. Но потом интерес к кетскому окружению, видимо, перевесил.

Вновь в Ленинград Крейнович вернулся лишь в 1955 году. Теперь уже никто из академиков особо помогать ему не спешил. Все боялись, вдруг история повторится. Но и совсем без Крейновича академические круги обойтись уже не могли. Кому-то ведь надо было доводить до ума материалы по юкагирам и кетам.

Коллеги, увы, по отношению к Крейновичу оказались жестоки. Они долго под различными предлогами не выпускали учёного на защиту докторской диссертации. Судите сами. Монография «Глагол кетского языка» у Крейновича вышла в 1968 году. Это была, по сути, готовая докторская работа. Однако к защите учёному её разрешили представить лишь через четыре года. Другую книгу – «Исследования и материалы по юкагирскому языку» Крейновича позволили опубликовать и вовсе только в 1982 году (хотя основной её корпус был готов ещё в 1959 году). Ещё сложнее оказалось учёному напечатать свои работы по нивхам.

Кажется, в 1969 году Крейнович, подводя промежуточные итоги своим нивхским исследованиям, заметил: «В общей сложности я прожил среди нивхов четыре года. Когда по ходу работы это представлялось возможным и необхо-

димым, я записывал от нивхов их предания (тылгунд), поскольку они, с моей точки зрения, имеют наибольший интерес для изучения этнографии нивхов. По предварительному подсчёту, мною на сахалинском и амурском диалектах нивхского языка записано: преданий (тылгунд) – 66, сказок (настунд) – 10, песен (лунд) – 5 (в том числе одна шаманская песня), лирических любовных песен – 3, загадок – 30, особых ритмических песенок, напеваемых женщинами во время игры на «музыкальном» бревне в период «медвежьего праздника». Предъявляя очень высокие требования к качеству лингвистического текста, я не мог бы рекомендовать все записанные мною тексты к опубликованию их на нивхском языке. Тексты, записанные мною в первые годы изучения нивхского языка, могут быть опубликованы только в переводе на русский язык».

Примерно тогда же Крейнович выразил желание издать свои словарные материалы по языку нивхов. Однако один из нивхских этнографов прямо сказал учёному, что это возможно лишь при одном условии: если он будет указан как соавтор. Услышав категорический отказ, несостоявшийся соавтор пообещал навсегда закрыть Крейновичу дорогу во все издательства. И это угрозу он ведь выполнил. Единственное, что ему не удалось, – предотвратить в 1973 году выход книги Крейновича «Нивхы (загадочные обитатели Сахалина и Амура)», которую учёный написал, во многом отталкиваясь от своих дневниковых записей за 1926–1928 годы (в 2001 году эта книга была переиздана на Сахалине).

Я уже говорил о том, каким подозрительным был Крейнович в последние десятилетия своей жизни. Судьба так поломала его, что он стал мало кому доверять. Единственным исключением оказалась Галина Александровна Разумникова, специалист по словарям русского языка. Они поженились в 1965 году. Только она понимала учёного, всё от него выносила и всё ему прощала.

В 1983 году Крейнович перенёс первую операцию. Вскоре после этого он решил перебраться в дом ветеранов в Пушкине. Умер учёный 20 марта 1985 года.

С грустью должен заметить, что в последующем нивховедение так и не выдвинуло ни одного учёного, равного по масштабу своего дарования таким китам, как Бронислав Пилсудский, Лев Штернберг или Ерухим Крейнович.

Вячеслав Вячеславович Огрызко родился в 1960 году в Москве. В 1984 году окончил исторический факультет Московского педагогического института имени В.И. Ленина. Автор двухтомного библиографического справочника «Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока», биографического словаря «Североведы России», книг о творчестве хантыйского писателя Еремея Айпина и чукотской поэтессы Антонины Кымытваль, историко-литературного исследования «Песни афганского похода», других работ. В 2001 году основал серию книг, посвящённых литературам малочисленных народов Севера и Дальнего Востока. В 2004 году стал главным редактором газеты «Литературная Россия».

ство и был убеждён в том, что и куропатка, и белка так же понимают и его, немолодого саама, и так же ему доверяют. Когда он накидывал аркан на шею избранного к закланью оленя, он улыбался и не верил, что упирающийся олень не хочет стать радостью для его семьи. Олень упирается точно так же, как толкает в грудь, упирается девушка, хотя хочет того же, чего хочет и сам весёлый Сальма Нестерович. Он смеялся, когда стискивал в своих объятиях девушку, и смеялся, когда выбирал в стаде хорошего зрелого быка для домашнего пира.

– Не сердись, большой начальник, – сказал подследственный Курёхин через полтора часа допроса. Он чуть склонил к плечу голову, торчащую из круглого мехового воротника, как из спасательного круга, сощурил свои и без того узкие глазки и с хитрецей улыбнулся. – Отдай мне винтовку, и я пойду домой. Погода плохой. Охота не будет.

Воротник печока был из шкуры росомахи, на ней не оседает иней. Реденькая, как у всех старых саамов, борода подследственного смешивалась с меховым ворсом воротника. Садога, а тем более лысого саама не встретишь, а проседь, если и пробивается в волосах, так только после пятидесяти.

И если бы у Сальмы Нестеровича не просвечивала забывшим растаять мелким снегом редкая проседь на висках, его и вовсе можно было бы за малый рост и простодушную улыбку принять за подростка.

Голова у подследственного была идеальной круглой формы, что говорило о немалом родительском искусстве. Стало быть, вскоре после рождения вовремя надели на голову новорождённого кожаную округлую, плотную, как купальная шапочка, капку с красным тампоном. Девочкам полагался тампон синий или голубой. Круглая голова, вопервых, это красиво, во-вторых, быстрее зарастает на голове младенца родничок, мес-

то уязвимое. Хорошая вещь капка: и гигиенично, и безопасно, и быстрее ходить ребёнок начинает, уже в два года. И вообще саамы долихоцефальную форму лица считают уродливой, иное дело брахицефальная, и не то чтобы она достигалась какими-то насильственными средствами, нет, капка и добрые, нежные руки родителей во время купания ребёнка лишь помогли природе.

Весь подследственный так был упакован в оленьи и ещё чёрт знает какие шкуры, что бить его можно было хоть оглоблей и ничего не выбить. Можно было выбить зубы, но смеющийся рот смотрел на Ивана Михайловича какими-то остатками редких полугнилых пеньков, да и обветренное, изрезанное морщинами округлое лицо, то ли прокоптившееся в дымной тупе, то ли не потерявшее загара за зиму, казалось выкованным из меди.

Тут любой на месте Ивана Михайловича не выдержал бы, не выдержал и Иван Михайлович. Он достал наган и дважды грохнул рукояткой по столу, да так, что с двухтумбового письменного стола со светлой столешницей, крытой в середине чёрным дерматином, чуть не слетел массивный чернильный прибор из яшмы, в своё время конфискованный его предшественником у ижемца купца Терентьева. Чернильным прибором был купчина вознаграждён от епархиального управления, посылно упреждавшего воздаяние небесное, за то, что Терентьев заготовил и доставил четыреста брёвен на строительство новой церкви, когда Богоявленская в Ловозере сгорела.

Ни один мускул не дрогнул на обожжённом морозом и помятом ветрами лице Сальмы Нестеровича, впрочем, выражение лица было не столько удивлённое, сколько выжидательное.

«Зачем наган стучал? – спрашивал себя подследственный, уставившись узенькими глаз-

ками в лицо следователя. – Зачем слова не говорил? Медведя понимал. Белку понимал. Начальника не понимал». Сальма Нестерович был полон желания помочь сердитому начальнику и не знал, как это сделать.

Иван Михайлович обычно после ударов наганом по столу приходил в такой азарт, что переход к «особым методам дознания» был лёгким и естественным. Но что-то сдерживало его порыв. И он знал, это «что-то». Он видел, видел устремлённый на него взгляд. В нём не было той уверенности разного рода начальников, которых приходилось обламывать на допросе. Не было ни злобы, ни страха, ни тупой безнадёжности, предвестника скорого и благополучного конца допроса...

«Да может ли этого чурбака что-нибудь напугать?!»

В узких щёлках глаз, в лёгком наклоне головы, в сосредоточенности и внимании было столько участия... Вместо страха – внимание, вместо желания спастись – сочувствие. И без тени укора. Да, Ивану Михайловичу случалось, и не раз, слышать от поднимающегося с пола подследственного жалкие слова: «Что же вы делаете?»

А ведь именно этот вопрос больше всего и занимал Сельму Нестеровича, но не в плане укоризны, а в самом прямом. За долгую жизнь он встречал разных людей, и знакомство начиналось с ответа на вопрос: «Что делаешь?» Рыбак. Понятно. Охотник. Понятно. Врач. Продавец. Милиционер, тоже понятно. Начальник в исполкоме говорит «можно», говорит «нельзя». Понятно. «Что делает сердитый начальник? Непонятно...»

– А медведи у вас есть? – неожиданно для самого себя спросил Иван Михайлович, убирая со стола наган.

– Хорошо у нас медведю. Много медведя у нас есть, – Сальма Нестерович наконец-то понял, чего от него добивался сердитый начальник. –

И в лесу хорошо, и у реки медведю совсем хорошо. Сига, кумжу кушает.

– А сам встречал? – с неподдельным любопытством, даже на минуту забыв о служебном долге, спросил младший лейтенант госбезопасности.

– Сам встречал. Много встречал. Летом прошлым встречал.

– Где?

– На реке встречал. Воронью переплывал, а он навстречу. И он переплывал, надо ему было.

– Далеко?

– Не так далеко, как до тебя. Чуть веслом его не ударил.

– А он что?

– Он видит, я встал, поклонился. Он меня не тронул. Нельзя медведя обижать. На воде обидишь, он тебе и на карбас бросится, и не посмотрит.

– А если бросился, что делать? – младший лейтенант живо представил себе мохнатую лапу вздыбившегося из воды зверя, уцепившегося за борт лодки и ощерившегося смрадной пастью. На всякий случай надо знать, как действовать.

– В воду прыгаем, за лодкой прячемся. Покружится, покружится, да надоеет, и уйдёт... А если в лесу издали видим, ловим его, петлю на башку ему бросаем... Давим его... – Сальма Нестерович вопросительно посмотрел на начальника, уверенный в том, что наконец-то смог удовлетворить его любопытство.

Кабинет уполномоченного Михайлова, несмотря на небольшой размер, оставлял впечатление пустынного. Два стула, стол, шкаф железный, крашенный, и портрет Михаила Ивановича Калинина. Кабинетик в общем опрятный и деловой.

Со стены на подследственного добрыми глазами через стёкла простых очков смотрел старенький человек с острой бородой, в рубашке с косым воротом, какие носят русские мастеровые. Намётанный глаз охотника мог

приметить, что рама была в двух местах сильно побита, а явные повреждения были только закраснены.

К этому портрету Михаила Ивановича Калинина хозяин кабинета относился как к одному из знаков своей доблести.

В Ловозеро время от времени наведывались кооператоры и агенты Госторга. Приезжали они для закупки пушнины и мяса, а привозили всевозможные продукты питания и хороший, как правило, подбор одежды. Напившийся до потери разума и политического сознания заготовитель Госторга Степан Васильевич Лыбко, не раз уже спотыкавшийся на своей работе, снял в конторе кооператива со стены портрет всесоюзного старосты, прибил гвоздями к деревянной снеговой лопате и вышел на улицу, шатаясь и вы-

держал государственного корабейника, передал его дежурному по милиции, а портрет взял себе в кабинет, чтобы не чувствовать себя там одиноко. Как ни был пьян поклонник Михаила Ивановича Калинина, а гвоздями изображение дорогого руководителя не повредил, так что уцелел и портрет, и Лыбко, щедро отблагодаривший Ивана Михайловича за проявленное к нему снисхождение и понижение всей сложности работы заготовителя в заполярной глубинке, вдали от родного очага.

Бубен пританцовывающего и припадающего с одной ноги на другую нойда был для саама Курёхина куда понятнее, чем слова сердитого начальника в военной гимнастёрке без погон. У шамана нойда тоже была подвеска-

Вежа ловозерских саамов на берегу Ловозера

криквая что-то по форме нечленораздельное, но по содержанию праздничное. Это было через месяц после вступления Ивана Михайловича в должность в райцентре Ловозеро. Всё ему было внове, особенно его почему-то удивляли олени рога, прибитые на конёк крыш вросших в землю дворовых амбаров. Обида от скромного назначения немного утихла, а ожесточение ещё не набрало силы. Иван Михайлович лично за-

звезда, но Сальма Нестерович знал, для чего она. Она может освещать путь, если вдруг нойда попадёт в Нижний мир, без этой звезды в Верхний мир не подняться. У сердитого начальника тоже была звезда, над карманом военной рубахи. Углы звезды были пунцовыми, словно налитыми брусничным соком, очень красивая звезда, но куда она ведёт или откуда может вывести, подследственный Курёхин не знал, но был уверен,

что сердитый начальник об этом знает точно. Хотел спросить, улыбался и выжидал подходящий момент.

Старый саам знал много, он знал, как найти под Полярной звездой вход в Верхний мир, знал, что туда можно попасть через дым очага и с помощью духа птицы, знал, где живёт священный олень Мяндаша, но, как ни силился, не мог понять, где, в каком стане обитают «постанцы», о которых говорит военный человек-начальник.

Единственное, что понял старик из сказанного военным начальником, рассмешило его до слёз. Кто-то сказал начальнику, что он, Курёхин, Сальма Нестерович, саам из становища Воронье, хотел поджечь тундру, сжечь ягель и уморить всех оленей с голоду. Он хохотал, покачивая головой, приоткрывал слезящиеся от смеха глаза и видел хотя и сердитое, но чуть растерянное лицо начальника, видимо, понимающего, что ошибочно сказал что-то смешное.

– Ноо!.. Тундра мокрый, – отсмеявшись и вытерев меховым рукавом своего печока лицо, сказал подследственный Курёхин. – Вода как горит? Не горит вода? Ноо!.. Йиммель-айа не может поджечь тундру.

Саамы любят вставлять это универсальное и уже бессмысленное «ноо» в любую фразу, как в наше время стало модным заключать в разговоре чуть не каждую фразу бессмысленным вопросительным «Да?», наследие какого-то адвокатишки из «Жизни Клима Самгина». А вот кто занёс это бессмысленное «ноо» в чистую речь саамов, едва ли удастся установить. В этом словечке и удивление, и восхищение, и недоумение, и предварение возражения, и всё что угодно, вроде новомодных «блин!», «вау!» или старомодного «Ну ты даёшь!».

И снова не поняли друг друга деловой следователь и легкомысленный подследственный. Уполномоченный госбезопасности поставил рядом

тундру и ягель в явном намерении усугубить обвинение, а получилось наоборот. Услышав о намерении поджечь тундру, саам рассмеялся. Если бы сказано было только про ягель, то ему было бы не до смеха. Ягель, как известно, растёт на сухих возвышенных местах, хоть и в лесу, хоть на горах, хоть на ровном месте. А раз место сухое, почему бы и не поджечь? А как поджечь тундру?

Ну что ж, были, были ошибки и в работе даже более опытных сотрудников, а Иван Михайлович, вот вам наглядный пример, работал без должного разумения. Ну да бог ему судья.

– Иммель-айа? – переспросил младший лейтенант Михайлов, пододвинул лист бумаги и сделал карандашом заметку. – Где живёт?

Старик знал, что Йиммель-айа живёт на Седьмом, Медовом, небе, знал, что попасть туда можно только пройдя через небеса сначала Голубичное, потом Ресничное, после уже Вересковое, затем Заячье, Морошковое и Аметистовое, а там уже будет и Медовое. Он знал, что Йиммель-айа повелевает всеми другими божествами, Воздушными, Огненными, Земными, Водными, Домашними и Зверинными. Он повелевает всеми и ни перед кем не держит ответа, он гордый, он знает все тайны, но даже Йиммель-айа не может поджечь тундру. Неужели о том, что знают все малые дети на любом становище, в любом селении, не знает такой большой начальник, украсивший себя звездой?

Курёхин не мог объяснить начальнику то, что впитал с молоком матери и мясом оленя. Он чувствовал этот родной во всех своих подробностях и неожиданностях мир своей просторной душой, не обременённой ни завистью, ни жаждой иной жизни. Он вбирал, как живое, требующее понимания и сочувствия, всё, что окружало его, – озёра, реки, камни, ягель, лес, горы, вараки, всё, что на земле, и всё,

что посылает небо. В его вере, в вере его предков, мир Верхний, потусторонний, был не где-то, в недосыгаемой дали, его граница проходила рядом, и по неосторожности её можно было перешагнуть, не управившись с карбасом на порогах, оступившись на краю скалистой расщелины, уснув застигнутым пургой в тундре. Тогда ты уйдёшь на Второе небо, где живут альмопынч, «небесные люди», небожители – если по-нашему. А боги жили в камнях, и эти камни назывались сайды. Если рядом с сайдой шуметь, если позволить себе быть непочтительным, бог покинет свой дом и оставит тебе лишь холодный бездушный камень, с которым уже не поговоришь о жизни и ни о чём его не попросишь. Боги жили в озёрах и реках и по доброте своей дарили благодарных саамов рыбой, а тундра зверем. Но святые озёра надо беречь и протоки, ведущие к ним, по нынешним временам как можно лучше прятать...

– Повторяю вопрос? Где живёт этот Йемель? – взглянув в бумажку, грозно произнёс младший лейтенант госбезопасности.

«Где я, там и он», – мог бы сказать старик, но здраво рассудил, что начальник его не поймёт. Сердитому человеку какой толк рассказывать, как Йиммель-айа не раз спасал саама во время пурги, которая заставала его в тундре. Подняв нарты и уложив оленей, он делал для себя укрытие от летящего снега, это просто, но главное, было не уснуть. И тогда Курёхин призывал Йиммель-айа, чтобы он ему пел и не давал заснуть. Йиммель-айа любит, чтобы с ним пели вместе, и Курёхин пел, пел, не позволяя себе ни прервать песню, ни уснуть, чтобы не рассердить своего строгого покровителя. У Йиммель-айа долгие песни, можно петь и целый день, и два дня, – всё время, пока метёт пурга. О чём поёт саам в пургу? Он поёт о том, что пурга застигла его в дороге, о том, что он ехал по важному

делу, о том, что когда-нибудь пурга кончится и он поедет дальше. Йиммель-айа особенно любил, когда ему пели о его детях. И Курёхин пел о сыне Йиммель-айи, о Радиен-атче. Радиен-атче добрый, но о нём мало что знают, у него даже нет лица. И вовсе не случайно. У добра лицо того, кто творит добро.

Радиен-атче научил саамов высокой радости делать подарки. Когда они дарили друг другу по сто, по двести оленей, они не делались беднее, они становились богаче душой. Что может быть в жизни лучше подарка! Ты подарил, и тебе подарят. Но вот пришли новые люди, новые времена. Саам дарил оленей, дарил уже и последних, разорялся, но ждал и верил, что добрых людей не стало в мире меньше. Нищенствовал вместе с семьёй, но и на мгновение не сомневался, что всё делал и жил правильно.

Радиен-акка – жена доброго Радиен-атче. Богиня-мать. Её дело важнее многих, она творит души новорождённых детей и зверей. И у людей и зверей одни боги, дарующие жизнь. Курёхин пел про Радиен-акку так, словно она действительно была его матерью, которую он не помнил: она утонула в озере, охотясь весной на тюленя, когда ему было четыре года и он только-только начал ходить. У Радиен-атче и Радиен-акки есть дети. Сын и дочь. Радиен-киедде, Бог-сын, любимый бог Курёхина, о нём он много знал и любил петь долго. Зона ответственности Радиен-киедде обширна, это весь земной мир, он следит, чтобы в тундре было достаточно ягеля, ягод, зверя, чтобы жизнь на земле не угасла. Рана-нийта – Богиня-дочь, небесная дева, дарующая весну. Она украшает землю первой зеленью и травами, она украшает пригретые солнцем верхушки гор и безветренные укромности первыми цветами. Именно ей доверено судить умерших, кому быть в Верхнем мире, кому сгинуть в Нижнем... У

какого ещё народа Последний Суд отдан в нежные руки весенней девы?

– Высоко живёт, – загадочно улыбнулся Курёхин, услышав вопрос военного человека, – на Медовом небе живёт. Ты людям начальник. Он всем богам начальник.

От радости посвящения нового человека в свою жизнь и веру старик рассмеялся.

«Дикари. Вот и имей с ними серьёзное дело!» – сдержал вздох и резко отодвинул от себя пустые листы протокола распаренный, уставший от этого так по существу и не начавшегося допроса Иван Михайлович.

Начальник сердился, и Курёхин Сальма Нестерович с привычной готовностью хотел ему помочь, но не мог понять, как это сделать.

Курёхин поёрзал на тяжёлом табурете, служившем Ивану Михайловичу средством вразумления непонятливых собеседников, и снова замер, положив на колени, упрямые в высокие сапоги-тобурки, узловатые кисти рук, знающие вечный труд бедности. Он прислушался и угадал за окном подвывание Цяки – собачонки, увязавшейся за ним из Вороньей. Вот уже какой день она никуда далеко не уходила от милиции, демонстрируя несомненную готовность разделить судьбу хозяина.

И вот таких, как этот Курёхин, у Ивана Михайловича набралось шесть душ.

Бился с ними три недели, а потом плюнул, время стало поджимать, порвал заготовленные протоколы и выгнал их к чёртовой матери, лишь пожалев о напрасно потраченных немалых усилиях.

Так ведь Курёхин, Сальма Нестерович, ещё и уходить не хотел, всё пытался понять, зачем его так долго держали в душном, но тёплом, по сравнению не только с его летней вежей, но и зимним тупом помещении. Кормили негусто, но бесплатно, кормили рыбой, кашей, давали настоя-

щий печёный хлеб и не загружали никакой работой. Не считая же работой расчистку снега вокруг милиции. Двойная решётка на окне и какая-никакая охрана напоминала загон, напоминала клетку, но Сальма Нестерович за последние годы отчасти и привык к тому, что не всё понимает в новой жизни, но пока что ничего худого от новой власти не видел. Да и власть была представлена в большинстве своём знакомыми лицами.

Имея девять человек детей, Сальма Нестерович, надо думать, хотел им по возвращении в свою тупу в становище на реке Вороньей рассказать, по какому важному государственному делу он был приглашён и чем он занимался вдали от семьи. К общему огорчению, рассказывать особенно было не о чем. «Начальника огорчал. Начальник сильно сердился. Постановчески говорил. А чего постановчески, не говорил, – Сальма Нестерович обнял прижавшихся к нему малышей. – Учиться надо. Будете учиться, будете начальника понимать. Начальник не будет сердиться».

Когда Иван Михайлович увидел, как катастрофически тают ряды заговорщиков и повстанцев, он после долгой бессонной ночи нашёл выход, который особенно-то и искать не надо, за плечами был, как-никак, серьёзный опыт.

Теперь, задавая вопросы, он писал в протоколе всё, что нужно было для сурового обвинения, а зачитывал подследственным, не умевшим не то что разобрать его почерк, но и заголовки-то в газете с трудом читавшим, как бы те показания, которые они давали ему в ходе допроса. Выслушав зачитанное, подследственные, кто как умел, скрепляли листы допроса своими подписями-закорючками, после чего они приобретали непреклонную юридическую силу.

Забуксовавшее было следствие, едва не сорвавшее рас-

крытие Саамского заговора, пошло как по смазанному ворванью горбылям.

Суд Особого Совещания, в конце концов, тем и хорош, что на нём судебного следствия не проводят и прения сторон не допускаются.

Теперь уже, когда отступать было некуда, измученный бессмысленным запирательством, потеряв наконец всяческое терпение, Иван Михайлович часа через полтора откладывал перо и бумагу, вставал из-за стола, одёргивал гимнастёрку, словно хотел представиться в лучшем виде, подходил к такому непонятливому и резко и неожиданно бил в ухо. Собеседник летел на пол. У Ивана Михайловича в доверительных разговорах

с коллегами этот следственный приём назывался «ошеломудить».

Не дав собеседнику подняться, Иван Михайлович обрушивал на него табурет, углы из толстых плах на славу сколоченного сиденья производили сильное впечатление.

Табурет в руках Ивана Михайловича именно в Ловозере неоднократно применялся как последний аргумент, в желании наконец склонить несговорчивых к даче правдивых чистосердечных показаний. Да и держать и размахивать увесистым табуретом, ухватившись за нижние поперечинки, скрепляющие толстенькие четырёхгранные ножки, было вполне удобно. Углы табурета прошибали даже малицы и зимние, шитые

мехом наружу печоки, прикрытые сверху от ветра парусиновой накидкой с дыркой для головы и рук.

Интересно, что некоторая плюгавость Ивана Михайловича, о которой он забывал только в минуты беспощадной борьбы с врагами, вынуждала его пользоваться одинаковыми приёмами как на путях получения чистосердечных признаний на службе, так и в ситуациях прямо противоположных, когда приходилось добиваться расположения граждан женского пола во внеслужебной обстановке. И в одном и в другом случае нужно было лишиться своего собеседника или собеседницу превосходства в росте.

Приглашая к себе домой предмет своих надежд – а женщины ему нравились рослые – Иван Михайлович тут же старался драгоценную гостью усадить, и по возможности пониже. Тогда, расхаживая вокруг неё да около, он лишал её возможности смотреть на него сверху вниз во всех смыслах. А когда дело переходило, как говорится, в партер, здесь рост уже не имел никакого значения.

Кстати, надо заметить, что в Ловозере, как раз среди ижемцев и саамов, Иван Михайлович смотрелся очень неплохо. Средний рост мужского населения среди саамов невелик, сто пятьдесят – сто пятьдесят пять сантиметров, женщины и того ниже. Иван же Михайлович достиг к своим тридцати шести годам уже ста шестидесяти трёх сантиметров, полных тридцати семи вершков. Так что чувствовал себя во всех отношениях старшим рядом с этими, не сравнивающимися с цивилизованными народами детьми природы.

г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Михаил Николаевич Кураев родился в 1939 году в семье гидростроителя. В 1961 году окончил театроведческий факультет Ленинградского театрального института. В 1987 году опубликовал в «Новом мире» повесть «Капитан Дикштейн». В постсоветское время написал бесчисленное количество сценариев для популярных кино- и телесериалов.

Рис. Николая Фомина

КАК ТУНГУСА ЗАПИСАЛИ В КОНТРУ

Этот трагикомичный случай произошёл в сороковые годы прошлого века в тунгусском посёлке Чиринда. Где-то далеко-далеко гремела война, а здесь, на границе тунгусской тайги и лесотундры, шла тихая размеренная жизнь. Эвенки месяцами пропадали в заснеженных лесах, на реках и озёрах, добывая для нужд фронта пушнину, мясо дикого северного оленя, рыбу. Изредка появляясь в посёлке, чтобы сдать трофеи и запастись необходимыми припасами для дальнейшего автономного существования в своих стойбищах и зимовьях, они тут же попадали в сферу массово-политического воздействия на их умы. Работу эту вели немногочисленные местные, а порой и заезжие агитаторы, пропагандисты, прочие политкультурмассовые работники.

Обычно население собирали в «красном чуме» (сиречь «красном уголке»), читали ему здесь сводки Совинформбюро, лекции, политинформации. «Красный чум» в Чиринде специального помещения не имел. Его разместили в

бывшей церкви. Она была построена для обращённых в христианство тунгусов незадолго до революции из листовенных брёвен, которым, как известно, практически нет износу, и представляла собой ещё довольно прочное и просторное помещение. Заведующим «красным чумом» назначили деятеля из местных кадров с распространённой здесь фамилией (ну, скажем, Ёлдогир) и несколькими классами образования. Впрочем, недостаток образования у Ёлдогира с лихвой компенсировался рвением и святой верой в неизбежную победу социализма, а там и коммунизма.

И вот накануне очередной, не то 25-й, не то 26-й годовщины Великого Октября, в октябре в Чиринду из Туры пришла радиограмма с распоряжением как можно лучше украсить «красный чум» всеми имеющимися средствами наглядной агитации, так как на празднование 7 ноября сюда первым же оленьим обозом прибудет инструктор крайкома партии в сопровождении секретаря окружкома.

Парторг прочитал эту радиogramму «красночумовцу» Ёлдогиру и с лёгким сердцем отправился с объездом близлежащие стойбища и зимовья с целью вытащить на торжественный митинг как можно больше промысловиков. Ёлдогир же с присущим ему рвением принялся украшать «красный чум» всеми имеющимися ресурсами. И

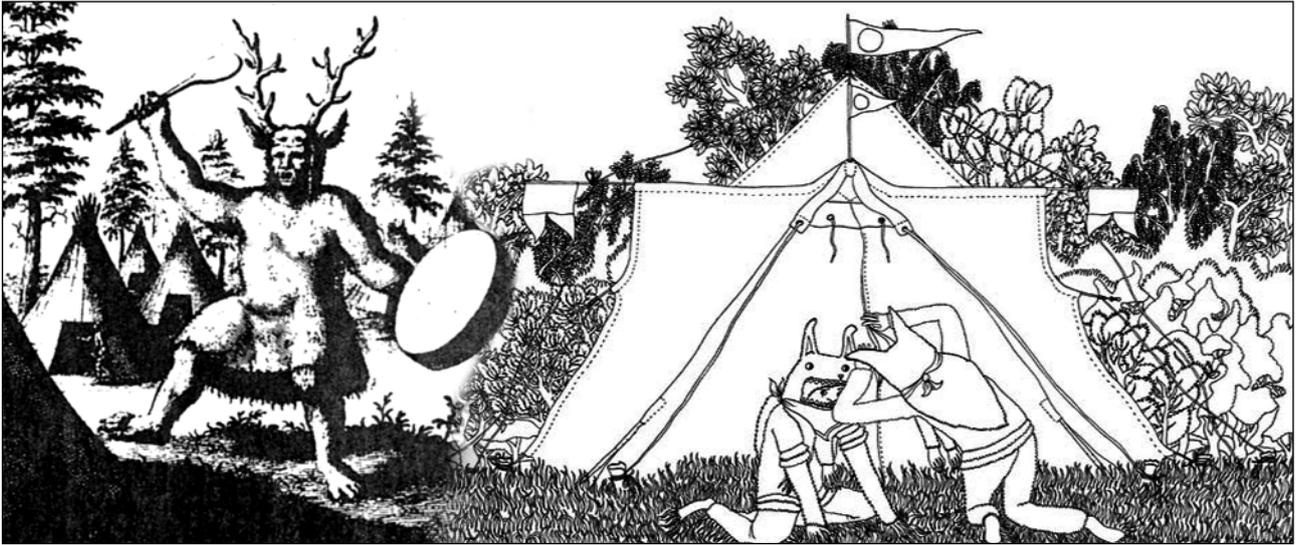
– Которую? Вот эту? В чулане нашёл, – весело сказал Ёлдогир. – Там ещё много чего лежит. Только уже некуда вешать!

– Это тебя надо повесить! – заревел секретарь. – Ты хоть знаешь, кто это?

– Я думал, самый большой начальник, однако, – простодушно, и в то же время уже испуганно сказал Ёлдо-

из местных князьков) была просто собрана и спрятана в один из закутков церкви.

Десятилетия назад, когда портрет Николая II законно висел на своём месте, будущий «красночумовец» Ёлдогир был ещё маленький и не видел его. А когда заканчивал «четырёхлетку», там портретов царя «не проходили». Так что ничего удивительного в

когда 6 ноября в Чиринду втянулся, весь заснеженный, оленный обоз из Туры, Ёлдогир, приплясывая от нетерпения, потащил за рукав изысшего и смертельно уставшего секретаря окружкома в «красный чум»: «Пойдём, бойе, там тепло и очень красиво! Всё сделал, однако, как ты велел!»

– Хорошо, хорошо! – благосклонно кивал постепенно оттаивающий секретарь, осматривая разукрашенные стены. – Молодец, постарался.

Но, подойдя ближе к сцене, впился глазами в самый яркий и большой портрет в золочёной раме, по бокам которого пристроились красочные картины поменьше и вовсе невзрачные картонки с фотографиями партийных вождей типа Ленина, Сталина, Маркса, и стал медленно наливать краской.

– Ты где это взял, контра?! – наконец прохрипел секретарь, тыча пальцем в центр композиции.

гир. – Вона какой красивый, медалей много. Тяжёлый, еле еле прибил к стене.

Секретарь и крайкомовский инструктор, похоже, окончательно лишились дара речи и молча пучили глаза на портрет «самого большого начальника» и его окружение. На них во всём своём великолепии отечески взирал император Всея Руси Николай II, рядом с которым пристроились ещё какие-то царедворцы, золочёные церковные образа, непонятно как уцелевшие в этой глуши и теперь вот торжественно водруженные на стены «красного чума» в честь приближающейся годовщины Великого Октября...

Спрашивается, откуда всё это здесь взялось? Когда на тунгусскую землю пришла советская власть, она устанавливалась здесь мягко, практически бесконфликтно. И вся присутствующая в Чиринде атрибутика царского времени (здесь нёс свою службу волостной старшина

том, что простодушный культработник принял императора за большого начальника и повесил его на главное место в «красном чуме», не было.

Но это для нас с вами. А вот руководство Эвенкии того времени так не считало. И вlepило Ёлдогиру строгий выговор с формулировкой «За политическую безграмотность и близорукость». Оказывается, он к тому же ещё был и партийным! И это было ещё одним чудом: в любом другом месте СССР любого другого места партийного культработника за такое преступное простодушие просто бы сгноили в лагерях, а то и расстреляли. А Ёлдогир вот отделался выговором, что лишний раз свидетельствовало о бережном отношении советской власти к малочисленным коренным народам Севера...

Марат ВАЛЕЕВ

ТУРА,
Эвенкия

СЖАЗНИТЕЛЬ ПОСА

Кто-то родился великим. А кто-то вырос. Вырастил себя. О величии, впрочем, не думает, знай, дело своё делает. Одно, другое, всё вроде по обыденке, и ничто великого не предвещает. Но вдруг позовут в Москву, не куда-нибудь, а в «Президент-отель» рядом с Кремлём, и вручат премию: ещё не Нобелевскую, но уже Ершовскую.

Может быть, у знаменитого ершовского «Конька-Горбунка» серьёзные, не просто сибирские, а хантыйские корни. Но на хантыйский язык знаменитую сказку не переводили. Геннадий Кельчин обиделся и перевёл. Обидно стало: за родной народ, за родной язык. За то, что хантыйские сказания так пока и не сложились в великий се-

верный эпос. Никто не удосужился.

Может быть, перевод «Конька» – предисловие, репетиция. Дальше пойдёт и эпос. От Геннадия можно ждать чего угодно. Ведь не ждали. Он поэтом себя не проявлял, а если переводил – то суровую газетную и радиопрозу с русского на хантыйский.

На жизнь главный редактор «Лух Авт» Геннадий Павлович Кельчин зарабатывает газетой. Но газета не вся его жизнь. Может быть, сегодня он уже вырос до масштаба культурного лидера своего народа на Ямале.

Сегодня Геннадия Кельчина решил с пристрастием допросить руководитель телекомпании «Тюмень-регион» прозаик Анатолий Омельчук.

Омельчук: Геннадий Павлович, замечательную газету «Лух Авт» читает весь хантыйский мир Сибири или только Ямала?

Кельчин: Газету «Лух Авт» читают во всём финно-угорском мире. Нынче на втором полугодии 2009 года мы вышли на тираж 564 экземпляра.

Омельчук: У Вас штучные читатели, их ровно 564?

Кельчин: Так подписались.

Омельчук: В Хельсинки, в Будапешт, в Берлин газету отправляете?

Кельчин: Приезжают венгры, эстонцы, немцы, приходят к нам в редакцию, мы собираем для них подшивки, они берут. Недавно приезжала экспедиция – три венгра исследуют состояние диалектов хантыйского языка. У хантов много диалектов: буквально

но 100 вёрст проехал, и уже немножко другой.

Омельчук: А сам на каком говоришь – на основном наречии?

Кельчин: Если я главный редактор единственной газеты, мой язык, конечно, главный. Я говорю на шурышкарском диалекте.

Омельчук: «Лух Авт» выходит на литературном хантыйском?

Кельчин: Ямальские ханты жмутся к Оби-кормилице компактно, живут в двух районах: Шурышкарском и Приуральском. Около 2-х тысяч в Приуральском районе – приуральский диалект, более четырёх тысяч – в Шурышкарском.

Омельчук: Интересно, васюганские ханты в Томской области газетой «Лух Авт» интересуются или забыли родное слово?

Кельчин: Я думаю, во время переписи их случайно записали хантами. Мы их язык не понимаем. Может, они эвенки?

Омельчук: Переведём, Геннадий Павлович, название «Лух Авт»?

Кельчин: «Лух Авт» обозначает «Мыс богов», географически это Ангалский мыс в Салехарде, наш памятник духовной культуры.

Омельчук: Культовое место?

Кельчин: Нет. Есть легенда об Ангалском мысе, настоящий литературный памятник исторической ценности, как, к примеру, «Слово о полку Игореве».

Омельчук: Национальная святыня?

Кельчин: Святыня. В любом языке есть своё «Слово». Это слово, как я считаю, о Боге. В честь священного слова, в

честь священного мыса Богов, которых мы почитаем, мы и назвали газету «Лух Авт». Мы относимся свято к природе, свято относимся к своим предкам, также свято относимся и к слову.

Омельчук: 564 читателя... А сколько хантыйских журналов делают «Лух Авт»?

Кельчин: Ой, е-е-ей...

Омельчук: Много?

Кельчин: Совсем немного, четыре человека. Раньше было 5, но объединили три газеты: ненецкую, хантыйскую и русский «Красный Север». С одной стороны, это хорошо, одна бухгалтерия, общая техническая база. Общее трёх газет – отдел распространения и рекламы. Наша голова болит о том, чтобы написать, сверстать, отмакетировать и сдать на печать в типографию.

Омельчук: О чём пишет «Лух Авт»?

Кельчин: Предназначение газеты в наших условиях – сохранить язык, чтобы народ ханты читал на родном языке. Мы в политику не ввязываемся, просто констатируем жизнь.

Геннадий КЕЛЬЧИН

Вот живут ханты, что у них плохо, что у них хорошо.

Омельчук: Газета о жизни?

Кельчин: О жизни. Мы печатаем её 12-м кеглем, специально. Обычно 9-й. У нас крупный шрифт.

Омельчук: Зоркий глаз охотника мелкий кегль не прочтёт?

Кельчин: Долгое время у хантов не было возможности читать и изучать хантыйский язык, сейчас возможность появилась. Мы пишем кириллицей, обозначение звуков хантыйских слов русскими буквами. Большой кегль легче читать.

Омельчук: За своих 564 читателя ручаешься – читают?

Кельчин: Нет, не ручаюсь.

Омельчук: Некоторые на раскрутку?

Кельчин: Понятно, в тайге не всегда на самокрутку бумага найдётся. Сейчас главная проблема – сохранение языка. У нас до сих пор нет общей грамматики. Диалектов много, каждый пишет по-своему...

Омельчук: Ханты – разрозненный народ?

Кельчин: Искусственно, административно разорванный. Может, не мешало бы объединить.

Омельчук: Опасная мысль!

Кельчин: Это не моя мысль, давно будируется.

Омельчук: «Лух Авт» – главный учитель родного слова?

Кельчин: В Салехарде, в Ханты-Мансийске есть телевидение, есть радио на хантыйском языке, но объединяющие законы, наверно, будет устанавливать всё-таки газета.

Омельчук: Слово в эфире – воробей, вылетело и улетело?

Кельчин: А что написано пером, не вырубишь даже хантыским топором

Омельчук: Есть в родном Шурышкарском, в Приураль-

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

ском районе хорошие учителя родного слова?

Кельчин: Сейчас в школах хантыйский язык изучают факультативно. Что интересно, не только хантыскоязычные ученики изучают, но и желающие изучать: наши ямальские коми-зыряне, ненцы, к примеру, русские. Я недавно разговаривал с Валентиной Петровной Лангоровой, она в лесной школе хантыйский преподаёт. И ненцы, и коми, и русские садятся за одну парту. Она разработала новую методику изучения языка. В смешанных семьях даже ребятишки не знают материнского языка, уже в школе, как иностранный, изучают родной язык.

Омельчук: Не жалеешь, что ушёл с радио? К вопросу: слово – воробей?

Кельчин: Не жалею. Когда создавалась газета, у меня уже был опыт работы с Хабечей Юнгадом. Он меня «натаскал» по газете. Когда создавалась хантыйская газета, ко мне обратились: Геннадий Павлович, надо газету создать. Я без всякого согласился. У меня с радио две попытки, а в общем отрубил в эфире 12 лет.

Омельчук: Все ханты Ямала знали голос Геннадия Кельчина?

Кельчин: Мне земляки прозвище дали – «радиоГена».

Омельчук: Кто, кстати, учителя в журналистике?

Кельчин: Прокопий Ермолаевич Салтыков – ныне покойный, Леонтий Тарагупта. У Леонтия Антоновича в ГТРК «Ямал» – художественная телестудия на хантыйском языке.

Омельчук: Все журналисты мира переживают, что время или Интернет обязательно съедят газету. Электронная версия «Лух Авт» существует?

Кельчин: Мы делали попытку, но пока дело не пошло. В будущем, понятно, газета пойдёт в Интернет.

Омельчук: Читатели пишут?

Кельчин: Пишут, но много проблем не поднимают. Кто-то напишет стих, кто-то песню посылает. Ребятишки писали. Мы

планируем раз в месяц выпускать детскую страничку. Дети – самые хорошие читатели.

Омельчук: Местные экологи на Ямале не сложили ручки?

Кельчин: Нет, не сложили, борются сколько есть сил. Но вельможные браконьеры вертолётами рыбу вывозят.

Омельчук: «Лух Авт» об этом пишет?

Кельчин: Пишем понемножку.

Омельчук: Сам Геннадий Павлович – важный редактор или текущий репортёр?

Кельчин: Четвёртая полоса газеты отведена под фольклор. Я считаю, ценнейший материал. В своё время фольк-

лор собирать было тяжело. Сейчас-то проще – техника хорошая. Труднее – мало остаётся носителей фольклора. Последние из могикиан остались в Шурышкарском районе.

Омельчук: Геннадий Павлович, кто рассказывал тебе сказки в детстве?

Кельчин: Первую сказку помню, в тундре, в предгорьях полярного Урала, в верховьях двух юганов – Холтс-Югана и Лар-Югана. Моя бабушка рассказывает: сынок, посмотри, в чуме специальное место за печкой, там шест, на шесте картинка. Мать Божья ребёночка в руках держит. Эту

женщину по-нашему Калтац называют. Она

нас породила, она нас защищает, охраняет. Есть ещё один Бог, землю осматривает, за порядком следит, чтобы ребятишки не шалили вечером.

Омельчук: Поверил?

Кельчин: Ой, как крепко поверил! Ты слышал, летом молнии сверкают, гром гремит. Я говорю: – Да, слышал. – Это он ездит, махнёт кнутом – молния сверкнёт, а по облакам как по камням гремит его колесница. Поверил. С этого пошли сказки, песни. Ещё помню великого сказочника, его даже по стойбищам возили. Константин Шиянов. Он знал наизусть и рассказывал сказки в стихотворной форме, в хантыйской ритмике. Вечером придут: у мужчин одно занятие, у женщин другое,

специально его просят: – Дядя Костя, расскажи. Мы рассядемся вокруг и слушаем. И стар, и млад.

Омельчук: Дядю Костю кто-нибудь записывал?

Кельчин: Записывал его много Прокопий Ермолаевич Салтыков.

Омельчук: Не задавался вопросом, почему народ не только фантазирует, но и привирает в своих сказках? Мало ему реальности?

Кельчин: Иногда ж о чём-то мечтает, а мечту не может воплотить в жизнь. Тогда сказочно и неистовствует.

Омельчук: Сам сказки не сочинишь?

Кельчин: Только одну. «Берёзовая ветка». Как в хантыйском народе произошёл орнамент, называемый «берёзовой веткой». У меня были две сестры, приехал богатый русский человек. Он выступает как наш зять. Взял девушку в жёны. Он приезжает, ему надо хантыйскую девушку сосватать, он даёт задание, кто вырежет и сошьёт самый хороший орнамент... Вот тут-то она и появляется, берёзовая ветка.

Омельчук: Сам домой поздно вечером вернулся, на ночь глядя, сказочный сюжет для жены всегда наготове есть? Жена поверит?

Кельчин: Я серьёзный человек, семейный. Дом, работа, ещё рыбу ловлю.

Омельчук: С рыбалки – ни свет, ни заря...

Кельчин: Иногда.

Омельчук: Жена вопросов не задаёт?

Кельчин: Иногда: почему поздно? Тогда немножко...

Омельчук: Богатый улов показал, и всё ясно?

Кельчин: Сюжеты иногда появляются.

Омельчук: Лучший сказочный сюжет – на рыбалке?

Кельчин: Так получается.

Омельчук: Геннадий Павлович, чем привлёк «Конёк-Горбунок»? Может, кто-то привлёк?

Кельчин: Первую-то сказку я прочел, «Золотую рыбку» Хатанзеева. Мне вариант Пе-

тра Ефимовича не очень понравился. От обиды: ведь говорят, хантыйский язык остался только бытовой. На бытовом языке нельзя написать ни стих, ни сказку, ни рассказ. Я по фольклору начал изучать родной язык, съезжу в маленький посёлок, в деревушечку и там услышу очень красивое сочное родное слово.

Омельчук: Долго переводил?

Кельчин: Лет шесть ушло. Не на сам перевод уходит время, а на изучение хантыйского языка. Ведь русский и хантыйский языки очень разные. Русский человек, хантыйский человек по-другому мыслят, мысли иными словами выражают. Например, на Конька-Горбунка Иван верхом сел, а в нашем-то стихосложении надо сказать образно: на лошадь, имеющую спину, на спину сел лошади. Видите, как длинно. Но по-хантыйски.

Омельчук: Есть хантыйский размер, каким написана сказка Ершова?

Кельчин: Хантыйский отличается от русского, параллелизмы идут, афоризмы хантыйские, в русский размер стихосложения это трудно вставить.

Омельчук: Всё в твоём переводе достоверно: слово в слово? Неисказённый Ершов?

Кельчин: Мысли и сюжет – как у Ершова, от начала до конца. Я ещё немного дальше пошёл. В русском варианте «Конёк-Горбунок» невозможно петь, а в моём, хантыйском, его можно от начала до конца спеть. Как нашу хантыйскую длинную песню.

Омельчук: А не пробовал петь?

Кельчин: Пробовал в родных Шурышкарах. У Ершова есть сцена сватовства. Особенно эта сцена хорошо поётся. Есть сцена, где Иван (я его дураком не называю – это величайший Бог) купается в трёх водах... в трёх котлах, это тоже очень хорошо воспринимается. Я до выхода книжки в свет печатал её полностью в своей газете. Половину читал на местном радио. Читате-

ли, слушатели говорят: – Геннадий, это же хантыйская сказка.

Омельчук: Ершов умыкнул сюжет у сибирских хантов?

Кельчин: Я тоже немножко так думал. Но это, наверное, неправда. Мой «Конёк-Горбунок» переведён по законам хантыйского стихосложения, по законам хантыйского мышления. Может, поэтому воспринимается как хантыйское произведение.

Омельчук: А почему Иван-то не дурак? У Ершова вроде дурак.

Кельчин: Я искал параллели героев в русских сказках, находил параллели в хантыйской мифологии. По хантыйской мифологии Иванушка-дурачок подпадает под того Бога, который на колеснице ездит по небу.

Омельчук: В самом деле?

Кельчин: Да, Бог.

Омельчук: А в русской мифологии притворяется дураком?

Кельчин: Его, наверное, так перевели с хантыйского на русский.

Омельчук: А на самом деле – богатырь?

Кельчин: Да, богатырь, большой защитник народа.

Омельчук: Если задуматься, конечно... такие необычные поступки?

Кельчин: Он же летал в космос. Первый космонавт. На коне-то полетел. Конный космонавт.

Омельчук: Да и царём сдуру просто так не станешь?

Кельчин: И поэтому... В русском варианте всё как-то легко, играючи, шуткой...

Омельчук: Маскируется.

Кельчин: Да. А здесь воспринимается серьёзно.

Омельчук: Какие ещё переводческие замыслы?

Кельчин: В моей книжке есть толкователь слов, как у Даля – словарь. Я сейчас над этим словарём работаю. На очереди пушкинская сказка «О царе Салтане».

Омельчук: Сюжет, украденный Пушкиным у сибирских остяков?

Кельчин: Несомненно.

Омельчук: Несомненно? Сибиряк Ершов понятно, а Пушкин-то откуда?

Кельчин: Несомненно. Откуда я знаю? Это он же пишет: «На неизведанных дорожках следы невиданных зверей. Избушка там на курьих ножках стоит без окон, без дверей».

Омельчук: Чистый хантыйский быт?

Кельчин: Избушка-то? В Ханты-Мансийске посмотрите в музее Торума. Стоит столб, на вершине столба, на высоте пяти метров, – избушка.

Омельчук: Но разве в пушкинском Петербурге такое увидишь?

Кельчин: Нет, конечно. Может, в Эрмитаже.

Омельчук: Сказка о хантыйском царе Салтане?

Кельчин: Я немножко импровизирую. В хантыйском варианте я написал: Князь Гвидон, князь, не царь Салтан. Сноску делаю и объясняю, почему я переименовал сказку Пушкина.

Омельчук: Геннадий Павлович, давно хочу задать вот такой вопрос: почему хантыйские рыбаки, всю жизнь проводящие на реке, не учатся плавать, не хотят плавать, не умеют плавать и тонут?

Кельчин: Мы – люди природы, верим природе и думаем, что от природы человеку дано, где и как ему умереть. Или он от пули умрёт или от злого зверя, от «дедушки лесного». На воде точно так же: вода – одушевлённый предмет. Вода, считайте, основа жизни. Хантыйская вода – самое сильное существо природы.

Омельчук: Если вода взяла... это не смерть?

Кельчин: Мы так думаем. Если вода не возьмёт, ты будешь дальше жить, может, очень долго. Если я тебе подам, спасая, руку, ты всё равно обратно же эту смерть примешь. Я подам и выгашу, но если природа так не думает... Лосиху возьмите, она в опасности бросит лосёнка, убежит, лишь бы самой остаться жить, продолжать род. Мы по-природному мыслим, в природе живём. Она дала нам жизнь – она взя-

ла. Дарвин неправильно немало сказал, гомо сапиенс – человек разумный. Я бы сказал: человек – зверь разумный.

Омельчук: Надо поправить Дарвина? К природе ближе теория Дарвина – Кельчина?

Кельчин: Сейчас современный мир поделён на два человечества. Большая половина – потребительское человечество, другая – воспроизводящее, щадящее природу, живущее вместе с природой человечество.

Омельчук: Разумное и неразумное?

Кельчин: Природное и антиприродное.

Омельчук: Национальная хантыйская культура на Ямале, на твой взгляд, в каком состоянии находится?

Кельчин: Охо-хо-хо... Раньше представляете, иду по посёлку, редко кого в национальной одежде увижу. Если увидишь кого в национальной одежде, это явный оленевод. Богатый человек, одежду сохраняет, обычаи. Сейчас же даже маленькие девочки в посёлочке стараютсярядиться в национальное. Ой, матери своим маленьким дочкам, сыновьям стараются приготовить, правда, специального ателье нет, всё руками, но матери шьют. Красивее вещи из бисера. Я думаю, это и продолжение, и развитие. Организируются фольклорные группы, хантыйские песни поют, хантыйскую одежду носят, хантыйские обычаи соблюдают. Думаю, Париж уже со своими модами выдыхается. Где искать? Только у нас. Пускай в Шурышкар кутурье едут.

Омельчук: Мода природногочеловечества?

Кельчин: Бесчисленное, бесчисленное количество орнаментов. Геометрически точно выверенные фигуры, они поэтому и красивы необыкновенно. Они найдут своё при-

менение. Мы возобновили два великих праздника хантыйского народа: «Вороний день» и «Ильин день». Праздники уже вошли в традицию и в больших городах округа, эти праздники справляют и в Ханты-Мансийске. Мне в «Коньке-Горбунке» рисунки делала русская художница из Тюмени Ольга Трофимова, а в «Сказке о князе Гвидоне» мы договорились – землячка Надежда Михайловна Талигина проиллюстрирует книгу.

Омельчук: Настоящий хантыйский эпос?

Кельчин: Ага. Она сейчас занимается изучением хантыйского фольклора. Вы задавали вопрос, почему я увлёкся переводом. Я думаю, у хантыйского народа есть серьёзные памятники словесной культуры, памятники устного народ-

Рис. Валерия Раткина

ного творчества. Они очень ценны – это уровень «Калевалы» или «Манаса». Но об этом никто не знает. Но когда узнают, что есть перевод на хантыйский язык «Конька-Горбунка», значит, язык у нас живёт и развивается.

Омельчук: Геннадий Павлович, считается, что северяне, имеется в виду северные мужчины, обижают своих женщин. Женщина в жизни ханты – второстепенна или первостепенна? Кто главнее в жизни?

Кельчин: В северных условиях в семье не должно быть главного или второстепенного. Мужчина – он здесь главный, женщина – тоже здесь главная. Но всё чётко поделено. Я же не буду чистить картошку. Все знают свои обязанности. Женщина не поделится своими обязанностями, а мужчина не будет заставлять её делать то, что положено ему. Это противостоит. Если мужчина начнет себе шить кисты, его обсмеют и обзовут женщиной. Каждый на своём месте. Главный в своём. Определила тебе природа быть мужчиной – корми семью.

Омельчук: Мужские обязанности Кельчина?

Кельчин: Первая обязанность – прокормить семью. Мясо достать, рыбы наловить, всех одеть. Добыть, купить. Продать что-нибудь, опять добыть. Женщина мужчину оденет, чтоб другие женщины даже не заглядывались.

Омельчук: А кто кого любить должен?

Кельчин: Мыто даже слово «любовь» не знаем. Слова у нас такого нету. А любить оба друг друга должны, уважительно друг к другу относиться, без этого на Севере не проживёшь. Уважительность проявляется, чтоб женщина мужскую работу не делала, а мужчина – женскую. Уважение я моей работой должен доказать, не на словах: Мария, ты мне нравишься. Я если ей изготовил красивейшие нарты, лучше в тундре нет? Она всё поймёт.

Омельчук: Она всё поняла?

Кельчин: Это моя любовь.

Омельчук: Мария – не жена?

Кельчин: Нет.

Омельчук: Богородица?

Кельчин: Я просто, к примеру. Ты подошла к моему сердцу. Ты упала на моё сердце. Садись в мою нарту. Может, Мария.

ФЕЛЬДШЕР ШАЛАМОВ

Ржавчина

Несколько слов о затерянном в колымских дебрях посёлке Дебин, что в 500 с лишним километрах от печально-славного града Магадана. Все населённые пункты связала 1000-километровая колымская трасса с её бесконечными ответвлениями, ведущими к золотоносным и урановым приискам, другим промышленным предприятиям. На месте Дебина в 1937 году через полноводную и коварную реку Колыму начали возводить могучий по тем временам мост. Образовался посёлок Перевальный, который затем переименовали в Дебин. По-якутски «дьэбин» означает цвет ржавчины. Осенью сопки покрываются роскошным медно-красным ковром, отсюда и название. Вообще эти суровые места и сейчас отличаются необыкновенной красотой, разнообразием, обилием ягод. Кстати, и сам Ягоднинский район, куда входит Дебин, получил такое «сладкозвучное» название.

Некогда население района составляло более 50 тысяч человек (1985 г.), сейчас – в пять раз меньше. Из 54 посёлков золотодобытчиков остались единицы, в их числе и Дебин. Здесь два учреждения – ДРСУ (обслуживает трассу)

60 лет назад 42-летний политический заключённый колымской каторги Варлам Шаламов был определён на работу в Центральную больницу «Севостокага» посёлка Дебин.

и противотуберкулёзная больница. Мне кажется, первым знаком затухания некогда крупного населённого пункта явился перевод в 1969 году из Дебина в Магадан медицинского училища, располагавшегося в трёхэтажном здании местной больницы «Левый берег». Да-да, вот такая крупная больница некогда существовала здесь. Ну и сразу исчезла молодёжь, держались только на добыче золота.

Таков *печальный исход практически всех колымских посёлков.*

Их называли «доходягами»

Но тема у нас иная... В здании бывшей лагерной больницы по сей день располагается Магаданский областной противотуберкулёзный диспансер №2. Пять лет назад главный врач его, хирург-фтизиатр Георгий Гончаров, вместе с коллегами-единомышленниками создал так называемую мемориальную

«Шаламовскую комнату-музей». Экспозиция размещена в бывшем подсобном помещении пищеблока, где когда-то находилось и жильё Варлама Шаламова. Здесь представлены архивные документы, предметы обихода заключённых в период пребывания в колымских лагерях, медицинские инструменты, которыми пользовались здесь лагерные медики.

История вызволения Шаламова из когтей лагерной смерти такова. Он уже вошёл в разряд «доходяг», то есть полутрупов, болел пеллагрой, цингой и так далее. И уже в 43-м он в страшно плачевном состоянии оказался сначала в больнице «Беличья». Его подняли на ноги фельдшер Борис Лесняк, тоже заключённый, и главный врач больницы Нина Савоева. Шаламова оставили при больнице культторгом. Но спасителей перевели на другие участки, и снова Варламу грозили каторжные работы. На то время он подружился с врачом-заключённым Андреем Пантюховым. Тот так же голодал, только чуть меньше, чем Шаламов. И всё же врач, страшно рискуя своим положением, в 1946 году отправляет Варлама на курсы фельдшеров. По одной из версий они находились в 23

километрах от Магадана. Здесь Шаламов окреп и получил специальность. Начал он работать в посёлке лесорубов «Ключ Дусканья», а в 1949-м – переводится в Дебин, в центральную больницу колымских лагерей «Левый берег». Много лет спустя так будет называться одна из книг писателя Шаламова. Вот небольшой кусочек: «Заведующий хирургическим отделением Кубанцев, только что из армии, с фронта, был потрясён зрелищем этих людей, этих страшных ран, которые Кубанцеву в жизни не были ведомы и не снились

всегда остался во вкусовой памяти Кубанцева. Всю жизнь он вспоминал потом этот запах. Казалось бы, гной пахнет везде одинаково и смерть везде одинакова. Так нет. Всю жизнь Кубанцеву казалось, что это пахнут раны тех первых его больных на Колыме. (...) Здесь Федоренко переменял свой диагноз. Хотя и здесь хватало увечных, саморубов, например. Но было выгоднее, моднее, незаметнее раствориться в море отмоорожений.

Вот так я его и встретил в больнице – последствия отмоорожения третьей-четвёр-

Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места... Крупская использовала текст «Письма» как прямую улику против Сталина, говоря об обязательном выполнении воли Ленина как первого социалистического вождя.

«Письма», более известные как «Заветы Ильича», стали настолько популярны в стране, что скоро на карте СССР появилось пять посёлков с таким названием и две деревни.

Вологодский паренёк, сын священника Варлам Шаламов, в Москве в 1926 году поступил учиться в МГУ на факультет советского права и на свою беду взялся за распространение завещания Ленина, то есть он уже тогда видел, куда может привести сталинский режим. И не просто распространение, а участие в работе подпольной университетской типографии. Это не слабо. Ну и последовало не очень суровое наказание – три года заключения в лагеря на Северном Урале. Вышел, продолжил робкую литературную деятельность, опубликовал в журнале «Октябрь» рассказ «Три смерти доктора Аустино». Не вдаваясь в пересказ сюжета, можно лишь сказать, что автор показал крах гуманизма: доктора расстреливают, хотя он по слёзной просьбе начальника тюрьмы спас его жену во время трудных родов. Короче, за вольнолюбие, читаемое между строк этого рассказа, в 1937 году Шаламова вновь арестовывают и дают пять лет. Отбухал и этот срок, но как-то его угораздило язвительно заметить, что Бунин является русским классиком, – донесли, дали «червонец», десять лет. Шёл 1943 год. Лишь в 1951-м пришло освобождение, но Шаламов ещё два или три года работал фельдшером в якутских селениях Барагон, Кюбюма, Лирюкован на правах вольнонаёмного, мечтал заработать хоть какие-то деньги.

После реабилитации в 1956 году возвращается в Москву,

Варлам ШАЛАМОВ

никогда. В каждой приехавшей из Магадана машине были трупы умерших в пути. Хирург понимал, что это лёгкие, транспортабельные, те, что полегче, а самых тяжёлых оставляют на месте.

Хирург повторял где-то вычитанные слова: «Фронтовой опыт солдата не может подготовить человека к зрелищу смерти в лагерях».

Кубанцев терял хладнокровие, не знал, что приказать, с чего начать. Колыма обрушила на фронтového хирурга слишком большой груз. Но надо было что-то делать. Санитары снимали больных с машин, несли на носилках в хирургическое отделение. В хирургическом отделении носилки стояли по всем коридорам тесно. Запахи мы запоминаем, как стихи, как человеческие лица. Запах этого первого лагерного гноя на-

той степени, незаживающая рана, культя стопы, культя пальцев обеих кистей.

...желая задержаться в больнице, Федоренко стал санитаром, попал старшим санитаром в хирургическое отделение мест на триста. Больница это была центральная, на тысячу коек только заключённых. В пристройке на одном из этажей была больница для вольнонаёмных».

В тюрьму по «Заветам Ильича»

В 1922 году Ленин продиктовал «Письмо к съезду» – как бы своё политическое завещание, – в котором, в частности, высказал такую рекомендацию: Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общинах между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека.

пишет «Колымские рассказы», которые через десять лет начинают выходить за границей, в эмигрантских изданиях. Даже для хрущёвской оттепели его произведения были слишком смелы.

В основу прозы Шаламова лёг страшный опыт лагерей. В противовес Солженицыну, который утверждал, что опыт неволи может быть положительным и облагораживающим, Варлам Тихонович убеждён в обратном: лагерь превращает человека в животное, в забитое, презренное существо. По его мнению, одна из главных характеристик лагеря – растление, расчеловечивание. Он много пишет о медицине за колючей проволокой, один из самых сильных рассказов «Шоковая терапия», в котором показан образ врача-изувера.

«Колымские рассказы» впервые увидели свет в нашей стране лишь спустя пять лет после смерти автора, в 1987 году. А смерть его на воле была просто ужасной.

По семейным ухабам

В 37-м году, когда Шаламова посадили во второй раз, его первую жену Галину Гудзь и дочь сослали в Казахстан. По-

Ольги Неклюдовой, остался пасынок, но и он не сделался наследником авторского права Шаламова.

Самой его большой и последней любовью была Ирина Сиротинская, архивист и литературовед. Она и стала единственной наследницей Шаламова (по его завещанию), издателем и хранителем архива в РГАЛИ. Рассказ Ирины Павловны: «Когда я пришла к нему впервые, он распахнул дверь... Это было 2 марта 1966 года. У него такие ярко-голубые глаза и могучая фигура... А я собиралась у него наставления просить, как жить теперь, после его рассказов, когда я узнала, какова Колыма?.. У него лицо разгладилось, глаза стали ещё более голубыми... Уходя, я спросила: «Можно к вам иногда приходить?» Он на меня посмотрел пронизательно: «Приходите. Вы мне понравились». Я говорю: «Вы мне тоже». Он так смутился, покраснел!.. Летом после знакомства я уехала в Крым с семьёй, вернулась... Пришла к нему... И как-то неожиданно очень оказалась в его объятиях. Я даже как-то растерялась. Так всё началось. А в 68-м был июнь – самый счастливый

поздно встретились, к сожалению... Посвятить жизнь я ему не могла, у меня дети. Да и кто знает, что было бы. «Подарком судьбы» я была десять лет и устала... Он мне потом передал конвертик, где было написано «вскрыть после моей смерти». Я вскрыла. А там – «спасибо тебе за эти годы, лучшие годы моей жизни». А потом, уже через три года, ему не друг стал нужен, не женщина, а постоянная сиделка.

Шаламов был старше Сиротинской на 25 лет, в момент первой встречи ему было 59, ей – 34. Ирине он посвятил сборник рассказов «Воскрешение лиственницы», несколько стихотворений. Её усилиями была опубликована большая часть литературного наследия писателя, в том числе 4-томное (1998) и 6-томное (2006) собрания сочинений. В 2007-м в Москве прошла международная конференция, посвящённая 100-летию со дня рождения Шаламова. Вышла и книга воспоминаний Сиротинской. Кстати, Варлам Тихонович в своё время общался и переписывался с Борисом Пастернаком, который очень ценил его творчество, с вдовой Мандельштама Надеждой Яковлевной, Александром Галичем, Александром Солженицыным...

И самая горестная глава

В конце 70-х Шаламова поместили в дом инвалидов и престарелых в Москве на улице Вилиса Лациса в Тушино. До этого он занимал крошечную комнатку на Васильевской улице, сейчас эта 3-комнатная квартира в районе Метро «Маяковская» выставлена на продажу за 15 миллионов рублей. Ирина Сиротинская какое-то время его навещала в Тушино, приносила что-нибудь, он очень любил яблоки. Иногда под диктовку записывала разные случаи. В 1981-м французское отделение наградило его премией Свобода, но денег, на которые можно было бы нанять сиделку, он не получил.

сле окончательного освобождения они встретились вновь и вскоре разошлись. От второй жены, писательницы

месяц. Мы встречались каждый день». И далее она рассказала московской журналистке Вере Копыловой: «Мы

Есть ещё одна свидетельница тех дней – врач и переводчик Елена Захарова. Она вспоминает своё первое посещение на Планерной: «То, что я увидела, произвело очень сильное впечатление: мне показалось, что человек, сидящий на полу рядом с покрытой голым матрацем кроватью, уже и не вполне человек».

Тогда же, в мае, я услышала от филолога и литературоведа Александра Анатольевича Морозова, что он посещает Шаламова. Страшно волнуясь, Морозов прочёл поразившие меня стихи из последнего цикла. И я сообразила, что эти стихи были написаны в то время, когда я впервые увидела Шаламова. Стало быть, я ошибалась. Стало быть, он там, внутри этой оболочки, мучается».

В свою очередь воспоминания Захаровой записал известный московский врач, писатель и историк-архивист Виктор Тополянский.

Врач Захарова вновь навестила Шаламова. По её словам, Варлам Тихонович плохо слышал, плохо говорил. Дом инвалидов и престарелых напоминал тюрьму: кругом грязь, смрад, грубость персонала, унижение человеческого достоинства, отсутствие минимального ухода. Он не мог жить в полном одиночестве, а у него был целый букет тяжёлых недугов: болезнь Меньера (потеря равновесия, тошнота, рвота, нарушение речи), глубокий паркинсонизм. Кроме того, есть мнение, что он считал по-прежнему себя заключённым, срывал постель, а полотенцем обматывал шею, боясь, что его украдут другие узники; скатывал одеяло и опирался на него рукой.

Навещала Шаламова ещё одна персона – Татьяна Уманская (Трусова) – преподаватель литературы. Очень любопытный факт: в рассказе «Вейсманист» она опознала своего деда. По просьбе Морозова Шаламова навещил врач-психиатр Д.Лавров. По-

разило врача не состояние Шаламова, а условия, в которых тот находился. Однако Лавров не нашёл у него признаков слабоумия – повода для перемещения больного в интернат психохроников не было. Его следовало бы лечить неврологам. Интеллект и память его были в сохранности. При посещении Варлама Тихонович прочитал новые стихи.

В июле-августе 1981 года Шаламов заболел воспалением лёгких. Захарова делала по своей воле инъекции и хорошо подлечила старика. Главный врач этого скорбного и донельзя запущенного учреждения не приветствовал частые посещения пациента, грозился в противном случае отправить его в интернат для психохроников, куда вход разрешён только родственникам. Шаламова даже освидетельствовал медицинская комиссия, при этом разрешили присутствовать Захаровой. Только спросили, какой сегодня день недели, какое число. Шаламов не ответил. Заключение: старческая деменция, слабоумие.

В пятницу 16 января 1982-го мы приехали и не обнаружили в палате никого. В тумбочке лежали приглашения в ЦДЛ и стопка газет «Московский литератор» (автор этих строк в то время был членом редколлегии этой газеты). Портсигар тюремной работы (хотя он не курил), драный бумажник, билет в Ленинскую библиотеку, квитанцию на холодильник Захарова позже отдала в Вологодский музей. После напористых расспросов медицинская сестра ответила, что Шаламова увезли в интернат для психохроников в Медведково.

По свидетельству очевидцев, 14 января Шаламов кричал, сопротивлялся. Его, полуодетого, выкатили в кресле, погрузили в выстуженную машину и через всю морозную Москву везли в интернат №32. Захарова и ещё одна почитательница таланта Шала-

мова нашли этот интернат, кое-как добились встречи с дежурным врачом. Тот сказал, что да – привезли, он буен, пытался укунить санитаря. Затем им разрешили войти в палату. Это было уже 17 января 1982 года. «Был он без сознания. Хрипел. В общем, стало ясно, что он уже отходит, – вспоминала Захарова. – ...Я ввела ему строфантин и какие-то ещё препараты... Часа, наверное, через два Шаламов умер у меня на руках, не приходя в сознание. Начались непростые хлопоты по выдаче свидетельства о смерти, тела из морга, отпевание, похороны на Троекуровском кладбище. В холле ЦДЛ появилось объявление в траурной рамке. На могиле установили памятник работы Федота Сучкова (он же сделал бюст прозаика Юрия Казакова, в доме которого в Абрамцеве его видел автор этих строк). Но в 2000 году бронзовую голову украли, позже была восстановлена чугунная копия памятника».

Позднее признание

Это типично для нашего государства. Когда Шаламову нужны были деньги, его книги выходили за рубежом миллионными тиражами – от Японии до Америки, – он не получил ни рубля, потому что СССР не подписал международную конвенцию об авторском праве. На гонорары «из-за бугра» он мог бы иметь квартиру, десять сиделок, лучшие лекарства и тонны любимых яблок.

Теперь Шаламова называют одним из крупнейших писателей XX века. Экспозиции о нём есть в Вологодском музее, в колымских посёлках Ягодном и Дебине, в якутском селе Томтор, в пермском городе Красновишерске (здесь сооружён памятник). В Москве ставится моноспектакль и снимаются фильмы, пишутся критиками целые книги-исследования... Слишком поздно!

Владимир ХРИСТОФОРОВ

В СВОБОДНО КОНВЕРТИРУЕМОМ ЖАНРЕ:

ДОПРОС ВАСИЛИЯ ШИРЯЕВА

– *Бронский пишет про тебя: «Ширяев прикольный, но, по большому счёту, он может быстро надоесть, если будет спекулировать на одной стилистике». Что у тебя есть в заглавнике помимо «прикольности» и эрудированности?*

– Я не очень эрудированный, скорее типа «чем больше читаешь, тем больше забываешь». Я – процессор: обработал, передал, стёр, обработал, передал, стёр. Что у меня в заглавнике? Ну, в общем, идеи. Например, научиться писать сразу на английском. ЖЖ-пьюсу-сгасз написать и т.д.

– *Расскажи про Камчатку – какая она?*

– Вулканы, рыба, термальные воды, сильная оторванность от материка. Неплохой климат последнее время. Специалисты говорят, что похоже на Россию в миниатюре. «Остров Россия». Есть здоровые субкультуры, типа автоэкстремалов «Квадратные колёса», пиво хорошее. Кстати, рекомендую.

– *У тебя было счастливое детство? Что ты из него помнишь яркого?*

– Такое счастливое, что ни-

чего не помню. Обычное детство, короче. Помню, к старобрядцам в тайгу ездил в 90-м. Но это такое событие, событие, мог бы, в принципе, и позже поехать.

– *А кого читают из нынешних писателей на Камчатке?*

– На Камчатке традиционно почитаются Хармс, Набоков и Маяковский. А современные писатели – это (в доинтернетную эру) если кто-то конкретно привёз с материка книжку и стал всем конкретно впаривать: с 90-х читают Сорокина, Пелевина, Мамлеева, Вик. Ерофеева. Я пропагандировал Гаспарова и Крусанова. Кстати, так я стал критиком. Пиша внутренние камчатские рецензии.

– *Как ты считаешь, полезно и нужно ли современному писателю (и вообще литдеятелю) конструировать для себя некий имидж, особую «фишечку» и т.д.?*

– Да, чтобы раскрутиться и получать деньги сочинениями, как, например, Прилепин. Но вообще я демократически так отношусь к письму. Писать может каждый, главное, иметь что сказать, и короче.

– *Как ты относишься к контркультуре в целом и так называемому альтлиту в частности?*

– Ну я когда учился, самиздат «Епонский камунист» на машинке печатал, подражание «Польскому батону», кстати. В доинтернетную эпоху. Потом альманах «Ероглиф» был довольно левый. Получил премию им. Д.Бедного за анархо-конспекты. Я использую мат/просторечие для понятности. А для падонкав – это цель в себе и поэтому непонятно. Они формалисты больше меня. Я хочу показать, что всё переводимо. Можно Гегеля перевести на мат. Он от этого только выиграет.

– *Вредит ли литературе ситуация, при которой писатели – они же и читатели?*

– Вредит, что их (нас) мало, т.е. финансово. А так – это оч. хорошо. Откуда берутся писатели? Прочитал, понравилось, попробовал, вдруг и у меня что-нибудь получится, получилось и т.д. Я не люблю романтизм и писателя в роли полубога. Демократичнее надо быть. Не человек для субботы, а шабес для человека. Не человек для языка, а язык

для человека. Люди важнее литературы. Следовательно, литература должна «учить» и т.д. Сперва самолёты – потом анекдоты.

– *Какие 3–5 книг реально ударили тебе по мозгам?*

– «Записи и выписки» Гаспарова. А до этого я был меломаном, и книги шли под фонограмму. Потом, сложно сказать о «Войне и мире», что он ударяет по мозгам, потому что она такого радиоактивного действия книжка. Книжка-ловушка. В детстве сильно – Свифт «Сказка бочки», Вольтер «Кандид». Алексей Лосев «Диалектика мифа» очень повлиял, хотя стиль у него Зоценко пополам с Гегелем, и Гегеля больше. Рецензия Шкловского на «Митину любовь» Бунина – образец рецензии. И «Опровержения на критики» Пушкина – отличная вещь.

– *Есть ли какая-либо корреляция между литературными форматами и изменениями в обществе, ускорением темпов жизни и т.д.? Разделяешь ли ты точку зрения, что 500 страниц текста в XIX веке равняются 100 нынешним?*

– Корреляция есть, да не втолкан весь. Книгу сильно потеснили кино, звукозапись, компьютерные игры. Плюс наркотики. В общем, книга сейчас – это такой полуфабрикат для кино, если повезёт. Ну и для комментирования тоже. Соответственно выигрывают жанры, заточенные под кино. В сети выигрывают «набросы», заточенные под комментирование, бессмысленно-беспощадное.

– *Немного поподробнее о наркотиках и литературе. Я не очень поняла эту мысль о соперничестве. По-моему, это разные виды удовольствий, если чтение для человека реально удовольствие. То есть не представляю человека, который сказал бы – пойдучка вместо Паланика вмажу винта? Можно же и то и то.*

– Понимаешь, это про себя я могу сказать типа: «Я читаю «Войну и мир» и получаю удовольствие» (книга потому что «начитана»), а другому человеку я не могу сказать: «Прочти «ВиМ», и получишь удовольствие». – «Да ну нафиг – я пойду лучше закинусь!» Следует говорить: «Прочти «ВиМ», и ты станешь одним из нас» или «Прочти «ВиМ», и это изменит твою жизнь». В общем, главное в книге не удовольствие, а инфа.

– *Должен ли критик литературный сам уметь писать?*

– Насчёт «должен» не знаю, потому что по факту мы все пописываем: Рудалёв стихи пишет, Алиса Ганиева – сказки, Шенкман – стихи, ну и т.д. Сиротин роман пишет. Анкудинов – поэт, Манцов – бывший поэт. Я писал рифмованные тексты, подражания Маркесу, стилизации всякие делал и продолжаю делать. Критику полезно тренироваться на стилизациях. Когда пародируешь автора, лучше замечаешь особенности стиля.

– *Есть ли книги, которые вгоняли тебя в гнев?*

– Кстати, figura etimologica, «гнев» и «гнать» – однокоренные. Может быть, в детстве

что-нибудь мелодраматическое а-ля ранний Достоевский. Книга не предназначена, чтобы вызывать сильные эмоции, удовольствие и, наверное, эмоции вообще. Это поле нами проиграно. Никто сейчас не будет читать книгу, чтобы получить удовольствие. Для этого – наркотики есть. Чтобы погрезить наяву – есть кино. Соответственно в книжках отпадают всякие описания природы. Ну и т.д. И это правильно! Потому что отшелушивается всё лишнее. Остаётся книга-учебник.

– *Насколько важно литератору тусоваться в среде себе подобных, вообще есть ли в этом польза?*

– Да. Хотя я не уверен насчёт личного общения. Интернет тут большой плюс, не надо бухать, ну и работа со словом. Общение надо больше на сотрудничество, а не на нытьё и меряние половыми х..ями.

– *Нужны ли в XXI веке в России толстые литжурналы, и если да, то зачем?*

– Ну чтобы в них печататься. Они просто напрасно блюдут чистоту жанра в обоих смыслах. Им надо было в 90-х разворачивать бизнес: мороженое «Новый мир» в сиреневых стаканчиках, гостиница «Бельские просторы» в форме толстого журнала, горилка «Сибирские огни» и т.д. Толстые журналы – это винтажная хрень. Их интересно читать, когда их в библиотеке списали через 10 лет, а ты их домой волокёшь. Старый «Новый мир», короче.

– *Если выстроить некий рейтинг современных лите-*

ратур – первую тройку хотя бы – какие это будут? Твои варианты?

– Очевидно, зависит от пространённости языка: английская, французская, испаноязычная, немецкая, наверное, так. Плохо представляю, как обстоит с китайской и арабоязычной лит-рой. Наверно, там в натуре мощная устная традиция комментирования, что-то типа нашего ЖЖ, а лит-ры в европейском понимании нет, потому что нет тех «дальних», с кем имело бы смысл говорить и с кем «не поговоришь никаким другим способом». И я склоняюсь типа к мысли, что наша литература имеет много общего с ними.

– Кто сейчас хорош из поэтов?

– Емелин, наверное. Я недавно перечитывал Андрея Егорова, нашего камчатского поэта («Дебюта», сейчас в Москве), его бургундский реализм очень помог в работе. Вообще поэтов слишком много: чтобы их читать, следует самому быть поэтом. Для меня поэзия – экспериментальный жанр, отсюда многое можно пересадить в прозу. Поэзию убивает в основном традиция её обсуждения в метафизическо-психологическом духе. Типа он «с Богом на дружеской ноге» и «экзистенциальные бездны». «А какое дело нам, страдал ты или нет?..»

– Чем отличается русская литература от всех прочих?

– ХЗ, наверное, использованием русского языка. Ну и тем, что много на себя берёт, согласен с тобой.

– Насколько интегрируемы в литературу методы шоу-бизнеса?

– Нюанс: не шоу-бизнес интегрируется в лит-ру – лит-ра интегрируется в шоу-бизнес. А так как лит-ра – это наше всё, большие дяди рылом прошёлкали, и поезд ушёл.

– Каким бы ты хотел видеть абзац про себя в будущей всемирной цифровой энциклопедии?

– Василий Ширяев, создатель современного всемир-

ного языка. Ну и чтоб даты смерти не было.

– Как ты думаешь, какое изобретение в скором будущем может изменить жизнь людей и литературу столь же радикально, как Интернет?

– Бессмертие. Пять миллиардов станут запчастями. Потом, оцифровка мозга, инфа будет качаться прямо в нейроны. Обучение будет проходить как установка проги на мозг. Сны будут цифроваться, прикинь. Сюжет, кстати.

– Есть ли у тебя какое-либо отношение к культовой для многих оранжевой серии – там, где правят бал Ирвин Уэлиш, Чак Паланик, Дуглас Коупленд и уже с ними?

– Позавчера пересматривал «Trainspotting», акцент у них прикольный. До Камчатки доходит очень мало книг. Я не успел это всё вовремя прочитать, наверное. Чисто литературного «бури и натиска» у меня не было. Была «Гражданская оборона» и самопальный «постмодернизм», когда усваивается всё подряд.

– Что ты думаешь насчёт «загадочной русской души» – это правда или херня?

– Отличный экспортный брэнд, to use only outside Russia. Сейчас эту марку забили, а могли бы сделать типа Кустурицы. Гиньоль, театр жестокости, гротеск, поп-сатанизм, опсурд и т.д. Вот и вся «РД» до копейки.

– Что ты думаешь о загробном мире, как там оно всё устроено?

– Думаю, «лопух расти будет», но если начну думать, то может, придумаю что-нибудь интересное.

– Ты, насколько я знаю, завсегдатай Форума в Липках. Что он тебе дал?

– Я был только два раза (2008, 2009), так что завсегдатай – сильно сказано. Для меня это был единственный способ приехать в Москву и Ленинград, посмотреть. До этого я в Большой России не был. Для поэтов семинары могут казаться бессмысленными, поэты сами люди уг-

лублённые, а в журналы очередь большая. А критики более по-деловому, можно договориться практически со всеми.

– Какой литературный жанр, на твой взгляд, сейчас наиболее современный и актуальный? И почему именно он?

– Комментарий-камент, мем, анекдот, сценарий. Пост-эссэ, мемуары-житие-подстрочник. Свободно конвертируемые жанры, короче. Т.е. или то, что легко и приятно запомнить и пересказать, или то, из чего можно сделать кино, комикс и т.д. Если выбирать один, то – анекдот. Мем как несущая анекдота.

– Твой рецепт бестселлера?

– О быте мздоимцев если написать в духе Хейли-Кордонского, будет интересно. О ментах спокойно написать. Об этих прослойках пишут в духе «быличек» (такой фольклор о встречах с нечистой силой), типа «увидел я мента, и было это чистое Зло». А вообще бестселлерами есть и будут полухудожественные жанры: учебники, самоучители по жизни типа Веллера. Если человеческим языком написать, как люди ездят в метро, воруют, водят машину, экономят деньги, это будет бестселлер. «Новое бытописание», короче. Ну и создавать Russian English и непосредственно выходить на международный рынок.

– Какими для тебя были в целом «нулевые» годы и чего ты ждешь от «десятых»?

– В «нулевые» я учился и доучивался, пробовал сочинять. Критику начал с 2007-го где-то. В общем, «нулевые» – это учёба. А в «10-х» хотелось бы денег заработать, съездить за границу. И чтоб больше критиков, чтоб было кого критиковать.

– Куда именно в первую очередь поедешь за границу?

– Где есть знакомые: Германия, Канада, Штаты.

**Допрос провела
Алёна ЧУРБАНОВА**

1. Традиционные направления в финской литературе

Понятие «арктическая истерия» внёс в финскую литературу Марко Тапио (1924–1973) своим двухтомным романом «Арктическая истерия» (1967–1968). В первой же его части делается предположение, что в сущности весь финский народ болен «арктической истерией». Это проявляется в том, как ведут себя люди в чрезвычайных обстоятельствах, в частности, как они злятся «до потери сознания», не-

тинена, относящуюся к 1984 году:

1. До последних десятилетий финская литература по своему характеру была «лесоприверженной», т.е. верной теме леса: описывались деревенские жители, которым город казался чужим и враждебным. Природа, особенно лес, – это, с одной стороны, и друг, и место, где можно укрыться от прессинга культуры, с другой стороны

ведённом перечне, то есть приверженность теме леса, контраст между богатыми и бедными. А также антигерои в качестве главных действующих лиц обычны также для литературы «арктической истерии». Однако скрашивающего повествование юмора в литературе «арктиче-

Маркку ИХОНЕН

вероятно преувеличивают значение каких-нибудь дел, теряют связь с действительностью и испытывают странные физиологические ощущения.

После Тапио об «арктической истерии» говорили как об одном из свойств, присущих финской литературе, даже как бы о собственной традиции. В финской литературе вообще определены главное направление, или главная традиция, а также побочные направления, такие, как рабочая литература. Привожу характеристику главного направления финской литературы, опираясь на одну из статей профессора Кая Лай-

– враг, против которого человек бессилён. Особенно неодолимой громадой природа выглядит в произведениях писателей из северной части Финляндии.

2. В изображении общества преобладал контраст между богатыми и бедными, причём писатели, как правило, становились на сторону бедных.

3. В изображении персонажей господствовал тип антигероя-индивидуалиста: ленивого, эгоистичного и хитрого.

4. В изображении характеров главным был юмор. В финской литературе натурализм без юмора, как правило, не встречается.

Так можно определить и магистральное направление в изображении людей из народа. Пункты 1, 2 и 3 в вышепри-

ской истерии» не обнаруживается. Напротив, читая эти произведения, мы как бы находимся на противоположных отметках (полюсах) шкалы чувств: в состоянии крайней депрессии и подавленности (Angst), либо подобной параличу бесчувственности, либо в состоянии бесконтрольного проявления своих чувственных ощущений. Это может проявляться как в форме эйфорического крика, или экстатического танца, так и в виде неудержимого плача или выразиться в форме насилия. В конце статьи я привожу подробный реестр черт, которые, как я считаю, характерны для литературы «арктической истерии». В дополнение к сказанному попытаюсь осмыслить вопрос о том, почему «арктическая истерия» заняла столь видное место в финской литературе. Ввиду того, что «арктическую истерию»

обычно связывают в основном с произведениями, описывающими крайний Север Финляндии, или Лапландию, я вначале сообщу некоторые сведения об этой территории и её жителях. До этого я схематически изложу то, что подразумевают, говоря об «арктической истерии» и истерии вообще.

2. Истерия как искажённое проявление чувств, испытываемых при попытке насилия

Понятие «арктическая истерия» вошло в употребление в 1860-х годах в исследованиях, посвящённых шаманизму. Начиная с русского учёного-исследователя Кривошапкина сибирский шаманизм пытались объяснить психопатологически: согласно такому подходу, он является симптомом особой «арктической истерии». С точки зрения многих исследователей, особая космическая среда в северной части полярного круга – крайний холод, долгие, или полярные, ночи, снежные пустынные просторы, отсутствие витаминов – всё это порождает особые психические расстройства или отклонения (деклинация) (1988, 23–24).

Слово «истерия» происходит от греческого слова «hysteros», что означает матка (чрево). Уже Гиппократ говорит о блуждающей, или подвижной матке. «Истерия» это не болезнь, а совокупность симптомов. Она проявляется, в частности, в театрализованных жестах, стремлении привлечь внимание к себе, забывчивости, приверженности к внешним эффектам, сумбурности и некоем сумеречном состоянии сознания. Она может также проявляться в конвульсиях, параличе, болях, потере чувствительности, в расстройстве органов чувств (слуха, зрения, обоняния). Как типичные черты «арктической истерии», проявляющейся в связи с шаманизмом, отмечают стремление укрыться в тем-

ном месте, вскарабкаться на дерево, иступленную ярость, плач или пение, попытки укрыться где-то в полном одиночестве и пассивность, например, бесцельное сидение на земле (1989, 47).

В классической работе Иозефа Брейера и Зигмунда Фрейда «Исследование истерии» (1893, 1895) упоминается, по моему подсчёту, семьдесят три различных симптома истерии (Фрейд 1978а, 329).

Брейер и Фрейд пытались найти для истерии неврофизиологическое объяснение: истерия, полагали они, это психический способ защиты женщины против происшедших в переходном возрасте и воспринятых как насилие над телом изменений. Подобным женщинам сексуальность кажется «морально плохой» и грязной, и поэтому, считают они, её нужно отвергать.

Фрейд отмечает, что многие больные истерией – особенно известен случай Дорана – в детстве оказались объектами насилия или совращения отцом, либо кем-то ещё, выполнявшим роль отца. Насилие это отложилось в памяти, и истерия проявляется наружу в переходном возрасте, когда жертва начинает соотносить насилие с половым поведением.

Воспоминания пытаются активно пробиться в сознание, но так как этот выход оказывается заблокированным, возникает истерическая реакция. При подобной трактовке истерический припадок может произойти без какой-либо физиологической причины. Форму припадка, однако, определяют особенности обстоятельств, при которых произошло совращение, насилие или их попытка (Kamuf 1982, 45–46). Из современных психологов, в частности, Алис Миллер находит это объяснение убедительным.

Фрейд считал в принципе возможным развитие истерии также у мужчин. Но всё же истерия была для него и

его последователей почти исключительно заболеванием женщин. Приверженцы феминизма подвергли этот тезис резкой критике. В подобной манере мышления они увидели отчасти политику разделения болезней по признаку пола, где, классифицируя известный тип поведения как болезнь, используют это обстоятельство для утверждения власти в области общественных отношений. По мнению других авторов, истерия в XIX веке могла быть по сути симптомом бунта женщины из среднего класса, прикованной к своему дому, против подобной роли (Humm 1989, Истерия).

Новая психология не нуждается в понятии «истерия». Кроме того, само понятие истерии не поддаётся достаточно точному определению, и это является проблемой. В обыденной речи данное понятие, однако, вполне обычно.

3. Утверждение 1: «Арктическая истерия» в Финляндии является производной культуры

Финляндия – северная страна, и большая часть её географического поясу. Определение южной границы арктической зоны зависит во многом от вида науки и точки зрения того, кто рассматривает этот вопрос (см., например, Барри и Шорли, 1971, особенно 184–187).

Арктической зоной в Финляндии можно считать Лапландию, а также частично расположенную южнее губернию Кайнуу и западную губернию Похьянмаа.

Полярный круг (66 32fN) делит Финляндию пополам. В северной его части солнце в середине лета не заходит совсем, а зимой оно вообще не появляется. Всем известно, что недостаток света вызывает депрессию, а колебания светового режима изменяют гормональную деятельность. «Арктическую истерию», по крайней мере, в северной

Финляндии, можно очень хорошо объяснить, исходя из этих отправных точек. Собственная моя интерпретация всё же иная. Я считаю, что в вопросе об «арктической истерии» речь идёт скорее о понятии, созданном и поддерживаемом культурой. Особенно это относится к встречающейся в финской литературе «арктической истерии». Попытаюсь доказать это своё утверждение в конце статьи, а сначала хочу вкратце рассказать о двух группах людей, живущих в Финляндии, среди которых чаще всего наблюдалась «арктическая истерия»: о саамах, представителях коренного населения Лапландии, и лестадианцах, представителях религиозного «движения пробуждения веры», получившего своё название по имени его основателя Ларса Леви Лестадиуса.

4. Саамы-маргиналы финской культуры

Саамы, живущие в Лапландии, являются коренным населением Арктики. В последние годы в международных научных дискуссиях много говорилось о положении подобного маргинализованного сообщества, живущего на окраинах. Частично речь шла также об экзотике, которая, с одной стороны, возросла благодаря туризму, а с другой – интересу преобладающего большинства населения, то есть «нормальных» финнов, к шаманизму и колдовству. Но суть вопроса всё же кроется в другом. В последние годы повсюду возник интерес к так называемому «четвёртому миру» или же к национальным меньшинствам в различных частях света и государствах, которые начали выдвигать требования, касающиеся родного языка, культуры и участия в государственном управлении. Исследователей интересуют, помимо национальных меньшинств, также примеры интеллектуальной деятельности, возникшие из маргинальных, пограничных явле-

Мещерский А.И. Зимний вечер в Финляндии

ний и маргинализированности.

Территория проживания саамов – Лапландия – была «сердцем пустыни» в Финляндии, если пользоваться терминологией английского писателя Джозефа Конрада. Как внутренние части Африки долгое время были неизведанным пространством для европейцев, так и Лапландия казалась чуждой, дикой и непредсказуемой. До последних десятилетий африканцев считали некими «благородными дикарями» или живущими в согласии с природой большими детьми, которые по своему развитию задержались где-то между обезьяной и человеком. Так, африканцы выступали в роли «тёмной половины» (изнанки) цивилизованного европейца, некой противоположности ему. Так же рассматривали и саамов. С особым рвением изображали саамов в подобном духе авторы книг по зародившемуся в Лапландии в середине XIX века лестадианству, религиозному движению пробуждения веры. К примеру, сенатор Карло Кастрен подробно описывает характер саамов в биографии Лестадиуса «Великий пробудитель нетронутых каменистых про-

странств Лапландии» (1932). Он придерживается того же мнения, что и живший в XIX веке пастор Иоганнус Торнаэус, который считал, что у саамов, а особенно у саамских женщин, психика крайне нестабильна, они легко поддаются испугу и впадают в слепое бешенство. Вдобавок для них типичен некий уход в бессознательное состояние наподобие эпилепсии (Кастрен, 1934, 38–41). Описания эти очень хорошо совпадают с симптомами истерии.

Кастрен (1934, 42) также исследует характерные для лестадианства экспансивные проявления религиозных чувств или «умиления» (liikutuksia). Он высказывает догадку о том, что они рождаются из «своеобразной, исконной, кроющейся в глубине души тайны», которая и лежит в основе истерии саамов. Кастрен считает приглушение таких проявлений, как «умиления», положительным явлением. Ниже в данной статье я ещё буду рассматривать «умиления» (liikutuksia).

Согласно традиционному финскому представлению, истерия зачастую объединяется с религиозностью, затрагивающей чувства. Привожу выдержки из выпущенного

издательством «Отава» более чем 30 лет назад «Большого энциклопедического словаря» (статья «Истерия»): «Истеричные люди склонны к внушению и чувствительны к внешним воздействиям. Поэтому они легко вступают в различные движения специфического характера, особенно религиозные, входят в состояние экстаза, начинают вдруг говорить на неизвестных языках и т.д. С другой стороны, они обладают способностью внушать и тем самым увлекают за собой других впечатлительных людей».

Мысль о том, что саамы весьма склонны к истерии, связана с гипотезой о примитивности саамов. Представление о том, что саамы суть противоположность или «ночная сторона» цивилизованных финнов, живущих на юге страны, встречается у Кастрена и далее. Всемирно признанный финский психолог Эйно Кайла пишет в своём труде «Личность» (3-е издание, 1946) почти с рабистской точки зрения о примитивности реакций саамских женщин, в частности, о склонности саамок к панике как особом её проявлении:

«Особенно часто мы наблюдаем примитивность реакций у недостаточно развитых индивидов, инфантильных особей замедленного развития. У них даже самые слабые переживания приводят к эффектным излияниям, недолго длящемуся состоянию замкнутости, истерическим реакциям» (Кайла, 1946, 325–326, 327).

В-третьих, привожу высказывание профессора Аапели Сарисало (1970):

«Саамы – беззаботные дети природы, зачастую смыслённые, легко подверженные внешним влияниям, у многих из них живое воображение. Считается, что у них отсутствуют присущий финнам твёрдый характер и упорство» (Сарисало, 1970, 24). Вышеописанную позицию называют этноцентризмом. В этноцентризме подчёркива-

ется свой национальный или этнический идентитет, его отличия от другой нации или этнической группы. Идентитет частично всегда основан на противопоставлении между «нами» и «другими». Это создаёт проблемы в тех случаях, когда основное население использует этноцентризм, чтобы закрепить за собой право на умаление другой культуры и эксплуатацию.

Для этноцентризма помимо указанных выше черт характерно также то, что он снижает достижения другой культуры. В Финляндии это проявляется в преуменьшении ценности достоинств саамской литературы. Например, Кай Лайтинен в своей «Истории финской литературы» (3-е переработанное издание, 1991) упоминает лишь одного саамского писателя – Нильса Ашлака Валкеапья (1943). Произведений саамской литературы очень мало, но именно это обстоятельство и указывает на принижённое положение саамов в финской культуре: литературный язык саамов родился поздно, преподавание на родном языке встречается редко и своих культурных институтов у саамов в сущности почти нет.

5. Лестадианство как периферийное и отвергнутое

религиозное движение

Движение пробуждения веры «лестадианство» основал лютеранский пастор Ларе Лестадиус (1800–1861). Движение это быстро распространилось на севере Финляндии, Швеции и Норвегии и достигло в конце XIX века также и Южной Финляндии. Вначале движение получило поддержку в среде саамского населения, что было обусловлено частично тем, что Лестадиус был наполовину саам и понимал нужды и менталитет саамов. В наши дни лестадианство – это саамское движение, существующее лишь в Норвегии, где саамский и лестадианский менталитет как

бы объединены друг с другом (лестадианцы защищали права саамов против диктата норвежской культуры).

В Финляндии лестадианство встречает наиболее сильную поддержку в Лапландии, а также в губерниях Похьянмаа и Кайнуу, то есть на той территории, которую выше в этой статье мы охарактеризовали как «арктическую». В некоторых районах к лестадианству примыкает до 40% жителей, так что можно как об исключении говорить даже о господстве там лестадианской культуры (см. Кяхккенен, 1988, 301). Всего же лестадианцев в Финляндии насчитывается двести тысяч, а само лестадианство – это наиболее крупное и самобытное движение религиозного толка. Движение это с самого начала вызвало сильное сопротивление и неприятие среди основного населения и со стороны лютеранской церкви, к которой оно формально относится. В одной из своих статей я высказывал мысль о том, что идентитет лестадианцев близок к этническому идентитету. И соответственно, можно утверждать, что отношение к лестадианству почти такое же, как к этноцентризму.

6. Описание лестадианства в литературе

Когда в финской литературе пишут об «арктической истерии», то очень часто речь идёт именно об изображении лестадианства или близкого лестадианству религиозного движения. Самые ранние описания мы встречаем в романе Яка Ахренберга (1847–1914) «Хихулитер», вышедшем в свет на шведском языке в 1889 году (в финском переводе – «Хихулейта», 1890 г.). «Хихули» или «хихулянец» – это презрительное прозвище лестадианца. Слово это указывает на так называемые «умиленья» (Hikutuksia), которые особенно на ранней стадии лестадианства сопровождались взвизгиваниями и прыж-

ками во время движений, напоминающих пляску.

К другим аналогичным романам такого рода можно отнести, например, «В продуваемом вагоне» (1935) Хейкки Топпила (1885–1963), «Богатый и бедный» (1955) Пааво Ринтала (1930), «Земля – песнь грешная» (1964) Тимо К. Мукка (1944–1973), «Грязные легенды» (1974) Марии Ваара (1931), а также некоторые романы Арви Ярвентауса (1883–1939).

Лестадианство является также излюбленным объектом изображения и в тех произведениях, где понятие «арктическая истерия» неуместно. В качестве примера можно упомянуть ряд произведений Ларин Кюёсти (1873–1948), Пентти Хаанпяя (1905–1955) и Анникки Кариниеми (1913–1984).

Как пограничные могут рассматриваться в этом плане некоторые романы Калле Пяятало (1919) и Анны-Майи Юлимаула (1950). Общим для всех книг, касающихся лестадианства, является то, что в них обычно внимание сконцентрировано на отдельных, считающихся странными либо отрицательными чертах, присущих этому движению. С самого начала в фокусе критики оказалось отрицание лестадианцами культуры как таковой. И сегодня апологеты этого движения не одобряют многие телевизионные программы, театр, кинематограф, оперу, танцы, лёгкую музыку, развлекательную литературу. По этой причине лестадианцев считают культурно неразвитыми, кем-то вроде детей, которые следуют указаниям своего руководителя (Фрейд, 1982, 15). Отрицание культуры является проблемой ещё и потому, что образ жизни членов этого движения контролируется общиной и её руководство почти напрямую вмешивается, когда жизненный уклад членов оказывается не соответствующим принципам лестадианства. Подобные примеры мы встречаем в романах Кал-

ле Пяятало, Пааво Ринтала, Марии Ваара и Анны-Майи Юлимаула. Вдобавок людям трудно одобрить жёсткие рамки верований в общине. Согласно им, когда настанет Страшный суд, смогут спастись и попасть на небо лишь члены движения. Поэтому религиозное обращение и вступление в движение представляет собой событие чрезвычайной важности, резко разграничивающее жизнь на «до» и «после». Различие между «нами» и «другими» в лестадианстве исключительно чёткое. Из писателей эти черты лестадианства критически обрисовали Анна-Майя Юлимаула и Лео Хартваара (псевдоним). Оба они происходили из лестадианских семей, но тем не менее впоследствии отошли от движения. Также и «умиления», возникавшие во время богослужения, или «liikutuksia», вызывали в людях неодобрение, но отчуждения и любопытства. Это было популярной темой в литературе, причем в Норвегии и Швеции больше, чем в Финляндии.

Согласно лютеранской религии вероисповедание – личное дело каждого. Лестадианство зародилось как движение, выдвигавшее на передний план духовную ответ-

ственность каждого индивида, но, по мнению многих сторонних наблюдателей (не лестадианцев), «умиления» как раз подавляют в человеке индивидуальность. Во время «умилений» человек спонтанно выставляет на всеобщее обозрение свои религиозные чувства. Вдобавок во время «умилений» люди испытывают экстаз, исступление, мешающее богослужению. С точки зрения литературы безразлично, что представляют собой по сути «умиления». Интереснее наблюдать, как их описывали.

Примером может служить отрицательно относившийся к лестадианству шведский пастор Карл Эквист, который в 1916 году в своей статье «В стране кричащего звука» так описывает «умиления»:

«На одной из проповедей во время причастия в церкви (в местности Недеркаликс в Швеции) в числе других сидела, облокотившись на скамью, женщина и повторяла с самого начала причастия до конца звук «О-о-о», ..., который был, возможно, смесью пения, крика и плача. Голос её был красив, сильный звук прерывался, единственно когда женщине надо было вдохнуть воздух, что происходило редко. Когда проповедь кончи-

лась, женщина замолчала и уже не издала ни звука до самого причащения. Мелодическое завывание прекратилось, но всё тело её дрожало. Она раскачивалась, подаваясь то вперёд, то назад от стола, за которым происходило причащение. При этом она размахивала во все стороны шарфом и выбрасывала его вперёд. Она хватала за шею верующих, склонившихся на одно колено по обе стороны от неё. Предложения из Библии она цитировала вслух так, что было слышно по всей церкви. Почти все, кто были вокруг стола для причащения, испытали это состояние «умиления». И когда все от стола вернулись на свои скамьи, они были подобны захмелевшему стаду. Некоторые прыгали и танцевали. Другие проповедовали. Стоял шум, который едва ли можно считать уместным у стола для причащения Господнего» (Эквист, 1927, 21–22).

Подобные описания религиозных деятелей повлияли на манеру писателей при изображении «умилений». Цитата из вышеуказанной статьи интересна тем, что «умилений» здесь явно изображаются как натуральный истерический припадок.

7. Основные черты «арктической истерии» в финской литературе

Если мы попытаемся кратко резюмировать черты «арктической истерии» в финской литературе, то можно прийти к следующему перечню, с учётом того, разумеется, что не все эти черты проявляются в каждом произведении.

1. Тема – северянин и его ближайшее окружение, зачастую природа Севера.

2. Мрак или сумерки (или контраст света и темноты).

3. Понятие неотвратимой и не поддающейся анализу вины и чувство подавленности (Angst).

4. Тема смерти (зачастую самоубийства).

5. Пассивность и самоустранение, неспособность ре-

шать свои проблемы, психические расстройства и их симптомы.

6. Повышенная и импульсивная сексуальность.

7. Религия – как форма использования власти, а с другой стороны, как отдушину для подавленных чувств (часто в соединении с сексуальностью).

8. Замораживание общественного и экономического развития (некая социально-экономическая «пустыня»).

По поводу пункта 1 могу утверждать, что «северность» непрерывно отодвигается всё севернее. Ещё в начале столетия в Средней Финляндии было много таких культурных периферий, где имелись предпосылки для появления литературы «арктической истерии». Например, на рубеже столетия и в первые десятилетия нашего века Як Ахренберг, Сантери Алкио (1862–1930), Эйно Райло (1884–1948) и Хейкки Топпила могли отнести события своих романов, описывающих экзотические религиозные явления, не обязательно к Лапландии, но и к Восточной Финляндии и к губернии Похьянмаа. Позднее этим областям уделяли подчёркнутое внимание Калле Пянтало (Кайнуу), Пааво Ринтала (Похьянмаа), Мария Ваара и Анна-Майя Юлимаула. В романах Йормы Корпелла (1910–1964) и Марко Тапио местность, где происходили события, не имела большого значения. Из новых писателей, рассматривающих «арктическую истерию», Роза Ликсом (1958–), по-видимому, привязана по признаку своего происхождения к Лапландии.

По поводу пункта 7 могу подтвердить, что ПСИХОЛОГИ, начиная с Фрейда, считали религию и эотику близкими явлениями. Особенно эротической религией в Финляндии считают лестадианство и близкое к нему корпелианство (корпеладвижение), получившее развитие в 30-х годах, которое

изображено в романе «Земля – песнь грешная» Тимо К. Мукка.

8. Утверждение 2: литература – это опосредованная конструкция действительности

Возвращаюсь теперь к утверждению, согласно которому в «арктической истерии» речь идёт о некой конструкции, производной культуры и сопутствующих представлениях и суевериях. В самом начале я уже ссылался на то, что исследователи феминизма считали «теорию истерии» Фрейда ничем иным, как формой использования общественной власти. Это был способ унижить женщин и доказать некую их «полуживотность». Вообще откровения Фрейда можно рассматривать и на фоне политики, что, однако, никак не является задачей данной статьи.

Западные общества настолько психологизировались, что люди употребляют всё больше психиатрических терминов, наблюдая себя и своих близких. Если кто-то получает ярлык шизофреника, или истерика, или подверженного депрессиям, это клеймо автоматическим образом делает его как бы в чём-то человеком второго сорта. Кроме того, это клеймо может стимулировать и его самого к соответствующему поведению в роли больного и тем самым привести к ещё большему ухудшению его состояния. Такую же манеру мышления можно использовать и в литературе «арктической истерии», в которой на лестадианцев зачастую навешивали ярлык примитивных, чуть ли не психически больных людей.

Само же лестадианство постоянно продуцировало писателей из своей среды. Часть из них сохраняла верность своему религиозному движению, например Антти Хюрю (1931), Хельви Куоппала (1916), Паули Матикайнен (1949), Ниילו Раухала (1936) и Марьятта Сяккинен (1939).

Другая же часть писателей отошла от лестадианства наподобие Арто Машлери (1956), Ласси Нумми (1928), Калле Пяятало), Аннамайи Вайттила (1928), Леены-Майи Симолин (1954) и Анны-Майи Юлимаула.

«Арктическую истерию» можно в какой-то степени встретить в книгах писателей, отошедших от лестадианства, в то время как в творчестве писателей-лестадианцев о ней нет ни малейшего упоминания. Напротив, Антти Хюрю, например, описывающий небольшие сообщества лестадианцев в губернии Похьянмаа, пишет о них уравновешенно, философски-спокойно, дистанцируясь от чувств. Ниило Раухала, больничный пастор, финн родом из Лапландии, написал много светлых псалмов для финской лютеранской церкви. «Арктическая истерия» не является обычным явлением и в литературе саамов. Возникает вопрос: отчего же у них дело обстоит так? Одним из ответов может быть то, что у саамов и лестадианцев не хватило бы смелости рассматривать столь близко касающуюся их тему или что речь идёт о некоем табу на изображение – внутреннем запрете. Однако это не объясняет того, что «арктическая истерия» вообще занимает центральное место в финской литературе и что её описания встречаются у авторов, которые находятся вне пределов влияния арктической культуры. Популярность этой темы, возможно, объясняется частично тем, что она варьируется в области сильных чувств и страстей. Однако дело не только в этом. С точки зрения литературоведения существенно то, что литература не изображает, да и не может изобразить действительность такой, какая она есть. Даже реалистическое произведение не является буквально копирующим действительность (миметическим). Если формулировать кратко, то можно ска-

зать, что художественная литература всегда есть конструкция, абстрагированная непосредственно от темы.

9. Утверждение 3: литература влияет на видение действительности

Вопрос кроется не только лишь в одном конструктивном характере литературы. Появляющиеся в литературе описания действительности сегодня часто называют «репрезентациями». Помимо того, что «репрезентация» не есть подлинное изображение объекта, она способна воздействовать на манеру человека видеть действительность. В этом смысле литература есть использование власти, или ещё хуже – «промывка мозгов» (индокринация).

Когда саамов и лестадианство изображают в отрыве от основной культуры и описывают из их быта лишь определенные, выглядящие странными и чуждыми черты, взгляды людей на саамов и лестадианство меняются в ту сторону, куда направлена репрезентация. Вдобавок ко всему «репрезентации», представленные в книгах, рождаются из книг же. Это просматривается из появляющихся в финских романах описаний саамов и лестадианства. Так, например, пародийные описания проповедей кочуют из одного произведения в другое. В таких романах, как «Артист из Тайвалваара» (1938) Пентти Хаантгя и «Богатый и бедный» (1955) Пааво Ринтала пародируются проповеди лестадианцев. Образцом для обеих пародий послужила проповедь Лаури из романа Алексиса Киви (1834–1872) «Семеро братьев» (1870).

10. Синтез и выводы

По моему убеждению, саамы и лестадианство служили неким негативным фоном, «ночной стороной» для финского основного населения. Вдобавок они являются выраженными маргиналами в финском обществе.

При конструировании и репрезентации подобных маргинальных явлений обычно всегда используют этноцентристские методы. Таким образом, саамы, как и лестадианцы, являются для основного населения «другими», от которых есть причина дистанцироваться. Собственный идентитет поддерживается тем, что эти «другие» культуры описывают как отличные от культуры основного населения – примитивные, странные и нездоровые. Образцов для подобного изображения в прошлом можно найти сколько угодно. Показанное мною отторжение, именно такой способ отторжения, частично поддерживается и тем обстоятельством, о котором было сказано выше, а именно, что самим лестадианцам присуще отчуждаться от основного населения таким же образом, то есть подчёркивая, что они лучше и более правы в своём мировоззрении. В последнее время саамское население также подчёркивает свой особенный идентитет, и возникли дискуссии на тему: кто же такие в конце концов саамы?

Представленная мною в этой статье схема может объяснить также то обстоятельство, почему «арктическая истерия» особенно часто изображается в книгах лапландских (имеется в виду финских, но не саамских) писателей, выходцев из Кайнуу и северных областей. Когда живёшь по соседству с саамами и лестадианцами, подчёркивание отличия от них становится весьма важным для поддержания собственного идентитета. То же касается и писателей, которые вышли из лестадианской общины, но впоследствии отошли от этого движения: для некоторых из них отторжение от прошлого становится почти идеей фикс, которая может быть реализована посредством литературы.

г. ТАМПЕРЕ,
Финляндия

**ОБ ИСКАЖЕНИЯХ
В ПЕРЕВОДЕ
ПОЭМЫ
А.Е.КУЛАКОВСКОГО
«СНОВИДЕНИЕ
ШАМАНА»
НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

В этом году исполнилось сто лет создания классиком, основоположником якутской литературы Алексеем Елисеевичем Кулаковским – Ексеюлях Алексеем – поэмы «Сновидение шамана». Проведено уже несколько конференций читателей в улусах, в г. Якутске, встреча читателей с исследователями творчества поэта, его внуками и т.д. Основные произведения А.Е. Кулаковского опубликованы на русском языке в сборнике научных трудов, собраниях сочинений, изданных как в Москве, так и в Якутске. Поэма сама переведена и на английский язык. Таким образом, имя Ексеюлях Алексея широко известно в поэтической России. В связи с этим мне хотелось бы заострить внимание читателей на одну из проблем публикации и переводов его главного произведения – поэмы «Сновидение шамана».

Поэма «Сновидение шамана» А.Е. Кулаковского, которую сам автор определял как песню, впервые была опубликована в 1924 году. Это было прижизненным изданием, корректуру которого автор делал сам, и до своей кончины в 1926 году никаких замечаний по этому поводу не высказывал. Таким образом, по всем общепринятым правилам текстологической науки текст поэмы 1924 года является каноническим, основным, хотя разные издатели как на якутском, так и в переводе на русский язык необоснованно отрицают эту хрестоматийную истину.

Если вкратце напомнить о её содержании, структуре, то она А.Е. Кулаковским разделена на 12 частей восклицаниями ша-

ЛОЖКА ДЁТЛЯ

*Алексей Кулаковский (Ексеюлях).
Портрет кисти Афанасия Оситова.*

В БОЧКЕ МЁДА

манского камлания «дом ини дом».

I – Шаман во сне, превратившись в орла, с космической высоты обзревает всю планету и убеждается, что человечество начало уничтожать всё, что раньше было сотворено богом на земле, – животных, растения, природу. И всевышний бог карает людей способностью безудержно размножаться. В итоге планета испытывает перенаселённость.

II – В результате большие нации начали притеснять малых, большие государства зарятся на владения более слабых. Начинаются войны.

III, IV – На нашу землю посматривают с жадностью американцы, японцы, китайцы. Особенно тесно живут в Европе, поэтому, как Англия, эксплуатируют другие государства. Воинственностью отличается Германия. Шаман, пролетая над ними, каждой даёт жёсткую характеристику.

V – В этой Европе из-за перенаселённости земля не может накормить всех, начинается голод, назревает бунт против власти, звучат слова «республика», «революция». Но всех

бунтарей бросают в тюрьмы, ссылают. На фабриках, заводах жестокий гнёт, и простой народ задумал восстать. В результате грозят в будущем разрушения, голод, смерть людей.

VI – Обзревая планету, шаман впадает в дрему и неожиданно просыпается от шума неистовствующих плясок богов войны. Земля, возмущённая этим, пытается наказать их, извергая огненную лаву.

VII – Началась война, исчезли губернии, уничтожены города, людская кровь потекла рекой, разрушена земля, исчерпаны все накопленные народами богатства, закрылись заводы. Не приведёт ли эта война великих наций к исчезновению нашего маленького народа саха?

VIII – Думал, от войны мало народу осталось, но людей стало ещё больше, стали наводить новые порядки, началась быстрая смена властей, рядившись в красное и чёрное, брат пошёл на брата.

IX – Зброшены все работы, наступил голод, люди начали есть друг друга. Если же заглянуть в будущее, то уничтожившая гнёт милая большевист-

ская партия возьмёт всю власть в свои руки, исправит все ошибки, возможно, через 20, 30 или 50 лет наступит добрая жизнь. Дальнейшее увидеть шаман не в силах, т.к. глаза его застлала чёрная мгла.

X – В нашу сторону переселится множество людей. Они вытеснят нас, сделают нас рабами, останется лишь в истории слух, что в Сайсарах когда-то жили саха.

XI – Обидно так исчезнуть с лица земли, предки наши учили в трудностях не сдаваться. Нужно сопротивляться, выучить их волшебство – культуру, стать равными с ними. Тогда пусть как судьба решит.

XII – Шаман просит высшие божества помочь им и бросает т??рэх (деревянный ковш). Он падает, видимо, вогнутой стороной вверх, что означает благополучный исход, поэтому шаман восклицает традиционное «Тускуо!»

Как видим, А.Е. Кулаковский тогда справедливо подчёркивал разрушительные последствия борьбы за власть и революции. Но поскольку он при описании великого голода упомянул большевиков, хотя бы как будущих спасителей, то критики эту поэму восприняли как клевету на советскую власть. А на самом же деле действительность подтвердила все предположения автора поэмы. Тем более что все его сослуживцы антисоветского, как тогда говорили, якутского областного совета, а затем земского управления (В.В. Никифоров, Г.В. Ксенофонтов, впоследствии репрессированные учёные) говорили об этом же. Как верно отметил Башарин Г.П., поэтому сам Алексей Елисеевич к советской власти до 1924 года относился лояльно, т.е. не высказывал своего отношения к ней. Это и проявилось в «Сновидении шамана».

Теперь понятно, почему защитники и сторонники восстановления доброго имени А.Е. Кулаковского при издании собрания его сочинений в 1946 году исказили структуру «Сновидения шамана». Редколлегия этой книги, состоящая

из ответственных работников, отрезки о партийных разногласиях, о партии большевиков из VIII и IX частей перенесли в XI, предпоследнюю. А объяснение своему произволу над основным текстом 1924 года дали весьма примитивно и не научно – А.Е. Кулаковский в примечании к поэме сам признаётся, что эти части им написаны после революции, то есть 1917 года. Раз так, они должны быть размещены в конце поэмы. Этим ходом они хотели отвести всяческие подозрения об антисоветских мыслях автора.

Дело в том, что литературно-переводческая комиссия наркомпроса ЯАССР, которая утверждала сборник к печати, при обсуждении поэмы «Сновидение шамана» поручила автору сделать примечание к ней и объяснить, почему шаман боится переселения. А.Е. Кулаковский, выполняя это пожелание, издание поэмы в 1924 году сопроводил примечанием следующего содержания: «Когда в 1910 г. писалась мною эта песня, то предполагалось, что как всемирная война, так и русская революция разгорятся не ранее, чем через 20–25 лет. Великий голод и переселение в отдалённые окраины должны были случиться тотчас вслед за войной и революцией, как естественные их последствия. Рассчитывая на такой сравнительно долгий срок, шаман советует единоплеменникам успеть за этот период времени усвоить русское волшебство, т.е. культуру, чтобы стать равными с пришельцами в борьбе за существование. Он этим советом не пропагандирует антагонизма против ожидаемых пришельцев, как ошибочно могут понять плохо знающие якутский язык, а лишь указывает на возможное средство устранения вымирания своей народности путём поднятия её культурно-развития.

«Всё, что касается до партийных распри внутри России, написано после революции».

Здесь автор чётко говорит, что голод и переселения на-

ступят после всемирной войны и русской революции. Сюжет поэмы так и построен. А.Е. Кулаковский в 1915 году ездил в центр (Москву, Санкт-Петербург) и, конечно, подробно узнал последствия всемирной войны, начавшейся в 1914 году. В поэме прямо не указывается, о какой русской революции идёт речь. Но, очевидно, судя по вставке о роли большевиков, в понятие «после революции» явно включает и октябрьскую, социалистическую. Автор сам был свидетелем бед, принесённых гражданской войной в Якутию, знал и о положении в центральных областях. В дневнике 1924 года ещё до переезда в Якутск в Сеймчане записал: «В России голод». Таким образом, события действительности, очевидцем которых он стал, Кулаковский вложил в пророческие слова шамана, якобы предсказавшего всё это ещё в 1910 году. Художественный образ шамана, которого, как справедливо писал Е.Е. Алексеев, нельзя идентифицировать с образом самого А.Е. Кулаковского, позволял поэту делать это. Творческие люди хорошо знают, что писатели могут дописывать своё произведение десятилетиями и не все дополнения ставят в конце текста. Дополнения они делают в любом месте своего детища. Как показала публикация одного из первых вариантов «Сновидения шамана», сделанная проф. Е.И. Коркиной в 1970 году, А.Е. Кулаковский поступал именно так. Этот вариант, найденный в архиве известного лингвиста С.А. Новгородова, датируется 1913 годом. С большой долей вероятности можно предположить, что эта копия подарена ему самим Кулаковским, так как они были друзьями, земляками из одного и того же Таттинского улуса.

Сравнение текста 1913 года и прижизненного издания поэмы в 1924 году убедительно подтверждает вышесказанное. Новгородовский список поэмы состоит из 565 строк, а из-

дание 1924 года – из 1357. Таким образом, А.Е. Кулаковский первоначальный вариант «Сновидения шамана» увеличил в два с лишним раза, делая вставки не только после революции, но и до этого. Мы установили, что они делались, не считая мелких детализаций в 12–20 строк, в девяти разных местах сюжета произведения. Объём некоторых из них составляет 110–215 строк. О чём они?

В них поэт более подробно пишет о технических средствах войны, развивает мысль об угнетении большими нациями малых, о войне между государствами из-за перенаселённости Земли. По этой же причине люди начинают голодать, готовиться к свержению властей, создают тайные общества, говорят «республика», «революция». Самая большая вставка в 283 строки посвящена ужасающим последствиям войны, разорению народного хозяйства, великому голоду на земле. Выражена надежда на партию большевиков, описана быстрая смена властей, гражданская война. Затем дополнены строки об опасности переселения большой массы пришельцев, о возможных путях спасения от исчезновения.

По содержанию этих вставок ясно, что они писались годами по мере развития событий. Писатель даёт реалистическую картину мира после 1912 года, после начала войны 1914 года, революционных событий 1905 и 1917 годов, гражданской войны двадцатых годов. Когда они написаны, можно только предполагать. Да и примечание о том, что касается партийных распрей, написано после революции и подразумевает отрезок времени с 1917 до 1924 года (издания книги). Это могло быть сделано как после 1917 года сразу, так и непосредственно в период подготовки рукописи к печати. Профессор Е.И. Коркина тогда правильно пришла к выводу, что «Сновидение шамана» – многослойное произведение, созданное в течение многих лет.

Поэтому если вещи называть своими именами, то фальсификация якутского текста в 1946 году заложила основы всех искажений в дальнейшем. Но при этом следует заметить: если изменение структуры поэмы до 1956 года можно было как-то объяснить политической ситуацией, то последующее было просто-напросто проявлением неуважения к наследию классика и научной недобросовестностью.

В целом переиздания «Сновидения шамана» на якутском языке претерпевали разные искажения, пересказывать всё это, к сожалению, не позволяет размер газетной статьи. Скажу только одно: верхом пренебрежительности к наследию А.Е. Кулаковского стало издание «Сновидения шамана» в составе сборника его произведений в 2002 году под грифом Центра изучения наследия Кулаковского в Институте гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия). Руководитель – академик АН РС(Я) Иванов В.Н.

Этот Центр вместо того, чтобы сберечь каждое слово классика якутской литературы, из публикуемого им текста поэмы выбросил вышеупомянутые VIII и IX части, даже ничем не обозначив, не оговорив нигде этот свой произвол. Если раньше хоть и передвигали эти части произвольно на конец произведения, то обговаривали, объясняли как-то, а издатели XXI века вовсе расправились с этим произведением произвольно.

К сожалению, этот чёрный «якутский след» привёл к искажению структуры, тем самым и идеи самого автора в русских переводах, продолжающихся до сего дня.

Насколько нам известно, в архиве Якутского научного центра хранятся три перевода «Сновидения шамана», сделанные Анатолием Ольхоном, И.Е. Винокуровым-Чагылганом – якутским поэтом, В.А. Семёновым, кандидатом филологических наук (вторая половина сороковых годов). Все они не

опубликованы. Интересно, что А.Ольхон поэму перевёл с изменённой структурой, как в якутском издании 1946 года. При этом ссылается, что это он сделал по совету и указанию Башарина Г.П., так как он сказал ему, что это произведение будет опубликовано в 1946 году с таким изменением.

После «Сновидение шамана» переиздавалось несколько раз в русскоязычных изданиях произведений А.Е. Кулаковского в переводе Сергея Поделкова (А.Е. Кулаковский «Песня якута» – 1977 г., Москва; «Наступление лета» 1986, Москва; «Сновидение шамана» – Якутск, 2002).

В целом наши друзья, русские поэты В.Солоухин, А.Ольхон, С.Поделков, сделали великое дело, открыв путь всем основным произведениям к мировому читателю. К ним можно добавить оригинальные и интересные переводы и переложения из фольклорного наследия А.Кулаковского, сделанные Анатолием Преловским незадолго до кончины («Тень огня», 2004). Одним словом, они преподнесли бочку мёда (да не одну) народу саха. Да вот, из-за грубого нарушения структуры канонического текста поэмы «Сновидение шамана» в них оказалась ложка дёгтя. При этом она попала и в переводе Е.С. Сидорова, изданного отдельной книгой (А.Е. Кулаковский «Сон шамана» – Якутск, «Бичик», 1994). Перевод в смысле содержания превосходный, хоть и не претендует на художественность. Ощущён глубоко научным комментарием, раскрывающим величие таланта А.Е. Кулаковского. Но он не преодолел ненаучной традиции своих соплеменников и сохранил искажённую структуру варианта 1946 г. – строки о гражданской войне и большевиках тоже перенёс в XI часть, к концу, хотя как прекрасно владеющий родным языком знаком с прижизненным, каноническим текстом.

Сразу должен прямо сказать, что никакой вины Сергея Поделкова в этом нет: он распо-

лагал подстрочниками, какие тогда передали организаторы этого дела, руководители Союза писателей Якутии Семён и Софрон Даниловы.

Во-первых, в русском переводе поэмы изменена дата создания произведения. В издании 2002 года в конце поэмы хотя и поставили 1910 год, но перенесённые строки озаглавили «Эпилог» (чего в оригинале у Кулаковского нет и в помине. – **Н.Т.**) и поставили дополнительно от себя 1924 г. А между тем текстологическая наука справедливо считает: «Поставленная автором в рукописи или в печатном тексте дата, что бы она ни обозначала, является частью авторского текста. И поэтому ни выбрасывать, ни изменять по собственному рассмотрению текстолог не имеет права» («Основы текстологии», М., 1962. с. 175). Мы уже объяснили, что, судя и по примечанию, и по сравнению текстов поэмы 1913 и 1924 годов, А.Е. Кулаковский работал над «Сновидением шамана» долго, вплоть до подготовки к печати. Но он, как автор, весь замысел подчинил к художественному образу прорицателя шамана и поэтому счёл необходимым поставить год создания 1910 годом. Это его право. А мы лишь попытались объяснить, как всё на самом деле было. К слову сказать, А.Е. Кулаковский в обозначении даты написания и других некоторых произведений поступал также («Большая огнедышащая лодка» – «Пароход», «Проклятый до рождения»).

Второе. Из-за того, что из VIII, IX частей поэмы строки о партийных расправах и большевиках перенесены на конец в XI часть, искажён замысел автора. Он писал то, что видел, – после революции. При советской власти началось массовое голодание населения в некоторых областях, гражданская война. Всё это А.Е. Кулаковский вложил в уста шамана, прорицающего будущее в 1910 году, вполне художественно убедительно. При этом в варианте 1913 года упомина-

ния Германии как опасного источника, причины мировой войны нет вовсе! Эти строки появились в издании 1924 года, а когда они туда внесены, можно лишь предполагать – возможно, после поездки автора в центр в 1915 году. Так что сравнение поэта с Нострадамусом – сильное преувеличение.

А вот переселение в Якутию большого количества населения из России – это действительно предсказание. Сейчас в Республике Саха (Якутия) население составляет более миллиона человек, а коренного из них около 400 тысяч. Значит, половина населения Якутии – по существу переселившиеся из центра люди. Если бы это произошло при царизме, не миновать бы нам всех тех бед, какие описал А.Е. Кулаковский в «Сновидении шамана». Сам А.Е. Кулаковский до самых последних дней опасался этого. В статье, написанной в год кончины в 1926 году, говорит, что если переселятся 30–40 тысяч человек, то нечем будет их кормить. К счастью нашему, произошла Октябрьская революция, и советская власть сама обеспечила проживание переезжающих в наши края.

Сейчас мы живём накануне ещё большего переезда людей из всех уголков России, даже из стран СНГ, при освоении Эльгинского месторождения коксующегося угля с запасом в 2 млрд. тонн, из-за развития нефтедобывающей промышленности, доведения линии железной дороги до Якутска.

Поэт-философ был прав.

Своевольное искажение якутского текста «Сновидения шамана» более или менее исправлено. Так, в 1994 году В.Н. Протоdjаконовым было издано учебное пособие, полностью соответствующее каноническому тексту «Сновидения шамана» 1924 года. А в 1999 году издательство «Кудук», основанное Федотом Тумусовым, ныне депутатом Госдумы, издало поэму на трёх языках в одной книге отдель-

но – на якутском, русском, английском. Русский перевод сделан Аитой Шапошниковой, английский – Русланом Скрыбкиным. Все они полностью соответствуют оригиналу автора поэмы. Но тираж всего 500 экземпляров.

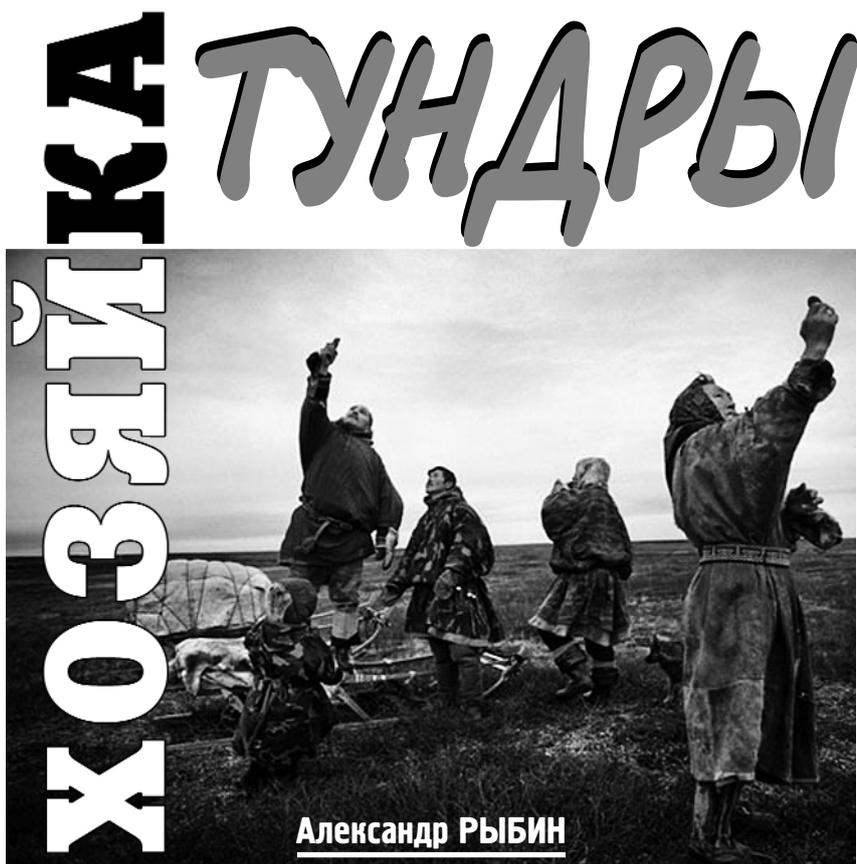
А в 2009 году, наконец, в результате девяти лет труда коллектива кафедры якутской литературы и учёных якутского госуниверситета вышел первый из семи том полного собрания сочинений А.Е. Кулаковского. В нём поэма издана тоже в соответствии с текстом прижизненного издания 1924 года.

Что же касается перевода на русский язык «Сновидения шамана», то, видимо, следует массовым тиражом издать исправленный вариант, идентичный её каноническому тексту. Я здесь по понятным причинам не смог даже затронуть качества, художественности переводов. Это предмет особого разговора. Но в целом все они в основном верно передают содержание строк оригинала. Естественно, художественное мышление XXI века должно внести новое в понимании идеи и содержания «Сновидения шамана», и это следовало бы реализовать в переводах современных авторов. Для этого опять же требуются деньги. Вообще следовало бы объявить конкурс на лучший перевод всех произведений А.Е. Кулаковского, названного великим Платоном Ойунским отцом якутского художественного слова.

Недавно в Якутске провели всероссийскую конференцию, посвящённую столетию написания поэмы «Сновидение шамана». Самое интересное, многообещающее было объявлено, что она проведена Правительством Республики Саха (Якутия). Хотелось бы надеяться, что оно и дальше не бросит начатого им дела.

Николай ТОБУРОКОВ,
доктор филологических наук

г. ЯКУТСК

Александр РЫБИН

*...никто не знает, откуда
она приходит и куда уходит.
Хозяйка тундры.
Костя видел её однажды...*

Костя родился и рос в посёлке на самом Полярном круге, на берегу Оби. Аксарка название этого посёлка. Со второй половины XVIII века здесь было стойбище рода Охсар юган ёх («лисейе реки народ») из малочисленного народа ханты. Русские рыбопромышленники, приплывавшие на стойбище покупать рыбу, называли его кратко – Оксарковские юрты. В начале 1930-х появился посёлок – Аксарка.

Семья Елисеевых приехала в Аксарку в середине лета. Они поселились на улице Новой. Улица действительно была новой – домам, построенным там, не исполнился ещё и год. Отец – Игнат Валентинович – устроился работать заместителем редактора местной газеты. Мать – Елена Фёдоровна – стоматологом в поликлинике. А их дочь – Лиза – с 1 сентября начала учиться в 11 «А» классе, в который перешёл и Костя.

Стесняющаяся девушка, в её длинные косы вплетался и её голос, потому приходилось напрягать слух, чтобы слышать её.

Несколько наиболее бойких одиннадцатиклассников пытались первое время ухаживать за новенькой. Но, удручённые её постоянно прячущимся взглядом и замкнутым характером, прекратили свои попытки.

Костя сидел один на последней парте в крайнем левом ряду. А перед ним Лиза вместе с ненкой Верой Окотетто.

Первое северное сияние случилось той осенью поздно, в начале октября. Для Кости оно было важнее первого снега и первых весенних цветов. Так уж повелось. Отец в детстве ещё его заразил.

В двенадцатом часу ночи Костя шёл на окраину посёлка – подальше от фонарей, чтобы лучше видеть сияние. Через улицу Новую – она обрывалась в черноту тремя недостроенными домами. Юноша прижался к одному из не-

достроенных домов, задрал голову вверх. Дыхание его отмечалось серыми облачками в холодном воздухе.

Меняя оттенки изумрудного, сжимаясь и расширяясь, в небе колыхалось полотнище сияния.

– Никогда раньше не видела, – слышался рядом голос Лизы.

Костя кратко взглянул на невысокую фигуру девушки и вновь обратил всё внимание на небо.

– Ненцы верят, что это светило для мёртвых. Поэтому оно холодное и света от него гораздо меньше, чем от светила для живых, Солнца, – сказал он.

Они не сказали друг другу больше ни слова. Но ещё три часа смотрели на изумрудные волны. Так началась их дружба.

В школе они не обмолвились ни словом о минувшей встрече. Как будто ничего и не было.

Когда северное сияние загорелось над посёлком во второй раз, Костя отправился на окраину Новой уже ради интереса: встретит её или нет. Лиза подошла позже.

– Только тебе из всего класса интересно смотреть на это чудо? – спросила девушка, продолжая смотреть вверх.

– Для остальных оно привычное дело. Просто мне очень нравится. С детства, – Костя не поворачивался к девушке.

В школе они по-прежнему не разговаривали. Даже не обменивались приветствиями, случайно встретившись на улице. Но всякий раз, когда удивительный свет прорывался сквозь тьму разрастающейся полярной ночи, они вместе, только они вдвоём, стояли у недостроенных домов.

– Ты где раньше жила? – спросил Костя, не сделав и пол-оборота головы в сторону девушки.

– В Омске. Это большой город, больше миллиона жите-

лей, много крупных предприятий, у нас даже построили несколько станций метро, правда, они не работают пока. Обещают запустить в скором будущем. Омск находится в...

– Знаю-знаю, где он находится. Почему сюда переехали?

– Папе предложили хорошую работу по специальности – он журналист. В смысле, с большой зарплатой. В Омске журналистам платят очень мало. Мама его постоянно ругала, что из-за него мы вынуждены жить в долгах. Ну он и нашёл хорошую работу здесь.

Сияние было бледно-белое. Распугивало уродливые тени в тундре – они металась между посёлком и горизонтом. Завыл, протяжно и страшно, волк.

– Я боюсь, – сказала Лиза, однако на юношу не взглянула.

– Не бойся. Волки стараются не приближаться к опытным охотникам – чувят опасность. А я – опытный охотник.

Утром в классе перед Костей опять маячил рыжий затылок с двумя тугими косами, но он совершенно не будоражил воспоминания о прошедшей ночи. Во время физики к юноше то и дело пово-

рачивалась Вера, чтобы помочь решить задачу. Лиза же только склонялась над собственной тетрадью и учебником. Глаза дикой серны, круглое лицо и всегда улыбка в уголках рта – вот такая была Вера. Она мучилась оттого, что её предками являлись ненцы, и мечтала сделать когда-нибудь пластическую операцию, чтобы обрести внешность европейки. Она всячески старалась угождать юношам с ярко выраженными европейскими чертами лица, но они-то как раз к ней оставались безразличны. Зато за ней пытались ухаживать её соплеменники и ханты.

Рыжий затылок был неподвижен, совсем не связан с небесными чудесами.

После школы Костя с друзьями долго шёл домой, на улицу Анатолия Зверева. Они заходили на берег Оби, долго стояли, если проплывала вдруг баржа или теплоход. Заходили на пристань, если был пришвартован «плавамагазин», разглядывали товары и болтали с командой. Сидели на центральной площади, на лавках вокруг памятника северному оленю. Ходили слушать, что памятник ваял тюменский скульптор, никогда живого оленя не видевший, поэтому памятник больше походил на корову. Иногда с юношами сидели их одноклассницы, но ни разу Лиза. Лиза, когда заканчивались занятия, спешно собиралась и уходила домой – одна.

– Почему новенькая с вами не гуляет? – спросил кто-то из юношей одноклассниц.

– Кто её поймёт. Странная она. Себе на уме, – ответила одна.

– Мне она говорила, что собирается поступать в московский университет, поэтому всё свободное время тратит на самообучение, – вторая.

– Дура она, и всех делов, – третья.

Дрожь, голубоватый свет растворялся в одной части

неба, вновь вспыхивал в другой, растворялся и появлялся на новом месте.

– Почему ты не гуляешь с одноклассницами? – спросил Костя Лизу. Прислонившись к стене недостроенного дома, они стояли совсем рядом, но не касались друг друга.

– У нас нет общих интересов. Меня они не понимают. Знаешь, что они обсуждают?

– Нет.

– У них пошлые примитивные разговоры. Мне это скучно.

– Понятно.

В школе Костя смотрел на Лизу, словно на давно знакомый, но несколько не интересный ему предмет. Если так получалось, что пересекался с ней взглядом, то быстро отводил глаза в сторону.

В пятницу вечером Костя с отцом поплыл на моторной лодке на фабрику Ямбура, к другу отца – ненцу Якову Саллиндеру. За оленьей.

Приятно было опустить на скорости руку в воду – словно сильные, но мягкие пальцы массируют ладонь, и от ладони по всей руке разбегалась лёгкость.

Яков старый, седоусый оленевод. Его стадо, больше тысячи голов, пасли его дочери и сын. Дети часто привозили ему оленину. А он продавал её на проходящие суда и раздавал друзьям – сам ел очень мало.

На ночь остались у ненца. В его пустом – кочевник не загромождал дом множеством вещей и мебелью, как это принято у русских, – и прохладном доме. Яков долго рассказывал о делах тундры. Уже за полночь начал рассказывать о духах.

– Ты о Хозяйке тундры слышал? – спросил Яков Костю.

– Ты ему о ней уже все уши прожужжал, – ответил, смеясь, Костин отец.

– Э-э, дорогой мой, о ней никогда не вредно повторить. Она из тех духов, кого сильно бояться и уважать надо.

В посёлке все знали о Хозяйке. Рыбаки и охотники – вне зависимости от национальности – говорили о ней исключительно почтительным тоном. Те же, кто ни рыбалкой, ни охотой не промышлял, называли истории о ней «брехнёй», «выдумкой» и так далее в том же роде.

– Эх, мальчик, – продолжал старый ненец, – уважай Хозяйку, но никогда не желай встречи с ней. Кто её видел, у того потом худое дело случилось. Силантий две зимы назад, тот, который Тоболько, в Товопоголе живёт, знаешь небось. Так он на «буране» поехал к родственникам в Зелёный Яр. На подороги остановился перекурить. На да там все останавливаются перекурить. А к «бурану» его нарты были прицеплены. Сидит, курит. Оборачивается на нарты, а на них молодая женщина сидит, как nenka по виду, но без головного убора, хоть и холодно сильно было. Силантий ничего плохого ей не сказал. Может, шла, устала, вот и присела отдохнуть – нарты не сломаются. Сидит, курит дальше. Во второй раз на нарты оборачивается, хотел спросить женщину, как дела, то да сё. А её нет. Как и не было. Но нарты-то в снегу просели, словно сидел на них тяжёлый человек, но следов человеческих вокруг нет. В Зелёный Яр приехал, оказалось, что его зять умер. Такие дела, мальчик. Хозяйка тундры, если встретила, то быть беде. Уважай её. Проси, чтобы беды не приносила – не встретила на твоём пути, стало быть. По тундре когда гуляешь или на охоту отправился, проси хозяйку, чтобы миновала твоего пути.

Утро выдалось серое. С севера пришли тяжёлые тучи. Скоро в воздухе закружился снег. Снег падал и тут же таял. Стало грязно и тоскливо. Косте захотелось спрятаться поглубже в тепло, пить горячий чай и просто смотреть в окно. Старый ненец натянул малицу – мужскую шубу из олень-

их шкур – и в ней расхаживал по дому, поэтому печь не затапливал.

– Надолго снег зарядил? – спросил его отец. Яков вышел на улицу. Вернулся через пару минут.

– Ночью закончится. Вам лучше завтра в Аксарку ехать. Может сильный ветер подняться. Опасно по большой реке при сильном ветре в маленькой лодке.

В воскресенье днём Костя с отцом вернулся в посёлок. Ярko сияло солнце. По улицам бодро бегали собаки.

В понедельник в школу. Лиза на переменах утыкалась в толстую книгу, а другие одноклассницы весело щебетали между собой или шутили с юношами.

После уроков Костя видел, как к Лизе подошла их классная руководительница и отвела её в сторону.

Вторник, среда, четверг – дни ходили друг на друга, как близнецы. Уроки, долгий поход до дома, вечером Костя сидел на улице с друзьями или у кого-нибудь из них дома. Но втайне он ждал, когда же вновь загорится над посёлком северное сияние, чтобы поговорить с Лизой.

Вечером в четверг оно наконец загорелось.

– Тебя не было в субботу, – начала первая Лиза.

– Да. Ездили с отцом в Ямбуру.

– Где это?

– Фактория. 80 кмэ вниз по Оби.

– На лодке плавали?

– На лодке. А с тобой в понедельник классная почему-то разговаривала.

– Ну её. Спрашивала, всё ли в порядке во взаимоотношениях с одноклассниками, – девушка передразнивала хриловатый голос классной, – сказала ей, что всё прекрасно. А общаюсь с вами мало, потому что надо готовиться к поступлению в университет. Вроде поверила.

– Ты, правда, хочешь поступать в университет?

– Хочу. Но не знаю точно, в какой именно. Родители настаивают, чтоб в Москву.

– Ясно. Слушай, – Костя повернулся к Лизе, – почему ты со мной в школе не разговариваешь?

– А ты почему? – Лиза повернулась к нему.

– Хочешь, чтобы разговаривал.

– Давай попробуем.

На первый урок Костя пошёл пораньше, чтобы до звонка оставалось хотя бы десять минут. Лиза уже сидела за своей партой. Подходя к ней, он лишь сказал: «Привет». «Привет», – ответила она. Юноша задержался на мгновение. Смотрел на девушку, она – на него. Потом бросил рюкзак на свою парту и сел на свой стул. Так молча и дождался звонка. На следующей перемене его подозвал один из друзей. День продолжался, как обычно. Ещё один день-близнец.

Потом выходные. Валил снег. Уже не таял. Снег валил три дня. Во вторник утром улицы расчищали бульдозеры. Единственный экскаватор грузил снег в самосвалы, а они сбрасывали его с обрывистого берега Оби. Серые, напивавшиеся водой комья плыли по реке на север, к Ледовитому океану.

Младшеклассники строили во дворе школы снеговиков. Самых младших привозили на санках родители.

Костя опять ждал. Глядя в рыжий затылок, придумывал, что скажет в следующий раз. Как объяснит. Что предложит.

– Что? – к нему повернулась Вера.

– Чего «что»? – не понимая, спросил он.

– Ты что-то сказал, а я не расслышала, – шёпотом говорила Вера.

– Ничего я тебе не говорил, тебе показалось.

– Ну ладно, – и она отвернулась.

Наверное, так задумался, что вслух сказал, – решил юноша.

Наконец он дождался.

По небу скользили то изумрудные, то голубые ленты. Лизы не было. Она подошла позже на пятнадцать минут и сразу объяснила:

– С мамой был важный разговор.

– Понятно. Я это, хотел сказать. Не получилось в общем, – он посмотрел на девушку, она – на него.

– Да. Может, это потому, что здесь чудо, – она протянула руки к небу, – а в школе всё обычное.

– Что же делать?

– Не знаю. Ты переживаешь из-за этого?

– Ничего я не переживаю. Просто не понимаю, почему так получается.

Северное сияние блекло – заканчивалось.

– Можно попробовать поговорить в выходные, – громко и радостно придумал юноша.

– Давай. Когда?

– В субботу. Встретимся здесь.

– В двенадцать, не раньше.

Северное сияние совсем погасло. На небе ярко проступили тысячи звёзд. Млечный Путь разлился от горизонта до горизонта.

– Давай. Правда...

– Что?

– Да отец просил съездить с ним в Салехард. Знаешь, я давно не был в Салехарде. Мне там очень нравится.

– Что именно нравится?

– Ну как. Город же. Тут посёлки. Всех знаю. А там город: люди другие, другой ритм жизни. Всё по-другому. Интересно.

– Тогда в воскресенье.

– Нет. Я договорюсь с батей. В субботу. В двенадцать.

– Хорошо.

Костя долго объяснял отцу, почему не хочет ехать в город. Отец не понимал.

– Не знаю, когда в следующий раз получится поехать.

Мама попросила к тому же, чтоб тебе новые штаны купил. Поехали.

– Не, батя. Не поеду. Так надо.

– Чего «надо»?

– Просто надо и всё.

– Ну смотри сам, – сдался отец.

В двенадцать за недостроенными домами на Новой Лиза уже лепила из снега нечто причудливое.

– Это что? – Костя сел рядом с ней на корточки.

– Памятник человеческой наивности.

– Как же можно лепить памятник наивности? – она же абстрактна.

– Так и памятник абстрактный.

– Тебе помочь?

– Давай.

После они долго гуляли по тундре, по колено проваливаясь в сугробы. Костя рассказывал, как он рос в посёлке. Про ханты и ненцев. Как ездил к ним на стойбище. Про главный ямальский праздник – День оленевода.

– В День оленевода ещё конкурс красоты среди «националок», то есть хантыек и ненок, проводят. Но он не такой, как в городах. Молодые «националки» выходят на сцену в самых красивых своих ягушках, кисах и шапках. Жюри оценивает именно их одежду, умение шить и разу-

крашивать одежду, представляешь.

– Ой, ты извини, – оборвала его Лиза, – но мне уже домой пора.

– Понятно. Завтра встретимся?

– Давай.

– В то же время, на том же месте?

– Хорошо.

Хотя в школе они так и не разговаривали, после уроков Костя каждый раз стал провожать девушку до дома. Они выбирали такие маршруты, чтобы не встречаться с одноклассниками и знакомыми.

Настал декабрь. Солнце совсем не выходило из-за горизонта. Фонари на улице горели круглые сутки.

Когда Костины родители уезжали с ночёвкой в Салехард, он и Лиза, нагие, подолгу лежали обнявшись на его кровати, укрытые с головой одеялом.

– Ты мне кажешься такой неземной, инопланетной.

– Я – твоя инопланетяночка.

– Да.

Но ночевать у юноши девушка ни разу не оставалась – уходила домой. Они часами прощались в прихожей. Держались за руки, стояли друг напротив друга.

– Я пойду, – говорила она.

– Иди, – отвечал он, но не отпускал её рук, а она не пыталась их высвободить.

Через десять минут, двадцать, через миллион лет она в который раз говорила:

– Я пойду.

– Иди.

И они всё держались и держались за руки.

– Мой отец служил на Горном Алтае. Рассказывает, что алтайцы, как наши ханты и ненцы, верят в духов природы. У них тоже есть шаманы. – Костя с Лизой гуляли вдоль дороги на Салехард, единственной круглогодичной дороге, связывавшей Аксарку с

От Аксарки до Ямбуры уже был расчищен зимник. Зимник пролегал вдоль правого берега Оби. В нескольких километрах от посёлка, за поворотом, Костя остановил снегоход.

– Послушай, какая тишина, – сказал юноша.

Пространство вокруг было абсолютно белое, белым было и небо. Лишь чёрные колышки, обвязанные красными тряпками, отмечали зимник – они стояли через каждые двести метров. Тишина оглушала девушку – не было действительно ни единого звука, от непривычности в ушах девушки нарастал звон.

– Спать-то вместе будете? – спросил, хитро улыбаясь, старик, когда Лиза уже положила голову на плечо Кости и старалась не закрыть от усталости глаза.

– Да, – ответил юноша.

Яков хихикнул и стал застилать молодым людям кровать, на которой обычно спали его родственники, приехавшие погостить.

– Только ничего эдакого делать не будем, – требовательно шёпотом произнесла девушка, когда забралась к Косте под одеяло.

– Не будем.

Они мечтали о Горном Алтае: рассматривали его на картах, читали о нём в книгах. Костя раз за разом спрашивал о нём отца.

– Горы там гораздо выше, чем наш Полярный Урал, – отцу нравилось погружаться в армейские воспоминания, – на вершинах многих гор ледники. В Кош-Агачинском районе, где я служил, высокогорная степь. Две – две с половиной тысячи метров над уровнем моря. Дождей не бывает. Поэтому алтайцы там строят дома не со скошенными крышами, как у нас, а с прямыми.

– Почему нет дождей?

– Дождевые облака не успевают собраться – их ветер уносит. Ветер там посильнее, чем у нас во время метелей.

Новый год Костя и Лиза отмечали вместе с одноклассниками. Но они не пили, как все, шампанское и вино. Пару раз пригубив бокалы, они ушли на улицу. Разгоралось северное сияние. В изумрудном свете они целовались.

Они томились, ожидая весну. Полярная ночь отступала – Лиза этому невероятно радовалась, продолжительное отсутствие солнца вводило её в депрессию.

22 мая лёд на Оби тронулся. На обрывистом берегу несколько взрослых компаний пили горькую водку в честь этого события и громко звали тепло.

другими населёнными пунктами.

– Ты здесь знаешь каких-нибудь шаманов?

– Только одного. С отцом ездил к нему. Но я не видел, как он шаманит. Такой древний и важный дед. В нём чувствовалось что-то особенное, незнакомая мощная сила.

– Я бы хотела увидеть настоящего шамана.

– Я отвезу тебя обязательно в Ямбуру, к деду Якову. Его отец был шаманом, и он сам много знает про ненецких духов. А летом мы с тобой поедem на Горный Алтай – будем искать шаманов там.

– Да. У нас будет общая цель – поехать на Алтай.

Яков потчевал гостей варёной, плохо просоленной оленьиной. Затем полночи под треск дров в печи рассказывал о духах.

– Про Хозяйку тундры знаешь? – спросил старый ненец девушку.

– Нет.

– О-о, про неё надо знать. Что же ты, Костя, ничего не рассказал ей о Хозяйке? Сейчас расскажу. Это же главный здешний дух. Её сильно уважать и бояться надо. Но никогда не стремись с ней встретиться. Кто её встречал, у того в жизни потом обязательно беда происходила.

Яков вспомнил историю о Силантии Тоболько.

В середине июня закончились выпускные экзамены.

Костя и Лиза, сбежав от празднующих в кафе одноклассников, гуляли по сырой тундре, прыгали с одного сухого островка на другой.

– Родители хотят, чтобы я поехала поступать в московский университет.

– И что, ничего нельзя изменить? Я не смогу поехать в Москву учиться – у моих родителей столько денег нет.

– Знаю-знаю. Но я решила, что если поступлю, то постараюсь сделать так, чтобы ты ко мне приехал, и мы будем жить вместе.

– А как же Горный Алтай?

– Но ведь вступительные экзамены закончатся в первых числах августа. Вернусь, мы поедем на Алтай, а оттуда в Москву.

После того как Лиза уехала – родители уехали вместе ней, – Костя перестал спать по ночам. Днём ходил с красными глазами вампира. Из Москвы пришло два письма от девушки и больше никаких вестей. «Мы пока живём в гостинице, но нас скоро должны поселить в общежитие университетское. Тогда напишу тебе свой адрес и буду ждать твоих писем», – было в первом письме. «До сих пор в гостинице живём», – во втором. Словно она улетела в космос и потерялась там.

Он ездил поступать в университет в Салехард. Но провалил экзамены. Да какие, к чёрту, экзамены, если от неё нет вестей?!

Он бродил один по тундре вокруг посёлка.

В ту ночь, когда Косте всё-таки удалось уснуть, он проснулся оттого, что почувствовал, как на него кто-то пристально смотрит. Открыл глаза. В комнату через окно вливался сумеречный свет – солнце меньше чем через час должно было появиться из-за горизонта. Рядом с кроватью стояла молодая ненка – в цве-

тастом национальном платье, чернящие волосы спускались ниже плеч. Костя онемел и ничего не мог произнести. Ненка развернулась и стала быстро уходить, с каждым шагом растворяясь в сумеречном свете.

– Стой, ты кто? – наконец шёпотом произнёс Костя.

У самой входной двери слышит ненки окончательно растаял.

Костя понял, что это было. Не смыкал глаз до тех пор, пока не встал отец. Юноша хотел попросить у него лодку, чтобы ехать к старому Якову. Чтобы узнать у ненца, как отвести неминуемую беду. Он предчувствовал, какая беда может случиться... но он очень хотел увидеть Лизу живой и здоровой.

Костя ничего не успел сказать отцу, мама попросила его купить в магазине молоко.

В магазине соседка, она работала в поликлинике, эмоционально, с многочисленными междометиями, рассказывала продавщице о том, что ночью ханты, ветеран чеченской войны, зарезал заезжего кавказца.

– Пронесло, – подумал Костя, закрывая дверь магазина, – не к тому явилась, – решил поскорее забыть дурное видение.

В середине августа Лиза с родителями вернулась. Но она не зашла к нему. Один из бывших одноклассников, встретившийся на берегу Оби, спросил Костю:

– О, а ты чего не у Лизы? Ты не знаешь, что ли, что она приехала?

Юноша побежал домой к девушке.

Дверь открыла Елена Фёдоровна.

– Константин? Здравствуй, – удивилась она.

– Здравсьте. Где...

Из-за спины матери появилась Лиза. В коротеньком платьице, в глубоком вырезе виднелись грудки, по которым так истосковались губы юноши, его руки. У девушки был хороший загар, она каза-

лась свежее, выше ростом – ещё желаннее.

– Мам, мне надо с ним поговорить, – девушка вышла из квартиры, захлопнув за собой дверь. Отстранила юношу, когда он попытался её обнять.

– Костя, пойми, – начала девушка, – мы не сможем жить вместе в Москве. Так получается.

– Почему? Я одолжу денег. Устроюсь в Москве на работу, сможем, – спешил Костя.

– Пойми! Наши отношения... неужели ты сам не понимаешь, что это было?

– О чём ты?

– Наши отношения были лишь первым увлечением. Это всё было несерьёзно. А там, в Москве, я встретила человека, который мне по-настоящему дорог, без него я правда не могу жить. Ты ведь тоже найдёшь своего главного в жизни человека. Правда же?

– Сука! Проститутка! Я же ждал тебя! – юноша потянулся руками к её шее, тоненькой, в которую утыкался лицом много раз.

Из квартиры выскочила Елена Фёдоровна. Заталкивая дочь в квартиру, она кричала:

– Не смей! Только тронь её пальцем, я тебя в каталажку упеку!

Через пару дней Костя, пьяный и отчаянный, переспал с Верой Ококетто. После гулял с ней целыми днями по посёлку, старался почаще проходить по Новой мимо дома Лизы.

Семья Елисеевых уехала через неделю. Никого из них Костя больше никогда не видел.

г. ВЛАДИВОСТОК

Вспоминая чемпионат Европы 2002 года в Перми. Он как никогда был организован на высочайшем уровне. И не только в спортивном отношении, но и в человеческом, мемориальном. Организаторы чемпионата проявили редкую душевную щедрость и уважение, пригласив в Пермь всех послевоенных звёзд европейского любительского бокса, которые смогли и захотели приехать. Великие бойцы, а нередко и непримиримые соперники в ринге с удовольствием общались и вспоминали славные времена своей чемпионской молодости. Среди гостей чемпионата был и выдающийся советский тренер, вот уже более тридцати лет живущий в Канаде Борис Саулович Гитман – наставник, воспитавший Виктора Рыбакова, Игоря Высоцкого, – фактически центральная фигура в истории магаданской школы бокса.

История магаданского бокса – это история бокса советского. И не только бокса. Трагические обстоятельства превратили некогда дикий колымский край в один из крупнейших хозяйственных регионов.

Бокс на Колыме родился в конце 1940-х годов, и у его истоков стояли офицеры НКВД.

Посёлок Магадан появился на географической карте в 1929 году. Спустя всего десять лет он получил уже статус города. Магадан тогда фактически стал не только центром «Дальстроя», но и неофициальной столицей всей колосальной империи ГУЛАГа. Всего за несколько десятилетий через эти суровые места

прошли громадные человеческие массы: сотни тысяч эков, ссыльных и переселенцев. Немудрено, что именно офицеры НКВД и энтузиасты из ссыльных и бывших заключённых фактически и заложили основы знаменитой в будущем магаданской школы бокса.

Бокс в Магадане всегда держался на людях. А люди в этом студёном крае были особые. Такие, как, например, Яков Высоцкий – отец будущей звезды советского бокса. Высоцкий-старший был колоритным, исключительно одарённым человеком. Талантливый художник, подающий надежды боксёр, он попал на фронт, воевал, был захвачен в плен и отправлен в концентрационный лагерь. А после войны, уже своими – в ссылку на Колыму. Он был классным бойцом и энтузиастом бокса, продолжавшим достаточно успешно выступать в ринге и на рубеже пятого десятка

Первая боксёрская секция отрылась в Магаданской области в посёлке Ягодное в 1949 году. Первые успехи пришли довольно скоро уже в пятидесятые годы, пока ещё только на юношеском, региональном и ведомственных уровнях. Постепенно стал формироваться тренерский корпус, квалифицированные тренеры с Большой земли охотно ехали в колымский край, привлечённые высокими северными надбавками и хорошими условиями работы. В 1963 году в Магадан переезжает известный советский специалист, будущий президент Федерации профессионального бокса Украины Михаил Завьялов. Он

проработает в Магадане около 4-х лет. Именно с его именем связано зарождение самого понятия – магаданская школа бокса. Первой же звездой Магаданского бокса будет известный тяжеловес Евгений Бурмистров. Он первым из колымчан стал призёром взрослого чемпионата Советского Союза. Благодаря ему десятки мальчишек потянутся в боксёрские залы и сделают этот вид спорта самым популярным на Колыме.

Семидесятые годы стали звёздной эпохой магаданского бокса, его визитной карточкой на долгие годы. Игорь Высоцкий и Виктор Рыбаков были не просто чемпионами, они превратились в товарный знак А, как известно, в Советском Союзе знак качества непременно должен был быть прописан или приписан к столице.

В конце шестидесятых годов в полный голос заявил о себе уникальный организационный и педагогический талант Бориса Гитмана. С начала семидесятых – он безусловный лидер, локомотив бокса в колымском крае. Неожиданные для многих успехи магаданских бойцов заставляют скептиков признать появление в Советском Союзе нового боксёрского центра. Звёздная эпоха магаданского бокса начинается с Валерия Удовика, который в 1970 году последовательно выигрывает чемпионат СССР среди юношей, а затем чемпионат России среди взрослых, после чего включается в расширенный состав сборной страны. Летом 1973 года на небосклоне советского бокса зажигается новая яркая звезда. Летом

этого года юный девятнадцатилетний магаданский тяжеловес Игорь Высоцкий сенсационно и убедительно побеждает олимпийского чемпиона, обладателя Кубка Вела Баркера феноменального Теофило Стивенсона на турнире Кордоба Кардин. Победа в Гаване в присутствии самого «команданте» Фиделя Кастро становится увертюрой в славной спортивной биографии одного из самых ярких и популярных тяжеловесов в истории нашего бокса. Невысокий, мощный, бескомпромиссный и агрессивный панчер Высоцкий дрался в непривычной профессиональной манере на средней и ближней дистанции, подавляя своих соперников тяжелыми хуками и хлесткими апперкотами. И это не могло не приводить в восторг экспертов и любителей бокса.

В том же году в сборную Советского Союза был приглашен еще один представитель магаданского бокса – 17-летний Виктор Рыбаков. Он стал самым юным боксером за всю историю отечественного бокса, вошедшим в основной состав национальной команды. И это в полной мере характеризовало его исключительную, экстраординарную одаренность. Он семь раз, больше чем кто-нибудь другой из послевоенных боксеров, выигрывал чемпионат страны, трижды становился чемпионом Европы и четырежды признавался лучшим боксером Старого Света. И хотя ему не удалось победить на чемпионатах мира и Олимпийских играх, именно легкий, изящный, технически совершенный стиль Виктора Рыбакова стал визитной карточкой любительского бокса той эпохи.

В конце семидесятых заявил о себе еще один боец, которого в полной мере можно отнести к воспитанникам магаданской школы, – Вячеслав Яковлев. Ему трижды удавалось выиграть престижнейшие Хрустальные перчатки Абсолютного чемпиона стра-

ны, стать одним из трех советских боксеров, сумевшим победить легендарного Теофило Стивенсона, победить и стать призером множества престижнейших боксерских турниров.

В середине семидесятых главные звезды магаданского бокса – Рыбаков и Высоцкий – перебрались в Москву. В 1976 году Борис Гитман уехал на ПМЖ в Канаду, где организовал до сего дня успешно функционирующую «Европейскую боксерскую школу». Потеря вожака тренерского цеха, конечно, не могла не сказаться, но к этому времени в магаданском крае уже сложился высоко профессиональный тренерский корпус, среди которого выделялся энтузиаст бокса и классный тренер-методист Геннадий Рыжиков. Кстати, именно к нему в зал впервые пришел юный Виктор Рыбаков.

В восьмидесятых годах в Советском Союзе все отчетливее начали проявляться признаки застоя и надвигающегося распада. Это не могло не сказываться в проблемных Северных регионах. Финансирование с каждым годом сокращалось. Магадан уже был не в состоянии предлагать специалистам, в том числе спортивным тренерам, исключительно привлекательные условия. Начался постепенный отток лучших тренерских кадров. И всё-таки традиция и система продолжали работать. Как раз в эти кризисные годы Магадан дал нашему боксу свою самую яркую и титулованную мегазвезду – многократного чемпиона СССР и России, двукратного чемпиона Европы, чемпиона мира и Олимпийских игр в Сиднее Александра Лебзяка.

В начале стихийных 90-х Геннадий Рыжиков вместе с лучшими своими учениками Олегом Николаевым и Александром Лебзяком перебрались в Москву. Именно здесь их ждал спортивный триумф.

Десяностые годы прошлого века – время жесточайшего кризиса нашего бокса и на-

шего спорта в целом. Последствия этих катастрофических лет будут сказываться еще достаточно долго. Конечно, инфраструктура магаданского бокса сегодня далека от уровня благословенных семидесятых, существенно ниже уровень тренерских кадров. Но и сегодня здесь продолжают трудиться настоящие энтузиасты. Именно здесь, в магаданском крае, впервые встал в стойку двукратный чемпион мира Матвей Коробов, сегодня являющийся одним из главных проспектов профессионального бокса. И пусть Матвей еще в 14-летнем возрасте переехал в Москву, его с полным основанием можно считать еще одним представителем все еще живой магаданской школы бокса.

В 1971 году усилиями Бориса Гитмана в Магадане начал проводиться престижный турнир памяти Валерия Попенченко. Ни один мемориальный турнир в истории нашего бокса не проводился столь продолжительное время. Эти уникальные соревнования до сих пор являются главным спортивным событием всего региона. Лучшим свидетельством жизни магаданского бокса, гарантией его будущего возрождения. Недаром на этом турнире в последний раз вошел в ринг в качестве действующего боксера великий Александр Лебзяк. Он не мог завершить свою легендарную карьеру, не замкнув своеобразный круг, не уважив своих земляков, не победив напоследок там, где начал свой чемпионский путь.

Магадан – единственный город современной России, где вот уже почти сорок лет традиционно проводится престижный турнир памяти великого советского чемпиона Валерия Попенченко. Бокс в этих суровых широтах – спорт номер один. Не зря Колыму считают золотым прииском будущих чемпионов благородного искусства самозащиты.